

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 3 (18) 2026

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Епифанова Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Инишкова Агнесса Олеговна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, главный научный сотрудник, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Познышиов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рудякова Светлана Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по учебной работе, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонли, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Тайланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу Единого государственного перечня научных изданий (ЕГПНИ) – «Белого списка».

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urv.kubsu.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: urv@kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 18.09.2026. Дата выхода в свет: 23.09.2026.

Усл. печ. л. 12. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2026.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 3 (18) 2026

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Professor of the Department of Entrepreneurial Law and Private International Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Yelena V. Epifanova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey N. Zharebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Agnessa O. Inshakova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law and Private International Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Chief Researcher, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the A Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Maria A. Perepelitsa, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Svetlana V. Rudakova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Dean for Academic Affairs of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Alexander N. Shitov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law of Chiang Mai University of the Kingdom of Thailand

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "Legal Bulletin of the Kuban State University" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Unified State List of Scientific Publications (USPNI) – the "White List".

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urv.kubsu.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: urv@kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 18.09.2026. Release date: 23.09.2026.

Usl. pech. l. 12. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

The cover of the magazine is registered as an industrial design patent by the Federal Service for Intellectual Property on 28.02.2024 RU No 140792

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Авакян А.М.</i> Правовая природа страхования и его место в системе средств государственного принуждения.....	7
<i>Епифанова Е.В.</i> Административно-правовое регулирование геномного моделирования человека (постановка проблемы).....	14
<i>Неижкаша И.С.</i> Федеральная территория «Сириус» как субъект финансовых правоотношений.....	20
<i>Позднышов А.Н., Назаренко Н.А.</i> Единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС: правовая природа, архитектура межведомственного взаимодействия и режим трансграничного обмена данными.....	28
<i>Черненко А.Д., Павлов Н.В.</i> К вопросу о приведении избирательного законодательства в соответствие с новым законом о местном самоуправлении.....	36
<i>Шевченко О.А.</i> Пределы административной ответственности за неисполнение исполнительных документов неимущественного характера в условиях бюджетной необеспеченности.....	43
<i>Ширяева Т.Ю.</i> Эволюция института публичной власти и государственного принуждения от потестарных форм к современным механизмам цифрового контроля.....	51

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Дерюгина Т.В.</i> Цифровые права и цифровая валюта как объекты гражданских прав.....	59
<i>Конорезов Н.А.</i> Процессуальный риск как категория гражданского процессуального права.....	66
<i>Щенникова Л.В.</i> Нематериальные блага в перспективе гражданско-правового регулирования.....	73

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Куфлева В.Н., Уварова А.К.</i> Террористическое и преступное сообщества в УК РФ: сходства, различия и проблемы квалификации.....	83
<i>Одиназода И.А.</i> Розыск лиц, пропавших без вести, как основание для ограничения конституционных прав в рамках оперативно-розыскной деятельности.....	92
<i>Улитин И.Н.</i> Специальный субъект как факультативный (особенный) признак состава преступления: понятие, классификация и уголовно-правовое значение.....	102

КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ; НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ

<i>Лупарев Е.Б., Курячая М.М.</i> О прошлом и будущем парламентаризма. Обзор научно-практической конференции «Развитие парламентаризма на Кубани: история и современность (к 120-летию Государственной Думы)».....	112

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Alesya M. Avakyan</i> The Legal Nature of Insurance and Its Place in the System of Means of State Coercion.....	7
<i>Elena V. Epifanova</i> Administrative and legal regulation of human genome modeling (problem statement).....	14
<i>Ivan S. Neizhkasha</i> Federal territory «Sirius» as a subject of financial legal relations.....	20
<i>Aleksey N. Pozdnyshov, Natalia A. Nazarenko</i> Unified digital contour of the EAEU control and supervisory information systems: legal nature, architecture of interagency interaction and the regime of cross-border data exchange.....	28
<i>Aleksey D. Chernenko, Nikolay V. Pavlov</i> On bringing electoral legislation into conformity with the new law on local self-government.....	36
<i>Orest A. Shevchenko</i> Limits of administrative liability for failure to execute non-property enforcement documents in conditions of budgetary insecurity.....	43
<i>Tatyana Yu. Shiryayeva</i> The evolution of the institution of public power and state coercion from potestary forms to modern mechanisms of digital control.....	51

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Tatyana V. Deryugina</i> Digital rights and digital currency as objects of civil rights.....	59
<i>Nikolai A. Konorezov</i> Procedural risk as a category of civil procedural law.....	66
<i>Larisa V. Schennikova</i> Intangible benefits in the perspective of civil law regulation.....	73

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Valentina N. Kufleva, Anastasiya K. Uvarova</i> Terrorist and criminal communities in the Criminal Code of the Russian Federation: similarities, differences and problems of qualification.....	83
<i>Isfandiyor A. Odinzoda</i> The search for missing persons as a basis for the restriction of constitutional rights in the framework of operational search activities.....	92
<i>Ilya N. Ulitin</i> Special subject as an optional (special) feature of a crime: concept, classification and criminal-legal significance.....	102

CONFERENCES; SYMPOSIUMS; SCIENTIFIC SEMINARS

<i>Evgeny B. Luparev, Marina M. Kuryachaya</i> On the past and future of parliamentarism. Review of the scientific and practical conference "The Development of Parliamentarism in the Kuban: History and Modernity (on the 120th Anniversary of the State Duma)".....	112

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-7-13>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СТРАХОВАНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Авакян А.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Авакян А.М. Правовая природа страхования и его место в системе средств государственного принуждения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-7-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Авакян Аlesia Мнацакановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 467-31-06

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.08.2026

Статья принята к печати: 02.09.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Целью исследования является анализ правовой природы обязательного страхования в системе государственного и административно-правового воздействия.

Задачей исследования выступает анализ места обязательного страхования среди средств обеспечения публичных интересов и соотношения с государственным и административно-правовым принуждением.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза.

В *результате* исследования автором установлено, что обязательное страхование, сохраняя договорную форму, выполняет значимые публичные функции, связанные с обеспечением безопасности, защитой прав граждан и предупреждением социально значимых рисков. Обосновано, что обязанность по страхованию обладает признаками государственного принуждения, поскольку возникает независимо от воли субъекта и обеспечивается государственно-властными механизмами. Вместе с тем обязательное страхование не тождественно традиционным мерам административного принуждения, поскольку основано на нормативном регулировании и носит превентивный характер. Сделан вывод о его комплексной правовой природе как особого инструмента публичного управления.

Ключевые слова: страхование, обязательное страхование, государственное принуждение, административно-правовое принуждение, публичное управление, административные ограничения, методы государственного управления, предупредительные меры.

THE LEGAL NATURE OF INSURANCE AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF MEANS OF STATE COERCION

Alesya M. Avakyan

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Avakyan A.M. The legal nature of insurance and its place in the system of means of state coercion. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-7-13>

CONTACT INFORMATION:

Alesya M. Avakyan, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 467-31-06

E-mail: Avakyan.alesya@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.08.2026

The article has been accepted for publication: 02.09.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *purpose* of the study is to analyze the legal nature of compulsory insurance in the system of state and administrative-legal influence.

The *objective* of the study is to analyze the place of compulsory insurance among the means of ensuring public interests and the relationship with state and administrative-legal coercion.

The methodological basis of the study was formed by formal-legal, system-structural, comparative-legal methods, as well as methods of analysis and synthesis.

As a *result* of the study, the author found that compulsory insurance, while maintaining a contractual form, performs significant public functions related to ensuring security, protecting the rights of citizens, and preventing socially significant risks. It is substantiated that the obligation to insure has the characteristics of state coercion, as it arises independently of the will of the subject and is ensured by state-power mechanisms. At the same time, compulsory insurance is not identical to traditional measures of administrative coercion, as it is based on regulatory regulation and is preventive in nature. The author concludes that compulsory insurance has a complex legal nature as a special tool of public administration.

Keywords: insurance, compulsory insurance state coercion, administrative coercion, public administration, administrative restrictions, methods of public administration, and preventive measures.

Введение

На современном этапе развития юридической науки место и роль страхования в механизме публичного управления остаются недостаточно исследованными. Выступая важным инструментом перераспределения рисков и компенсации негативных последствий социально значимых событий, страхование выходит далеко за пределы исключительно частноправового регулирования и приобретает выраженное публично-правовое значение.

Будучи объектом государственного управления, страхование входит в сферу административно-правового регулирования. При этом особый научный интерес представляет обязательное страхование, поскольку его возникновение обусловлено не волеизъявлением участников правоотношений, а императивными предписаниями закона. Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о месте обязательного страхования в системе средств государственно-властного воздействия, а также о его соотношении с мерами административно-правового принуждения.

Методы исследования

Методологическую основу составили диалектический, формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы научного познания.

Результаты исследования

Проведенный анализ показал, что обязательное страхование, сохраняя договорную форму, выполняет значимые публичные функции, связанные с обеспечением безопасности, защитой прав граждан и предупреждением социально значимых рисков. Обосновано, что обязанность по страхованию обладает признаками государственного принуждения, поскольку возникает независимо

от воли субъекта и обеспечивается государственно-властными механизмами. Вместе с тем обязательное страхование не тождественно традиционным мерам административного принуждения, поскольку основано на нормативном регулировании и носит превентивный характер. Сделан вывод о его комплексной правовой природе как особого инструмента публичного управления.

Научная дискуссия

Правовая природа страхования носит двойственный частно-публичный характер. С одной стороны, страхование традиционно рассматривается как институт частного права, основанный на договорной модели регулирования, эквивалентности встречных предоставлений и автономии воли участников страховых правоотношений. С другой стороны, страхование направлено на достижение публичных интересов [10, с. 14–20]. Оно выступает самостоятельным инструментом публичного управления, посредством которого государство обеспечивает защиту общественно значимых интересов, минимизирует социально-экономические последствия наступления неблагоприятных событий и формирует механизмы компенсации вреда. В этом аспекте страхование становится одним из способов реализации публичных функций государства, обеспечивая возложение финансовых рисков на профессиональных участников страхового рынка.

Публично-правовое значение страхования проявляется в многообразии форм государственного воздействия на страховую сферу. Государство определяет основные направления развития страхового рынка, устанавливает обязательные требования к субъектам страховой деятельности, осуществляет лицензирование, контроль и надзор, обеспечивает защиту прав страхователей и выгодоприобретателей, организует функционирование системы обязательного социального страхования, а также использует механизмы налогового стимулирования страховой деятельности. Кроме того, в отдельных случаях государство непосредственно участвует в страховых отношениях в качестве страхователя либо обеспечивает финансирование соответствующих страховых программ.

Двойственность частно-публичной правовой природы страхования предопределяет его особое место в механизме административно-правового регулирования. Страхование одновременно выступает объектом государственного управления, на который распространяются административно-правовые средства регулирования, а также инструментом государственного управления. Вследствие этого административно-правовое регулирование страховой деятельности охватывает широкий круг отношений, включая регулятивные, контрольно-надзорные, разрешительные, охранительные и внутриорганизационные отношения в сфере публичного управления.

Наиболее ярко публично-правовая составляющая страхования проявляется в институте обязательного страхования. В отличие от добровольного страхования, основанного на свободном волеизъявлении сторон, обязательное страхование возникает в силу прямого предписания закона и реализуется независимо от усмотрения обязанного лица. Государство определяет основания возникновения страховой обязанности, круг обязанных субъектов, объекты страхования, страховые риски, минимальные размеры страхового покрытия, порядок осуществления страхования и последствия неисполнения соответствующей обязанности.

В этой связи обязательное страхование следует рассматривать не только как разновидность страховых правоотношений, но и как особый правовой механизм обеспечения публичных интересов. При этом его административно-правовая природа выражается не только в установлении обязанности по страхованию, но и в осуществлении государственного контроля и надзора, использовании мер юридической ответственности за нарушение страховых обязанностей, а также в финансировании отдельных видов обязательного страхования за счет средств публичных фондов и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Так, к примеру, административная ответственность наступает при несоблюдении требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта (ст. 9.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ)), в сфере морского страхования (ст. 11.6.3. КоАП РФ), в сфере страхования гражданской ответственности перевозчика (ст. 11.31 КоАП РФ) и ответственности владельцев транспортных средств (ст. 12.37 КоАП РФ).

Особого внимания заслуживает так называемое «вмененное» страхование, обязанность по осуществлению которого непосредственно связана с допуском лица к определенному виду профессиональной или предпринимательской деятельности. Несмотря на отсутствие формального

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Российская газета. 2001. № 256.

отнесения отдельных его видов к обязательному страхованию в смысле ч. 4 ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»¹, такие виды страхования обладают всеми существенными признаками обязательного страхования [7, с. 27]. Отсутствие страхового покрытия исключает возможность осуществления соответствующей деятельности, а неисполнение страховой обязанности влечет применение мер государственного принуждения, включая меры административной ответственности. Показательным примером является страхование ответственности арбитражного управляющего, отсутствие которого образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что обязательное страхование представляет собой особую форму публично-правового воздействия на общественные отношения, в рамках которой государство посредством установления юридической обязанности по страхованию обеспечивает достижение публичных целей. Важность именно обязательного страхования подчеркивается в науке в том числе в сфере обязательного медицинского страхования [3, с. 45]. При этом страхование сохраняет частноправовую договорную форму, однако содержание соответствующих отношений в значительной степени определяется административно-правовыми средствами регулирования.

С учетом того, что обязательное страхование одновременно выступает объектом административно-правового регулирования и средством воздействия государства на определенные категории субъектов, возникает вопрос о правовой природе такого воздействия и его месте в системе административно-правовых средств обеспечения публичных интересов.

В теории административного права традиционно выделяются два универсальных метода государственного управления – убеждение и принуждение, однако они проявляются в разнообразных формах [8, с. 24–28]. Убеждение представляет собой систему правовых, организационных, информационных и воспитательных мер, направленных на формирование у субъектов внутренней мотивации к правомерному поведению и добровольному исполнению установленных требований. К числу таких мер обычно относят правовое информирование, разъяснительную деятельность, рекомендации, поощрение и иные способы воздействия на сознание и волю управляемых субъектов².

Вместе с тем институт обязательного страхования по своей правовой природе не может быть отнесен к мерам убеждающего воздействия. Обязанность по заключению договора обязательного страхования возникает непосредственно в силу закона и не зависит от усмотрения обязанного лица. Государство не предлагает субъекту предполагаемую модель поведения и не создает стимулы для ее добровольного выбора, а устанавливает юридически обязательное предписание, исполнение которого обеспечивается возможностью применения административной ответственности. Более того, обязательное страхование предполагает возложение на субъекта дополнительных имущественных обязанностей, связанных с необходимостью несения расходов на страховую защиту независимо от его субъективного отношения к такой обязанности.

Принудительный характер обязательного страхования проявляется прежде всего в том, что вступление в соответствующие страховые правоотношения является не правом, а юридической обязанностью лица. При этом законодатель не только определяет необходимость заключения договора страхования, но и устанавливает обязательные условия такого страхования. Следовательно, воля участника страховых правоотношений не учитывается, что является одним из характерных признаков государственно-властного воздействия.

Эффективность института обязательного страхования обеспечивается не столько осознанием субъектами его социальной полезности, сколько существованием специальных механизмов государственного принуждения, поскольку, как отмечалось, неисполнение обязанности по страхованию влечет применение мер юридической ответственности или ограничение доступа к отдельным видам деятельности, а также иные неблагоприятные правовые последствия. Если бы государство ограничивалось исключительно разъяснением преимуществ страховой защиты и не обеспечивало исполнение страховой обязанности принудительными механизмами, соответствующие отношения могли бы рассматриваться как основанные преимущественно на убеждении. Однако

¹ Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. 1993. № 6.

² Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров; под ред. Л.Л. Попова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. С. 161.

наличие законодательного предписания, подкрепленного государственными санкциями, свидетельствует об иной правовой природе рассматриваемого института.

Таким образом, обязательное страхование представляет собой особую форму государственно-властного воздействия, основанную на принуждении субъектов к вступлению в страховые правоотношения и несению связанных с ними имущественных обременений в целях защиты публичных интересов.

В юридической литературе государственное принуждение традиционно определяется как осуществляемое на основании закона уполномоченными публично-властными субъектами психическое, организационное, имущественное или физическое воздействие на участников общественных отношений, применяемое независимо от их воли в целях обеспечения реализации правовых предписаний, охраны публичных интересов, поддержания общественного порядка и безопасности [6, с. 2]. Кроме того, целью государственного принуждения как «воздействия на управляемый объект» авторы называют также «принудить» управляемый объект «к должному поведению» на основе установленных законом способов [1, с. 7]. Государственное принуждение рассматривают также как метод государственного воздействия на субъектов права, сопряженный с правовыми ограничениями и применением установленных законом мер принуждения – как в связи с совершенным правонарушением, так и в силу государственной необходимости [9, с. 57–60]. Под государственной необходимостью в литературе понимают правовые ограничения и запреты, устанавливаемые для целей предупреждения опасных ситуаций [9, с. 57–60].

Данная категория в сравнении с административно-правовым принуждением является более широкой и отличается, как отмечает Л.В. Стандзень, по количественному критерию и инструментарию¹. В свою очередь, в зависимости от отраслевой принадлежности, по мнению Д.А. Гришина, определяется специфика форм и мер государственного принуждения и характерных мер принудительного воздействия [2, с. 20, 21].

С учетом изложенного в обязательном страховании могут быть выявлены существенные признаки государственного принуждения. В частности, обязанность по осуществлению страхования устанавливается государством и обеспечивается деятельностью специально уполномоченных субъектов публичной власти. Государственные органы определяют круг обязанных лиц, условия страхования, порядок контроля за исполнением соответствующей обязанности и меры воздействия в случае ее неисполнения. Следовательно, возникновение и реализация страховой обязанности находятся под непосредственным государственно-властным воздействием.

Кроме того, обязательное страхование представляет собой внешнее воздействие на волю и поведение субъектов. Лицо вступает в страховые правоотношения не вследствие свободного усмотрения, а в силу установленного законом предписания. Тем самым государство формирует юридически обязательную модель поведения, отклонение от которой влечет неблагоприятные последствия.

Также обязательное страхование, как и государственное принуждение, возникает при наличии предусмотренных законом юридических фактов. Такими фактами могут выступать осуществление определенного вида деятельности, приобретение специального правового статуса, владение источником повышенной опасности или иные обстоятельства, с которыми законодатель связывает возникновение страховой обязанности.

При этом обязательное страхование связано с возложением на субъекта имущественных и организационных обременений. Обязанное лицо должно нести расходы по уплате страховой премии, соблюдать установленные законом требования и подтверждать наличие страховой защиты.

Наконец, обязательное страхование направлено на достижение тех же целей, которые традиционно связываются с государственным принуждением. В частности, оно направлено на обеспечение общественной безопасности, защиту прав и законных интересов граждан, предупреждение причинения вреда и гарантирование его последующего возмещения. Посредством страхового механизма государство обеспечивает защиту публичных интересов не после наступления негативных последствий, а превентивно, создавая систему финансовых гарантий компенсации возможного ущерба.

Следует учитывать, что административное принуждение в теории административного права традиционно рассматривается одновременно как разновидность социального [5, с. 11] и государственного принуждения и как один из методов осуществления государственного

---

¹ Административное принуждение: учеб. пособие / под. ред. Л.В. Стандзень М.: Проспект, 2021. С. 205.

управления [4, с. 96]. Однако отнесение обязательного страхования к числу мер административно-правового принуждения вызывает серьезные теоретические противоречия с учетом разнообразия научных подходов к пониманию этой категории. При этом в законодательстве также отсутствует конкретизация понимания административно-правового принуждения и законодательно закреплённый перечень соответствующих мер [8, с. 24–28].

Таким образом, обязательное страхование следует рассматривать не только как правовой институт страхового законодательства, но и как особую меру государственного принуждения превентивного характера, посредством которой государство обеспечивает реализацию публичных интересов путем возложения на определенных субъектов обязанности участвовать в системе распределения и покрытия социально значимых рисков.

Это также означает, что обязательное страхование может быть рассмотрено и как метод осуществления управленческих действий. В теории административного права метод осуществления управленческих действий рассматривается как способ достижения целей государственного управления посредством воздействия на управляемые объекты¹. Так, устанавливая обязанность по страхованию определенных рисков, государство использует страховой механизм в качестве особого инструмента управляющего воздействия на общественные отношения. Посредством обязательного страхования обеспечиваются безопасность, защита прав третьих лиц, устойчивость экономического оборота и гарантированное возмещение вреда без необходимости непосредственного вмешательства государства в каждом конкретном случае.

При этом обязательное страхование наиболее близко к административным методам прямого воздействия, поскольку основано на императивном предписании и не предполагает свободы выбора относительно необходимости вступления в соответствующие правоотношения. Одновременно оно содержит элементы косвенного (экономического) регулирования, поскольку достижение публичных целей обеспечивается не посредством непосредственного административного вмешательства, а через создание системы имущественных стимулов и финансовых гарантий.

Таким образом, обязательное страхование следует рассматривать как комплексный административно-правовой инструмент, который в функциональном аспекте выступает методом осуществления управленческих действий, а в содержательном аспекте – мерой государственного принуждения.

Несмотря на существующие в науке административного права разногласия относительно содержания и границ категории административно-правового принуждения, не вызывает сомнений наличие в обязательном страховании элементов государственного принуждения. Последние выражаются в возложении на определенные категории субъектов установленной законом обязанности участвовать в механизме страховой защиты независимо от их волеизъявления. При этом соответствующее воздействие носит преимущественно превентивный характер и направлено на предупреждение либо минимизацию неблагоприятных последствий, способных причинить вред личности, обществу и государству.

В связи с этим в системе административно-правового регулирования обязательное страхование может рассматриваться как мера управляющего воздействия предупредительного характера, основанная на государственном принуждении и реализуемая посредством нормативно-правового регулирования. Ее назначение заключается в снижении социальных и экономических рисков, обеспечении гарантированного возмещения возможного вреда и защите публичных интересов еще до возникновения конкретной угрозы либо причинения ущерба.

Список использованной литературы:

1. Баканов К.С., Антонов С.Н., Исаев М.М. Административно-предупредительные меры в области безопасности дорожного движения: монография. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России»; 2023.
2. Гришин Д.А. Видовая и структурная дифференциация элементов системы государственного принуждения. *Административное право и процесс*. 2024;(7):14–22.

References:

1. Bakanov K.S., Antonov S.N., Isaev M.M. [Administrative preventive measures in the field of road safety]. Moscow: FKU «NTs BDD MVD Rossii» Publ; 2023. (In Russ.)
2. Grishin D.A. [Species and structural differentiation of elements of the system of state coercion]. *Administrativnoe pravo i protses = Administrative Law and Procedure*. 2024;(7):14–22. (In Russ.)

¹ Россинский Б.В. Административное право / Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. 7-е изд., пересмотр. М.: Юр. НОРМА, НИЦ ИНФРА-М, 2026. С. 501.

3. Епифанова Е.В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности в системе медицинского страхования. *Юридический Вестник Кубанского государственного университета*. 2023;(1):40–49. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-40-49>.
4. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России; 2004.
5. Майоров В.И., Коркин А.В. Административное принуждение: понятие, место и формы. *Правопорядок: история, теория и практика*. 2016;(4(11)):8–20.
6. Мельников В.А. Проблемы определения понятия административного принуждения. *Административное право и процесс*. 2012;(1):2–8.
7. Покачалова А.С. Правовое регулирование вмененного страхования: финансово-правовой аспект. *Финансовое право*. 2022;(3):25–30.
8. Попов В.И. К вопросу об административных принудительно-профилактических мерах. *Административное право и процесс*. 2020;(4):24–28.
9. Саидов З.А., Куракин А.В., Калинина Ю.В. К вопросу об институте принуждения в административном праве. *Современное право*. 2025;(11):57–62.
10. Тропская С.С. Страхование публичное право как институт финансового права. *Финансовое право*. 2022;(2):14–20.
3. Epifanova E.V. [Problems of administrative and legal regulation of activities in the medical insurance system]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;(1):40–49. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-40-49> (In Russ.)]
4. Kaplunov A.I. [Administrative coercion applied by internal affairs bodies: theory and practice] / edited by V.P. Salnikov. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2004. (In Russ.)]
5. Mayorov V.I., Korkin A.V. [Administrative Coercion: Concept, Place, and Forms] // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya i praktika* = *Law and order: history, theory, and practice*. 2016;(4(11)):8–20. (In Russ.)]
6. Mel'nikov V.A. [Problems of defining the concept of administrative coercion]. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative Law and Procedure*. 2012;(1):2–8. (In Russ.)]
7. Pokachalova A.S. [Legal regulation of imputed insurance: financial law aspect]. *Finansovoe pravo* = *Financial Law*. 2022;(3):25–30. (In Russ.)]
8. Popov V.I. [On the Issue of Administrative Coercive and Preventive Measures. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative Law and Procedure*. 2020;(4):24–28. (In Russ.)]
9. Saidov Z.A., Kurakin A.V., Kalinina Yu.V. [On the institution of coercion in administrative law]. *Sovremennoe pravo* = *Modern Law*. 2025;(11):57–62. (In Russ.)]
10. Tropskaya S.S. [Insurance public law as an institution of financial law]. *Finansovoe pravo* = *Financial Law*. 2022;(2):14–20. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Алеся Мнацакановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alesya M. Avakyan

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-14-19>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Административно-правовое регулирование геномного моделирования человека (постановка проблемы). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):14–19. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-14-19>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.08.2026

Статья принята к печати: 11.09.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики публично-правового регулирования деятельности органов публичной власти по контролю за геномным моделированием.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ проблем, связанных с определением публично-правового статуса как организационных структур органов публичной власти, реализующих полномочия в сфере геномного моделирования, так и тех научно-исследовательских организаций, которые осуществляют эту деятельность в Российской Федерации.

Важность обсуждения вопроса о публично-правовом регулировании геномного моделирования обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья в этой части осложняется необходимостью внедрения антидискриминационного подхода к объектам, ставшим результатом геномного моделирования.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что Федеральное медико-биологическое агентство должно иметь полнообъемные полномочия по контролю в сфере геномного моделирования в отличие от ситуации, когда это направление контроля размыто между различными органами исполнительной власти. Соответственно, стоит задача скорректировать законодательство, определяющее компетенцию органов исполнительной власти в сфере охраны здоровья в целом и геномного моделирования, в частности.

Ключевые слова: геномное моделирование, публичное управление, охрана здоровья.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF HUMAN GENOME MODELING (PROBLEM STATEMENT)

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Administrative and legal regulation of human genome modeling (problem statement). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):14–19. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-14-19>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 12.08.2026

The article has been accepted for publication: 11.09.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *aim* of the work is to analyze the issues related to the public-legal regulation of the activities of public authorities in controlling genomic modeling.

Based on the set goal, the research *objectives* include an analysis of the problems associated with defining the public-legal status of both the organizational structures of public authorities exercising powers in the field of genomic modeling and the research organizations carrying out this activity in the Russian Federation.

The importance of discussing the issue of public-law regulation of genomic modeling is due to the fact that health protection legislation in this area is complicated by the need to implement an anti-discrimination approach to objects that are the result of genomic modeling.

The fundamental *conclusion* of the article is that the Federal Medical-Biological Agency should have comprehensive powers to oversee the field of genomic modeling, unlike the current situation, where this area of oversight is fragmented among various executive bodies. Accordingly, the task is to amend the legislation defining the competence of executive authorities in the field of healthcare in general and genomic modeling in particular.

Keywords: genomic modeling, public administration, health protection.

Введение

Важность обсуждения вопроса о публично-правовом регулировании геномного моделирования обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья практически фактически отстает от реально складывающихся общественных отношений. Несмотря на то, что само по себе геномное моделирование не есть нечто абсолютно новое, уровень моделирования стал напрямую касаться генома человека, что влечет за собой целый ряд этических, мировоззренческих, религиозных и правовых вопросов.

В этих условиях принципиально меняется роль и методы государственного контроля и надзора за такого рода научными исследованиями. Юридическая наука должна сформировать не только модель правосубъектности лиц, родившихся в результате геномного моделирования, но и сформулировать пределы исследований в этой области.

Методы исследования

Исследование проблематики правового регулирования деятельности в сфере геномного моделирования определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных, прежде всего, медицинских, явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования автором вносятся конкретные предложения теоретического и практического характера:

– геномное моделирование должно осуществляться строго под контролем уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и иных надзорных органов;

- органом, осуществляющим контроль со стороны государства за геномным моделированием в полном объеме, должно стать Федеральное медико-биологическое агентство;
- необходимо систематизировать законодательство, закрепляющее вопросы геномного моделирования, учитывая накопившееся количество законов и подзаконных актов;
- осуществление геномного моделирования не должно привести к дискриминации лиц, в отношении которых были использованы методы геномного моделирования, а также вмешательство в геном человека должно допускаться только в лечебных целях и без передачи изменений потомству;
- административное право должно пополниться новыми теоретическими разработками, которые создадут базу для внесения дополнений в статьи КоАП РФ, закрепляющие административно-деликтную охрану здоровья населения в части, связанной с геномным моделированием.

Научная дискуссия

Современное развитие науки требует законодательного регулирования геномного моделирования. 14 мая 2020 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин на совещании по вопросам развития генетических технологий заявил о необходимости создания национальной базы генетической информации, поручив Правительству РФ организовать работу в данном направлении. Одна из ключевых задач данного проекта состоит в том, чтобы «на основе единых стандартов обеспечить защиту данных, их хранение, передачу, разработку программных средств поиска, анализа и моделирования генетической информации». В настоящее время этим вопросам уделяется большое внимание правоведов [10; 4; 5; 7; 9].

Изначально необходимо рассмотреть теоретические аспекты геномного моделирования и ввести в оборот юридически закреплённое понятие генома и геномного моделирования.

Отметим, что Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ не содержит понятий геном, геномное моделирование, как и Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 1027 «О некоторых вопросах реализации Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»².

Справедливости ради следует отметить, что Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»³ закрепляет следующие понятия: генная инженерия – совокупность методов и технологий, в том числе технологий получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот, по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы; генно-инженерно-модифицированный организм – организм или несколько организмов, любое неклеточное, одноклеточное или многоклеточное образование, способные к воспроизводству или передаче наследственного генетического материала, отличные от природных организмов, полученные с применением методов генной инженерии и содержащие генно-инженерный материал, в том числе гены, их фрагменты или комбинации генов; трансгенные организмы – животные, растения, микроорганизмы, вирусы, генетическая программа которых изменена с использованием методов генной инженерии.

Общеизвестно, что ген – это единица наследственности. Он представляет собой определенную последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК. Эта последовательность кодирует информацию для синтеза белка или функциональной молекулы РНК, которые, в свою очередь, определяют конкретный признак или биохимическую функцию в организме, а геном – это совокупность генов, полный набор наследственного материала организма.

Геном включает в себя все гены (их у каждого человека порядка 20–25 тысяч), а также участки ДНК, которые не кодируют белки, но регулируют работу генов. Геном содержит полную программу для развития, функционирования и воспроизводства организма⁴.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

³ О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

⁴ Ген и геном: в чем разница? [сайт]. Аргументы и факты; 2025 [обновлено 5 декабря 2025; процитировано 13 июля 2026]. Доступно: https://aif.ru/health/life/gen_i_genom_v_chem_raznica.

В литературе можно встретить такие термины, как собственные гены, геномы-реципиенты, трансгены, гены интереса и др. [3, с. 487–501].

Правовое регулирование невозможно без четких теоретических понятий, что также относится и к понятиям геномное моделирование, геномная гибридизация, генотерапия и геномное редактирование [8].

За последнее десятилетие с помощью развитых методов геномного редактирования люди научились производить точечные изменения в ДНК растений. Эта технология уже успешно была применена на семенах сои, помидоров, земляники, кофе и некоторых других культур. Цель технологии – изменить геном растений таким образом, чтобы улучшить их свойства, в том числе развить сопротивляемость болезням, сохранить питательный баланс и др.¹.

Однако в настоящее время речь идет о редактировании и моделировании генов человека и внесении на геномном уровне коррекций, в том числе и через применение в пищу овощей, фруктов с геной коррекцией.

Технологии редактирования генома стремительно развиваются, по мнению ученых и практикующих врачей, создание «генетически спроектированных» детей остается сложной и во многом нерешенной задачей с серьезными медицинскими и этическими рисками.

Е. Балашова отмечает, что современные технологии позволяют не конструировать характеристики ребенка, а снижать риски заболеваний. В частности, при ЭКО уже применяется генетическое тестирование эмбрионов, позволяющее выбрать наиболее здоровый вариант без тяжелых наследственных патологий².

Таким образом, с одной стороны геномное моделирование поможет человечеству избавиться от наследственных болезней, а с другой стороны важно не переступить черту и не использовать эти технологии во вред человечеству.

Второй важной задачей является анализ функционирования органов государственного управления, наделенных соответствующей компетенцией по координации и контролю за деятельностью по геномному моделированию и информационным сопровождением этой деятельности.

Так, например, О.В. Попова, проанализировав компетенцию государственных органов по проведению сбора, систематизации и контроля за использованием геномной информации, установила связь при распределении компетенций государственных органов по проведению сбора, систематизации и контроля за использованием геномной информации с порядком формирования и использования информационных систем геномной информации. Проанализировав вопрос о возможности делегирования или аутсорсинга полномочий государственных органов в сфере обработки геномной информации, О.В. Попова выявила пробелы в правовом регулировании распределения компетенции государственных органов [6].

При всем многообразии федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в сфере охраны здоровья, компетенции по контролю за геномными исследованиями нет ни у одного. Экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных органов лишь осуществляют геномную регистрацию в случаях, установленных законом. Со всей очевидностью встает вопрос о том, какой федеральный орган исполнительной власти будет осуществлять такого рода контроль за исследованиями в сфере геномного моделирования. Представляется, что требуется дифференцированный подход в отношении генома человека и растений. С учетом опыта медико-биологического контроля предлагается указанную функцию закрепить за Федеральным медико-биологическим агентством.

Третье направление связано с внесением законодательных предложений по регулированию геномного моделирования.

В настоящее время вопросы правового регулирования отношений в сфере генетических технологий активно обсуждаются. В этой связи импонирует предложение авторов О.С. Гринь и Т.О. Шилук, которое предполагает систему правового регулирования отношений в сфере генетических технологий, представленную двумя уровнями законодательного регулирования: 1-м

¹ См.: Корзун В.Н. Разработка и применение геномных технологий для молекулярно-генетического картирования и прикладной селекции зерновых культур: дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 2021. 282 с.

² Эксперты оценили перспективы «генетического моделирования» детей в будущем [сайт]. Известия; 2026 [обновлено 3 апреля 2026; процитировано 13 июля 2026]. Доступно: <https://iz.ru/2072354/2026-04-03/eksperty-otcenili-perspektivy-geneticheskogo-modelirovaniia-detei-v-budushchem>.

уровнем – Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который должен претерпеть изменения, обусловленные развитием и усложнением регулируемых этим законом общественных отношений, а также 2-м уровнем – отраслевыми законами, содержащими правовые нормы, регулирующие отдельные отношения, связанные с генетическими технологиями, к которым относятся, например, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹; Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»² и другие. В развитие положений данных законодательных актов должны приниматься подзаконные нормативные правовые акты на основании и во исполнение Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности и специальных федеральных законов в данной области [2].

В.А. Болдырев и К.Г. Сварчевский совершенно правильно отмечают проблематику в отношении отдельно взятого вопроса, однако поднимаются общие вопросы. Исследователи отмечают, что сейчас, моделируя развитие ситуации на будущее, стоит определить круг концептуальных положений и принципиальных сложностей, с которыми придется столкнуться обществу, предлагая мужчинам возможность проведения геномных исследований с целью подтверждения отцовства. Какими должны быть условия и границы такого вмешательства в частную жизнь? Какие гарантии, связанные с обеспечением информационной безопасности исследовательских процессов, должны быть установлены? И самое главное: как изменятся наиболее важные социальные нормы (нормы права и морали) при распространении технологий геномных исследований [1, с. 30–54].

Список использованной литературы:

1. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024;(1):30–54.
2. Гринь О.С., Шилук Т.О. Новый взгляд на концепцию правового регулирования отношений в сфере генетических технологий в Российской Федерации. *Lex Genetica*. 2023;(2(2)):7–23.
3. Дейнеко Е.В. Модификация генома растений методами генетической инженерии: направления и пути развития. *Физиология растений*. 2024;(5(71)):487–501.
4. Кубышкин А.В. Особенности метода правового регулирования геномных исследований в информационном обществе. *Право и цифровая экономика*. 2023;(2):43–55.
5. Лупарев Е.Б., Епифанова Е.В. Футуризм медицинских биотехнологий и административная правосубъектность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(4):82–88.
6. Попова О.В. Компетенция государственных органов по проведению сбора, систематизации и контроля за использованием геномной информации. *Право и государство: теория и практика*. 2019;(8(176)): 6–12.
7. Правовое регулирование геномных исследований и опыт практического использования их результатов в России: сб. статей / под ред. О.И. Андреевой. Томск: Издательство Томского государственного

References:

1. Boldyrev V.A., Svarchevskiy K.G. [Evolution of technologies, legal and moral norms: consequences of the spread of molecular genetic paternity tests]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;(1):30–54. (In Russ.)]
2. Grin' O.S., Shilyuk T.O. [A new look at the concept of legal regulation of relations in the field of genetic technologies in the Russian Federation]. *Lex Genetica*. 2023;(2(2)):7–23. (In Russ.)]
3. Deyneko E.V. [Modification of the plant genome by genetic engineering methods: directions and ways of development]. *Fiziologiya rasteniy = Russian Journal of Plant Physiology*. 2024;(5(71)):487–501. (In Russ.)]
4. Kubyshkin A.V. [Features of the method of legal regulation of genomic research in the information society]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*. 2023;(2):43–55. (In Russ.)]
5. Luparev E.B., Epifanova E.V. [Futurism of medical biotechnologies and administrative legal personality]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University*. 2021;(4):82–88. (In Russ.)]
6. Popova O.V. [Competence of state bodies for collecting, systematizing and monitoring the use of genomic information]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2019;(8(176)):6–12. (In Russ.)]
7. [Legal regulation of genomic research and the experience of practical use of its results in Russia: collection of articles]. Andreeva O.I. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta;

¹ О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849.

² О биологической безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 492-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

университета; 2022.

8. Ребриков Д.В. Редактирование генома человека. *Вестник Российского государственного медицинского университета*. 2016;(3):4–15.

9. Чхутиашвили Л.В. Прорывные биотехнологии – основа инновационных преобразований Российской Федерации в условиях цифровизации. *Право и цифровая экономика*. 2022;(2):33–38.

10. Ziller V. Interpretation of the Embryo Protection Act. The «German compromise». *Gynakologe*. 2017;(6(50)):409–413.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Елена Владимировна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

2022. (In Russ.)]

8. Rebrikov D.V. [Human genome editing]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* = *Bulletin of the Russian State Medical University*. 2016;(3):4–15. (In Russ.)]

9. Chkhutiashvili L.V. [Breakthrough biotechnologies as the basis of innovative transformations of the Russian Federation in the context of digitalization]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika* = *Law and Digital Economy*. 2022;(2):33–38. (In Russ.)]

10. Ziller V. [Interpretation of the Embryo Protection Act. The "German compromise"]. *Gynakologe*. 2017;(6(50)):409–413.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-20-27>

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС» КАК СУБЪЕКТ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Неижкаша И.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Неижкаша И.С. Федеральная территория «Сириус» как субъект финансовых правоотношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):20–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-20-27>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Неижкаша Иван Сергеевич, соискатель кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 330-11-69

E-mail: danz001@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.07.2026

Статья принята к печати: 27.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Целью исследования является установление и раскрытие финансовой правосубъектности федеральной территории «Сириус» как участника финансовых правоотношений.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1) появление в Российской Федерации федеральных территорий и, в частности, федеральной территории «Сириус», является закономерным этапом эволюции системы распределения публичных полномочий и развития территорий с особым публично-правовым статусом;

2) особенности участия федеральной территории «Сириус» в финансово-правовых отношениях свидетельствуют о создании прецедента формирования автономного финансово-правового анклава с особым бюджетным процессом, потенциально льготным налоговым режимом и целевой моделью финансирования, что направлено на ускоренную реализацию задач, имеющих приоритетное значение для развития государства;

3) выделены признаки и элементы финансовой правосубъектности ФТ «Сириус» как территории с особым публично-правовым статусом инновационной направленности:

3.1 федеральная территория функционирует в рамках специального фискального порядка, для которого характерно формирование бюджета нового типа, не являющегося ни бюджетом субъекта РФ, ни местным бюджетом в их классическом понимании;

3.2 на территории могут устанавливаться специальные правила бюджетного процесса, отличные от применяемых в субъектах РФ и муниципалитетах, что усиливает ее автономию в финансовом управлении;

3.3 вопросы установления, введения и прекращения действия местных налогов на территории ФТ «Сириус» решаются не представительными органами субъекта или муниципалитета, а органами самой федеральной территории;

3.4 механизмы финансирования ФТ «Сириус» ориентированы не на решение вопросов местного значения, а на прямое и целевое финансирование проектов федерального масштаба, в результате точечное финансирование получают национальные стратегические инициативы.

Ключевые слова: федеральная территория «Сириус», субъекты финансовых правоотношений, территории с особым публично-правовым статусом, финансовая

правосубъектность, инвестиционная привлекательность, стратегические инициативы, инновационная направленность.

FEDERAL TERRITORY «SIRIUS» AS A SUBJECT OF FINANCIAL LEGAL RELATIONS

Ivan S. Nezhkasha
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Nezhkasha I.S. Federal territory «Sirius» as a subject of financial legal relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):20–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-20-27>

CONTACT INFORMATION:

Ivan S. Nezhkasha, candidate of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 330-11-69

E-mail: danz001@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.07.2026

The article has been accepted for publication: 27.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: *The purpose* of the study is to establish and reveal the financial legal personality of the federal territory “Sirius” as a participant in financial legal relations.

The following conclusions were drawn *as a result* of the study:

1) The emergence of federal territories in the Russian Federation, and in particular the federal territory “Sirius,” is a natural stage in the evolution of the system for distributing public powers and developing territories with a special public-legal status;

2) The specific features of the federal territory “Sirius’s” participation in financial and legal relations indicate the creation of a precedent for the formation of an autonomous financial and legal enclave with a special budgetary process, a potentially preferential tax regime, and a targeted funding model, which is aimed at accelerating the implementation of tasks that are of priority importance for the development of the state.

3) The characteristics and elements of the financial legal personality of the Sirius Federal Territory as a territory with a special public-legal status focused on innovation have been identified:

3.1 The federal territory operates under a special fiscal regime, which is characterized by the formation of a new type of budget that is neither the budget of a constituent entity of the Russian Federation nor a local budget in the classical sense;

3.2 The territory may be subject to special rules of the budget process that differ from those applied in constituent entities of the Russian Federation and municipalities, which enhances its autonomy in financial management.

3.3 Issues related to the establishment, introduction, and termination of local taxes in the Sirius Federal Territory are resolved not by the representative bodies of the constituent entity or municipality, but by the bodies of the federal territory itself;

3.4 The financing mechanisms for the Sirius Federal Territory are not focused on addressing issues of local importance, but on providing direct and targeted financing for projects of a federal scale; as a result, national strategic initiatives receive targeted funding.

Keywords: federal territory «Sirius», subjects of financial legal relations, territories with a special public legal status, financial legal personality, investment attractiveness, strategic initiatives, innovative orientation.

Введение

Появление новых субъектов финансовых правоотношений – весьма динамичный и постоянный процесс в современной российской действительности, во многом обусловленный экономическими и политическими реалиями. Новационный для нашей государственности институт федеральных территорий направлен на одновременное достижение целого ряда задач, стоящих перед страной на федеральном уровне, в числе которых: обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития, повышение инвестиционной привлекательности, сохранение спортивного, культурного и природного наследия, реализация приоритетов научно-технологического развития. Поскольку федеральная территория «Сириус» на сегодняшний день остается единственным в России субъектом с подобным правовым статусом, ее исследование в финансово-правовом аспекте представляет особую научную значимость. В частности, требует осмысления ее характеристика как субъекта финансовых правоотношений.

Методы исследования

Основными методами исследования стали общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования заключаются в следующем.

1. Появление в Российской Федерации федеральных территорий и, в частности, федеральной территории «Сириус» является закономерным этапом эволюции системы распределения публичных полномочий и развития территорий с особым публично-правовым статусом.

2. Особенности участия федеральной территории «Сириус» в финансовых правоотношениях свидетельствуют о создании прецедента формирования автономного финансово-правового анклава с особым бюджетным процессом, потенциально льготным налоговым режимом и целевой моделью финансирования, что направлено на ускоренную реализацию задач, имеющих приоритетное значение для развития государства.

3. Финансовая правосубъектность ФТ «Сириус» проявляется в ряде уникальных черт, которые позволяют отнести ее к территориям с особым публично-правовым статусом инновационной направленности:

3.1 федеральная территория функционирует в рамках специального фискального порядка, для которого характерно формирование бюджета нового типа, не являющегося ни бюджетом субъекта РФ, ни местным бюджетом в их классическом понимании; он формируется за счет целевых источников федерального уровня, а также собственных неналоговых доходов, что создает прецедент смешанной бюджетной модели;

3.2 на территории могут устанавливаться специальные правила бюджетного процесса, отличные от применяемых в субъектах РФ и муниципалитетах, что усиливает ее автономию в финансовом управлении;

3.3 вопросы установления, введения и прекращения действия местных налогов на территории федеральной территории «Сириус» решаются не представительными органами субъекта или муниципалитета, а органами самой федеральной территории;

3.4 механизмы финансирования федеральной территории «Сириус» ориентированы не на решение вопросов местного значения, а на прямое и целевое финансирование проектов федерального масштаба, в результате точечное финансирование получают национальные стратегические инициативы.

Научная дискуссия

На сегодняшний день единственной действующей федеральной территорией в российском правовом порядке является федеральная территория «Сириус» (далее – ФТ «Сириус»), деятельность которой, помимо общего правового регулирования, имеет собственное нормативно-правовое обоснование¹.

Раскрытие содержания финансовых правоотношений ФТ «Сириус» происходит через составляющие ее финансовой правосубъектности, наличие которой свидетельствует об автономии исследуемого субъекта в финансово-правовом аспекте.

---

¹ О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ (ч. 1 ст. 5) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

Федеральные территории, обладая определенными общими характеристиками с субъектами Российской Федерации, становятся объектом сравнительно-правовых исследований, в ходе которых анализируются схожие элементы их финансово-правового статуса. Особое внимание уделяется таким вопросам, как территориальная организация и границы, имущественная база и бюджетные полномочия, система налогов и сборов, а также целевое назначение создания данной публично-правовой формы. Подобный анализ позволяет выявить как общие черты, так и специфические особенности финансово-правового положения федеральных территорий в сравнении с традиционными субъектами Федерации [4]. Например, М.В. Дегтярев в разрезе создания собственной системы классификации инновационных публично-правовых режимов относит ФТ «Сириус» к высоко-децентрализованной или распределенной, гибридной регуляторной среде¹.

В научных публикациях можно встретить мнение о том, что создание ФТ «Сириус» представляет собой пример апробации учреждения «...географического кластера на части территории в юрисдикции субъектов Российской Федерации» [1]. Эта идея, в частности, нашла свое выражение в предложениях ряда исследователей о прямой взаимосвязи и положительном влиянии на развитие института федеральных территорий большой территории России и потенциальных регионов в зависимости от различных целей потенциального создания федеральных территорий [10].

Некоторые ученые обращают внимание на наличие у ФТ «Сириус» смешанных признаков, присущих как государственным органам, так и органам местного самоуправления, и делают вывод о формировании самостоятельного вида органов публичной власти [6]. Другие исследователи федеральных территорий убеждены, что их появление связано с развитием системы распределения публичных полномочий в сторону поступательного расширения объема передаваемых полномочий посредством разных организационно-правовых форм [7]. В этом контексте справедливым выглядит утверждение о том, что «...органы публичной власти федеральной территории «Сириус» представляют собой самостоятельный вид органов публичной власти, сочетающий признаки государственных органов и органов местного самоуправления» [5].

Таким образом, можно говорить о создании нового, гибридного уровня публичной власти в Российской Федерации, который целенаправленно выведен за рамки существующего конституционного разделения на субъекты РФ и муниципальные образования.

Итак, «не являясь в полном смысле слова ни субъектом России, ни муниципальным образованием, федеральная территория «Сириус» обладает своим специфическим (во многом – уникальным!) правовым статусом» [3], характеристика которого может быть представлена посредством анализа ее финансовой правосубъектности.

Очевидно, что наполнение категории «финансовая правосубъектность», как доминирующей характеристики субъекта финансового правоотношения, может сильно различаться в зависимости от объема предоставленной компетенции. Применительно к ФТ «Сириус» финансовая правосубъектность находит свое приоритетное выражение в таких элементах, как бюджетная и налоговая правосубъектности. При этом перечисленные элементы не являются исчерпывающими, и существуют проявления финансовой правосубъектности ФТ «Сириус» в финансово-контрольной и валютной сферах. Однако в своей работе мы уделим внимание бюджетной и налоговой правосубъектности ФТ «Сириус», поскольку они имеют ведущее значение для понимания ее финансово-правового статуса.

По мнению ученых, реализация финансовой правосубъектности ФТ «Сириус» включает самостоятельное составление, рассмотрение, утверждение и исполнение бюджета; нахождение в собственности имущества и иных имущественных прав; введение собственных налоговых льгот, финансово-контрольные полномочия [2] и др.

Органы публичной власти ФТ «Сириус» могут издавать финансово-правовые акты, обязательные для исполнения на указанной территории², а также правовые акты ненормативного

¹ Дегтярев М.В. Инновационные публично-правовые режимы: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 154.

² О внесении изменений в постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 2 мая 2024 года № 56-п «Об утверждении Порядка предоставления субсидии Образовательному Фонду «Талант и успех» на поддержку, организацию и проведение концертов, конкурсов, просветительских мероприятий, экспозиций в сфере культуры и искусства»: Постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 30.04.2025 г. № 41-п. [сайт]. Официальный сайт корпоративного облачного хранилища Nextcloud Федеральной территории «Сириус»; 2025 [обновлено 30 апреля 2025; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: <https://newnextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/xDwoKStSLJxK3SM>.

характера по вопросам осуществления экономической и иной деятельности ФТ «Сириус»¹, что характеризует возможность финансового нормотворчества.

В правовой науке отмечается наделение и реализация функции нормотворчества главой администрации ФТ «Сириус» в сфере публичных финансов, однако нормотворчество самой администрацией ФТ «Сириус» как коллективного субъекта права не предусмотрено [9].

Особо следует отметить норму о собственном бюджетном процессе ФТ «Сириус»: «Составление и рассмотрение проекта бюджета федеральной территории "Сириус", утверждение и исполнение бюджета федеральной территории "Сириус", осуществление контроля за его исполнением, составление и утверждение отчета об исполнении бюджета федеральной территории "Сириус" осуществляются органами публичной власти федеральной территории "Сириус" самостоятельно с соблюдением требований, установленных Бюджетным кодексом Российской Федерации».

К исключительной компетенции Совета ФТ «Сириус», неразрывно связанной с финансовой правосубъектностью, относятся: установление, введение и прекращение действия местных налогов и сборов в соответствии с Налоговым кодексом РФ; утверждение порядка формирования и использования резервного фонда; утверждение генерального плана, правил землепользования и застройки федеральной территории; принятие решения о создании контрольно-счетного органа федеральной территории (п. 3–5, 10, 11.1 ч. 5 ст. 12 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"») (далее – Федеральный закон № 437-ФЗ).

Правительство РФ вправе передавать ФТ «Сириус» федеральное имущество, а также функции и полномочия учредителя федеральных государственных учреждений.

К отличительным характеристикам ФТ «Сириус» относится особый порядок финансирования избирательного процесса, при котором территориальная избирательная комиссия содержится за счет бюджета федеральной территории. Аналогичным образом все расходы, связанные с организацией и проведением выборов в Совет ФТ «Сириус», полностью покрываются из бюджетных средств данной публично-правовой единицы.

Отметим, что финансовая правосубъектность ФТ «Сириус» проявляется не только в классических бюджетно-налоговых и финансово-контрольных инструментах, но и в специфических регулятивных полномочиях, закрепленных в упомянутом Федеральном законе № 437-ФЗ. Предоставление права устанавливать особенности правового регулирования в названных в нем сферах (реклама, градостроительство, жилищно-коммунальное хозяйство, медицина, наука и др.) создает основу для:

- 1) формирования собственных доходных источников, что проявляется в установлении локальных правил, например, в сфере землепользования или размещения рекламы, и позволяет ФТ «Сириус» создавать условия для привлечения инвестиций и формирования целевых поступлений в бюджет;
- 2) самостоятельного осуществления расходных обязательств в сферах жилищно-коммунального хозяйства, управления отходами, медицинского обеспечения, что требует разработки финансовых механизмов их реализации;
- 3) управления экономическими процессами посредством специальных режимов регулирования инновационной и научно-технической деятельности.

На наш взгляд, финансово-правовой статус ФТ «Сириус» обладает определенным сходством со статусом особых экономических зон, территорий опережающего развития и специальных административных районов. Это проявляется в использовании схожих инструментов экономического стимулирования, таких как предоставлении льгот и мер государственной поддержки для резидентов. Данная общность правовых механизмов отражает единую концепцию создания благоприятных условий для экономического развития на территориях со специальным правовым статусом.

Например, для указанных лиц Правительством РФ и органами публичной власти федеральной территории в соответствии с бюджетным законодательством РФ могут устанавливаться меры поддержки, включая предоставление субсидий на возмещение процентной ставки по кредитам, привлеченным в целях создания и функционирования инфраструктуры федеральной территории и

---

¹ Итоги отбора заявок кредитных организаций на заключение договоров банковского депозита от 23 мая 2025 года. СМИ sirius-ft.ru от 27.05.2025 г. [сайт]. Официальный сайт корпоративного облачного хранилища Nextcloud Федеральной территории «Сириус»; 2025 [обновлено 23 мая 2025; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: <https://newnextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/S5tnsePfBfWdJdM>.

инновационного научно-технологического центра «Сириус» (ч. 1 ст. 45 Федерального закона № 437-ФЗ).

В области налоговых правоотношений предусмотрено субсидирование затрат на товары, необходимые для осуществления научно-технологической деятельности лиц в федеральной территории, в отношении налога на добавленную стоимость (ч. 3 ст. 45 Федерального закона № 437-ФЗ).

Одной из наиболее важных черт финансовой правосубъектности ФТ «Сириус» является ее инновационная направленность. В первую очередь это касается научно-исследовательской работы, образовательных процессов и технологического развития, которые получают приоритетное регулирование через специальные финансово-правовые механизмы. Данный подход позволяет создавать благоприятные условия для реализации стратегических задач территории как центра инновационного роста, обеспечивая при этом необходимую правовую и финансовую основу для ее функционирования.

Таким образом, именно особенности финансовой правосубъектности позволяют ФТ «Сириус» реализовывать и статус публично-правового образования, и статус экспериментальной площадки, что отличает ее от классических субъектов РФ и муниципалитетов, обеспечивая гибкость в управлении финансовыми ресурсами при сохранении подконтрольности федеральному центру.

Более того, некоторые ученые считают, что концепция особого статуса федеральной территории приведет к закреплению их общих принципов образования и деятельности в рамках отдельного модельного федерального закона [8].

Финансовая правосубъектность ФТ «Сириус» реализуется через уникальную модель, сочетающую элементы территориальной автономии со специальными экономическими механизмами. Центральное место занимает гибкая система бюджетных отношений, предполагающая формирование самостоятельного бюджета при сохранении федеральной финансовой поддержки, что создает баланс между самостоятельностью и централизованным контролем. Особый интерес представляют инновационные фискальные инструменты, включающие не только традиционные налоговые льготы, но и экспериментальные формы налогового администрирования, адаптированные под специфику научно-образовательного кластера¹.

Инвестиционная составляющая проявляется через специализированные формы партнерства с бизнес-структурами, включая особые условия государственно-частного партнерства и венчурные схемы финансирования инновационных проектов². При этом сохраняется двухуровневая система финансового контроля, сочетающая внутренние контрольные мероприятия с федеральным надзором, что обеспечивает соблюдение общегосударственных интересов.

Отраслевая специфика находит отражение в приоритетном финансировании научно-исследовательских и образовательных программ, а также в разработке целевых финансовых инструментов для технологических компаний. Данная модель демонстрирует попытку синтеза традиционных институтов публичных финансов с новыми подходами к управлению территориальным развитием, где ФТ «Сириус» выступает в качестве экспериментальной площадки для апробации различных финансово-правовых механизмов. Такой подход позволяет одновременно решать задачи локального развития и тестировать инструменты, потенциально применимые в масштабах всей страны.

Финансовая правосубъектность ФТ «Сириус» как территории с особым публично-правовым статусом инновационной направленности проявляется в ряде уникальных черт, которые могут быть конкретизированы следующим образом:

1) федеральная территория функционирует в рамках специального фискального порядка, для которого характерно формирование бюджета нового типа, не являющегося ни бюджетом субъекта РФ,

---

¹ См., напр.: Об установлении туристического налога в федеральной территории «Сириус»: Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 29.11.2024 г. № 1-43/288. СМИ sirius-ft.ru от 29.11.2024 г. [сайт]. Официальный сайт корпоративного облачного хранилища Nextcloud Федеральной территории «Сириус»; 2024 [обновлено 29 ноября 2024; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: <https://newnextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/ba88f4aDWGmCDG8>.

² См., напр.: О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ст. 16.4) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; Венчурный фонд «Сириус Инновации» [сайт]. Официальный интернет-сайт АО «УК ИНТЦ «Сириус»; 2026 [обновлено 28 июля 2026; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: https://intc-sirius.ru/grants_investments/venchurnye-fondy/.

ни местным бюджетом в их классическом понимании; он формируется за счет целевых источников федерального уровня (трансферты, субсидии из федерального бюджета), а также собственных неналоговых доходов (доходов от управления имуществом, оказания платных услуг), что создает прецедент смешанной бюджетной модели;

2) на территории могут устанавливаться специальные правила бюджетного процесса, отличные от применяемых в субъектах РФ и муниципалитетах, что усиливает ее автономию в финансовом управлении;

3) перераспределение полномочий в налоговой сфере; вопросы установления, введения и прекращения действия местных налогов на территории ФТ «Сириус» решаются не представительными органами субъекта или муниципалитета, а органами самой федеральной территории;

4) целевое финансовое обеспечение федеральных приоритетов; механизмы финансирования ФТ «Сириус» ориентированы не на решение вопросов местного значения, а на прямое и целевое финансирование проектов федерального масштаба, в результате точечное финансирование получают национальные стратегические инициативы.

Введение института федеральных территорий в российское правовое поле, безусловно, представляет собой инновационный подход к территориальной организации государства. В финансово-правовом аспекте статус ФТ «Сириус» создает прецедент формирования автономного финансово-правового анклава с особым бюджетным процессом, потенциально льготным налоговым режимом и целевой моделью финансирования, что направлено на ускоренную реализацию задач, имеющих приоритетное значение для развития Российской Федерации.

В целом зарождение и развитие института федеральных территорий в России следует рассматривать как закономерный этап эволюции системы распределения публичных полномочий, который продолжает тенденцию расширения передаваемых компетенций, ранее воплотившуюся в особых экономических зонах, механизмах государственно-частного партнерства и инновационных научно-технологических центрах.

Список использованной литературы:

1. Александров И.А. Организация публичной власти в рамках федеральной территории «Сириус». *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2023;(2):5–10.
2. Бочкарева Е.А. Вопросы правового закрепления финансово-контрольных полномочий органов федеральной территории «Сириус». *Финансовое право*. 2025;(2):2–5.
3. Бочкарева Е.А. Правовое обеспечение статуса Федеральной территории «Сириус». *Государство и право*. 2025;(6):66–76.
4. Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования. *Правоприменение*. 2021;(1(5)):124–140.
5. Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус»). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(2):2–8.
6. Дзидзоев Р.М. Правовой статус федеральной территории «Сириус»: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2021.
7. Майборода В.А. Федеральная территория – новый публично-правовой субъект. *Регулирование правоотношений в сфере публичного управления: вопросы теории и практики (к 25-летию Российского государственного университета правосудия): сборник*

References:

1. Alexandrov I.A. [Organization of Public Authority within the Federal Territory “Sirius”]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Uridicheskie nauki = Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*. 2023;(2):5–10. (In Russ.)]
2. Bochkareva E.A. [Issues of Legal Consolidation of the Financial and Control Powers of the Bodies of the Federal Territory “Sirius”]. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2025;(2):2–5. (In Russ.)]
3. Bochkareva E.A. [Legal Support for the Status of the Federal Territory “Sirius”]. *Gosudarstvo i Pravo = State and Law*. 2025;(6):66–76. (In Russ.)]
4. Vasilieva N.V., Praskova S.V., Pyatkovskaya Yu.V. [The constitutional status of federal territories in Russia: theoretical foundations of legislative regulation]. *Pravopriminenie = Law Enforcement*. 2021;(1(5)):124–140. (In Russ.)]
5. Dzidzoev R.M. [The institution of federal territories in the Russian Federation (using the example of the federal territory “Sirius”)]. *Uridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(2):2–8. (In Russ.)]
6. Dzidzoev R.M. [The Legal Status of the Federal Territory “Sirius”]. *Krasnodar: Kuban State University*; 2021. (In Russ.)]
7. Mayboroda V.A. [The Federal Territory – a New Public-Legal Subject]. *Regulation of Legal Relations in the Sphere of Public Administration: Issues of Theory and Practice (on the 25th Anniversary of the Russian State University of Justice). Collection of materials from the*

материалов Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 21 апреля 2023 г.). СПб.: б.и.; 2023.

8. Морозова А.С. Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2022;(1):119–123.

9. Поветкина Н.А. Субъекты правотворчества и правореализации в сфере публичных финансов: монография. М.: Проспект; 2024.

10. Семенова Н.К., Лещинский М.И., Марченкова Е.А. Федеральные территории в России: проблемы и перспективы правового регулирования. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;(12-5):84–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Неижкаша Иван Сергеевич

соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 21, 2023). St. Petersburg: without a publisher; 2022. (In Russ.)]

8. Morozova A.S. [On the specifics of the constitutional and legal status of a federal territory: a review of legal positions and legal practice]. *Vestnik Uralskogo uridicheskogo instituta = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):119–123. (In Russ.)]

9. Povetkina N.A. [Subjects of Law-Making and Law Implementation in the Field of Public Finance]. Moscow: Prospekt; 2024. (In Russ.)]

10. Semenova N.K., Leshchinsky M.I., Marchenkova E.A. [Federal Territories in Russia: Problems and Prospects of Legal Regulation]. *Mezhdunarodnii zhurnal gumanitarnih I estestvennih nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(12-5):84–91. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan S. Neizhkasha

candidate of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

ЕДИНЫЙ ЦИФРОВОЙ КОНТУР КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ЕАЭС: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, АРХИТЕКТУРА МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РЕЖИМ ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБМЕНА ДАННЫМИ

Позднышов А.Н.*, Назаренко Н.А.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(Большая Садовая ул., д. 69, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002)

Ссылка для цитирования: Позднышов А.Н., Назаренко Н.А. Единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС: правовая природа, архитектура межведомственного взаимодействия и режим трансграничного обмена данными. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):28–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Позднышов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Адрес: Большая Садовая ул., д. 69, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002

Тел.: + 7 (863) 264-39-54

E-mail: dekanyuf@rsue.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.07.2026

Статья принята к печати: 26.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Ускорение цифровой трансформации публичного управления ставит перед интеграционными объединениями вопросы правового регулирования трансграничного оборота надзорных данных. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), провозгласив формирование единого цифрового пространства стратегическим приоритетом, к настоящему времени не обеспечил его последовательной правовой основой применительно к контрольно-надзорной сфере, где пересекаются публичные интересы государств-членов, права подконтрольных субъектов и технологические возможности цифровой инфраструктуры.

Целью исследования является выявление правовой природы единого цифрового контура (ЕЦК) контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС и обоснование двухуровневой модели его регулирования.

В исследовании решаются следующие *задачи*: выявление нормативного пробела в праве ЕАЭС и структурных препятствий для его устранения; критическая оценка конкурирующих доктринальных подходов к природе наднациональных информационных систем; сравнительно-правовой анализ моделей интеграции информационных систем ЕС (ЕВА, ESMA, ЕЮРА, RASFF/EFSA) с целью обоснования применимости гибридной модели к условиям ЕАЭС; разработка троичной классификации надзорных данных по правовому режиму; обоснование запрета автоматизированного итогового надзорного решения без верификации должностным лицом.

В *результате* исследования предложено доктринальное определение ЕЦК и сформулированы его конститутивные признаки – системность, наднациональность архитектурного замысла, нормативная обусловленность и функциональная целевая направленность. Констатирован ключевой нормативный пробел и выявлены структурные политико-правовые препятствия для его устранения. Предложена троичная классификация надзорных данных (открытые – служебные с ограниченным доступом – защищенные), подкрепленная функциональным прецедентом в праве ЕС. Обоснована

недопустимость автоматизированного принятия итогового надзорного решения без верификации должностным лицом, принципиально отличающаяся от модели GDPR.

Выводы: обоснована двухуровневая модель регулирования единого цифрового контура контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС: рамочное Соглашение ЕЭК о едином цифровом контуре контрольно-надзорной деятельности в сочетании с системой отраслевых межведомственных соглашений. Определены содержательные элементы рамочного Соглашения, включая принципы трансграничного обмена данными, запрет их вторичного использования без специального основания и минимальный стандарт процессуальных гарантий подконтрольных субъектов в условиях алгоритмизированного надзора.

Ключевые слова: ЕАЭС, единый цифровой контур, контрольно-надзорная деятельность, трансграничный обмен данными, надзорные данные, режим данных, риск-ориентированный подход, алгоритмизация надзора, наднациональное регулирование, Евразийская экономическая комиссия, процессуальные гарантии подконтрольных субъектов.

UNIFIED DIGITAL CONTOUR OF THE EAEU CONTROL AND SUPERVISORY INFORMATION SYSTEMS: LEGAL NATURE, ARCHITECTURE OF INTERAGENCY INTERACTION AND THE REGIME OF CROSS-BORDER DATA EXCHANGE

Aleksey N. Pozdnyshov*, Natalia A. Nazarenko

FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
(Bolshaya Sadovaya st., 69, Rostov-on-Don, Russia, 344002)

Link for citation: Pozdnyshov A.N., Nazarenko N.A. Unified digital contour of the EAEU control and supervisory information systems: legal nature, architecture of interagency interaction and the regime of cross-border data exchange. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):28–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

CONTACT INFORMATION:

Aleksey N. Pozdnyshov*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov State University of Economics (RSUE)

Address: Bolshaya Sadovaya st., 69, Rostov-on-Don, Russia, 344002

Tel.: + 7 (863) 264-39-54

E-mail: dekanuf@rsue.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.07.2026

The article has been accepted for publication: 26.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The acceleration of digital transformation of public administration confronts integration associations with questions of legal regulation of cross-border circulation of supervisory data. The Eurasian Economic Union (EAEU), having declared the formation of a unified digital space a strategic priority, has so far failed to provide a consistent legal basis for it in the field of control and supervision, where the public interests of member states, the rights of supervised entities, and the technological capabilities of digital infrastructure intersect.

The purpose of the study is to identify the legal nature of the unified digital contour (UDC) of the EAEU control and supervisory information systems and to substantiate a two-level model of its regulation.

The study is based on the founding treaties and acts of the EAEU, decisions of the Supreme Eurasian Economic Council and the Eurasian Economic Commission, national legislation of member states on information and personal data protection, European Union regulations establishing the European supervisory authorities (EBA, ESMA, EIOPA) and the RASFF/EFSA system, as well as scholarly literature on administrative, information, and integration law. The formal-legal method, the method of systematic analysis of regulatory acts, and the comparative-legal method were applied.

Results: a doctrinal definition of the UDC is proposed, and its constitutive features are formulated – systemic character, supranationality of architectural design, normative conditionality, and functional purpose-orientation. A key normative gap is identified and the structural political and legal obstacles to its elimination are revealed. A threefold classification of supervisory data by legal regime (open – restricted-access service data – protected) is proposed, supported by a functional precedent in EU law. The thesis on the inadmissibility of automated adoption of a final supervisory decision without verification by an official is formulated and substantiated, distinguishing it from the GDPR model.

Findings and conclusions: a two-level model for regulating the unified digital contour of the EAEU control and supervisory information systems is substantiated: a framework Agreement of the Commission on the unified digital contour of control and supervisory activity, combined with a system of sectoral interagency agreements. The substantive elements of the framework Agreement are defined, including the principles of cross-border data exchange, a prohibition on its secondary use without special grounds, and a minimum standard of procedural guarantees for supervised entities under conditions of algorithmized supervision.

Keywords: EAEU, unified digital contour, control and supervisory activity, cross-border data exchange, supervisory data, data regime, risk-based approach, algorithmization of supervision, supranational regulation, Eurasian Economic Commission, procedural guarantees of supervised entities.

Введение

Ускорение цифровой трансформации публичного управления ставит перед интеграционными объединениями вопросы, которые еще недавно выглядели как сугубо технологические. Практика, однако, убедительно показывает иное: именно правовые инструменты определяют, какие данные могут пересекать государственные границы, в каких целях и с какими гарантиями для тех, чья деятельность является объектом надзора. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет в этом отношении показательный, хотя и весьма противоречивый пример. Провозгласив формирование единого цифрового пространства стратегическим приоритетом, Союз к настоящему времени не обеспечил его сколько-нибудь последовательной правовой основой применительно к контрольно-надзорной сфере – области, где пересекаются публичные интересы государств-членов, права подконтрольных субъектов и технологические возможности цифровой инфраструктуры.

Отечественная административно-правовая наука накопила значительный материал по смежным проблемам. В коллективной монографии под редакцией А.Ф. Ноздрачева «Правовое регулирование государственного контроля» последовательно обоснована мысль о том, что надзорные институты воплощают определенную концепцию соотношения публичного интереса и прав подконтрольных субъектов, а не сводятся к совокупности процедур [7, с. 57–71]. С.М. Зубарев в монографии «Система контроля в сфере государственного управления» показывает, что эффективность надзора определяется прежде всего качеством взаимодействия между элементами контрольной системы, а не только полнотой нормативной базы [2, с. 54–62]. В.Н. Южаков и Е.И. Добролюбова с соавторами показывают, что цифровизация контрольно-надзорной деятельности не может сводиться к техническому переносу традиционных процедур в электронную форму: перед нами принципиально иной объект правового регулирования [9, с. 112–135]. С.М. Зырянов указывает на дефицит единых стандартов при осуществлении контрольных функций в условиях реформы регуляторной политики [3, с. 84–98]. Э.В. Талапина акцентирует внимание на неразработанности правового режима данных, циркулирующих в системах публичного управления [8, с. 88–92].

Цель исследования – выявить правовую природу единого цифрового контура контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС и обосновать двухуровневую модель его регулирования. Для ее достижения последовательно рассматриваются: понятие и признаки ЕЦК; действующая нормативная база и ее дефициты; политико-правовые препятствия для устранения нормативного пробела; доктринальные подходы к природе наднациональных информационных систем; модели интеграции в сравнительно-правовом измерении; правовой режим трансграничного обмена надзорными данными и юрисдикционные коллизии; правовые пределы алгоритмизации надзорных решений и процессуальные гарантии подконтрольных субъектов.

Методы исследования

Основу исследования составили учредительные договоры и акты ЕАЭС, решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийской экономической комиссии, национальное законодательство государств-членов о защите информации и персональных данных, регламенты Европейского союза об учреждении европейских надзорных органов (ЕБА, ESMA, EIOPA) и о

системе RASFF/EFSA, а также научная литература по административному, информационному и интеграционному праву. Используются формально-юридический метод, метод системного анализа нормативных актов и сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования

Прежде чем обращаться к нормативному материалу, необходимо определиться с ключевым понятием, поскольку его отсутствие в действующем праве ЕАЭС само по себе является частью диагностируемой проблемы. Предлагается следующее рабочее определение: единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС – это совокупность взаимосвязанных национальных и наднациональных цифровых платформ, информационных систем и реестров, функционирующих на основе единых стандартов, протоколов взаимодействия и правовых режимов в целях обеспечения согласованного осуществления контрольно-надзорных полномочий на территории государств-членов Союза.

Данное определение позволяет выделить конститутивные признаки ЕЦК. Первый – системность: ЕЦК не является совокупностью разрозненных информационных систем, а предполагает их функциональную интеграцию. Второй – наднациональность архитектурного замысла при сохранении национальной юрисдикционной принадлежности компонентов. Третий – нормативная обусловленность: технические стандарты интеграции должны опираться на правовые основания, определяющие объем передаваемых данных, цели их использования и последствия нарушений. Четвертый – функциональная целевая направленность: речь идет именно о надзорных данных, сформированных и используемых в рамках контрольных мероприятий.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.¹ предусматривает создание интегрированной информационной системы (ИИС) ЕАЭС применительно преимущественно к таможенной и торговой сфере. Контрольно-надзорное измерение остается в тексте Договора практически незатронутым. Как отмечают С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков, информационные отношения в рамках ЕАЭС охватываются наднациональным регулированием лишь в той мере, в какой они непосредственно обслуживают четыре свободы единого рынка² – именно эта логика предопределила нормативный пробел в надзорной сфере.

Стратегические направления формирования цифрового пространства ЕАЭС до 2025 г.³ декларировали намерение создать «Единую архитектуру ЕАЭС», однако носили программный, а не нормативный характер. Наиболее значимым специальным актом является Соглашение об осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов ЕАЭС от 16 февраля 2021 г.⁴. Оно предусматривает обмен информацией между уполномоченными органами, однако регулирует лишь организационные принципы такого обмена, оставляя в стороне вопросы правового режима передаваемых данных. Совокупность изложенного позволяет констатировать ключевой нормативный пробел: в системе права ЕАЭС отсутствует наднациональный акт, системно регулирующий архитектуру единого цифрового контура и правовой режим надзорных данных.

Научная дискуссия

Понять, почему означенный пробел сохраняется, невозможно без анализа структурных препятствий. Как убедительно показывается в монографии А.Ф. Ноздрачева, С.М. Зырянова и А.В. Калмыковой, цифровизация контрольно-надзорной деятельности порождает необходимость поиска баланса между интересами подконтрольных лиц, государства и общества [6, с. 214–228] – и именно этот баланс оказывается крайне сложно достижимым на наднациональном уровне.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2015 [обновлено 16 января 2015; процитировано 1 июня 2026]. Доступно: <http://pravo.gov.ru>.

² Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 138–142.

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [сайт]. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии; 2017 [обновлено 11 октября 2017; процитировано 5 июня 2026]. Доступно: <https://eurasiancommission.org>.

⁴ Соглашение об осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 г. [сайт]. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии; 2021 [обновлено 16 февраля 2021; процитировано 5 июня 2026]. Доступно: <https://eurasiancommission.org>.

Первым и наиболее существенным препятствием является коллизия между принципом суверенного равенства государств-членов и логикой углубленной интеграции. Российское законодательство о локализации персональных данных¹ устанавливает жесткие требования, тогда как казахстанская модель допускает трансграничную передачу при согласии субъекта данных. Следствием является ситуация, при которой информация, свободно циркулирующая внутри одного государства-члена, квалифицируется как конфиденциальная в правовой системе другого – что является реальным дестимулятором межведомственного обмена данными. Вторым препятствием является институциональная асимметрия: ЕЭК не обладает достаточными полномочиями для принудительного согласования позиций государств-членов в сфере цифрового регулирования. Третьим – сложность достижения консенсуса по технически емким вопросам: стандарты интероперабельности, форматы обмена данными, протоколы аутентификации требуют одновременного согласования на техническом, правовом и политическом уровнях.

Доктринальная дискуссия о природе наднациональных информационных систем разворачивается в русле двух конкурирующих концепций. Суверенно-охранительное направление, опирающееся на классическую доктрину государственного суверенитета в трудах В.М. Шумилова², полагает, что трансграничная передача данных, сформированных в рамках властных полномочий государства, затрагивает его суверенные прерогативы и требует специального конституционно-правового основания. Сторонники функционального подхода (А.Я. Капустин [4, с. 62–64] и С.Ю. Кашкин с А.О. Четвериковым³) считают суверенитетные ограничения в данной сфере не более существенными, чем уже принятые обязательства в торговой и таможенной сферах.

Оба подхода страдают характерными методологическими изъянами. Суверенно-охранительное направление чрезмерно статично: оно исходит из неизменности объема государственных полномочий в условиях их цифровой трансформации. Функциональный подход склонен к недооценке специфики надзорных данных: в отличие от таможенных, они нередко содержат сведения о конкретных лицах и обладают одновременно признаками служебной информации, персональных данных и доказательственного материала. Авторская позиция состоит в том, что надзорные данные нуждаются в самостоятельном правовом режиме, который не может быть выведен ни из общего режима информационного взаимодействия в ЕАЭС, ни из национальных режимов охраны государственной тайны.

В теории информационного права выделяются три типовые модели интеграции информационных систем: централизованная федеративная, децентрализованная интероперабельная и гибридная. В сфере финансового надзора Регламент (ЕС) № 1093/2010 об учреждении Европейского банковского управления (ЕБА)⁴ реализовал именно гибридную модель: наднациональная координация методологии и стандартов обмена данными сочетается с операционной самостоятельностью национальных регуляторов. В нефинансовой надзорной сфере гибридную модель воплощает Система быстрого оповещения о небезопасных пищевых продуктах и кормах (RASFF), учрежденная статьей 50 Регламента (ЕС) № 178/2002⁵. Статья 52 этого Регламента прямо устанавливает режим конфиденциальности RASFF, различая публичные уведомления, уведомления ограниченного доступа для участников сети и информацию, охватываемую профессиональной тайной, что является прямым прецедентом для предлагаемой в настоящей статье троичной классификации надзорных данных.

Ключевое отличие ситуации ЕАЭС от европейского опыта состоит в том, что ЕЭК не наделена собственными компетенциями и инструментами принуждения в надзорной сфере. Это означает, что гибридная модель применительно к ЕАЭС должна строиться принципиально иначе:

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 92–108.

³ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Указ. соч. С. 183.

⁴ Regulation (EU) No 1093/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority) // OJ L 331. 15.12.2010. P. 12–47.

⁵ Regulation (EC) No 178/2002 of the European Parliament and of the Council of 28 January 2002 laying down the general principles and requirements of food law, establishing the European Food Safety Authority and laying down procedures in matters of food safety // OJ L 31. 01.02.2002. P. 1–24. Art. 50–52; Commission Implementing Regulation (EU) No 2019/1715 of 30 September 2019 laying down rules for the functioning of the information management system for official controls // OJ L 261. 14.10.2019. P. 37–100.

централизованные элементы (единые реестры рисков, аналитические модули, стандарты форматов данных) должны создаваться и поддерживаться на договорной, а не на административно-предписывающей основе.

В действующей системе права ЕАЭС отсутствует единообразная классификация данных, циркулирующих в ходе надзорного взаимодействия. Предлагается выделить три правовых режима. Первый – открытых данных – охватывает обезличенную аналитику, агрегированную статистику и результаты публичных проверок, подлежащие свободному обмену. Второй – служебных данных с ограниченным доступом – распространяется на сведения о конкретных проверочных мероприятиях, передаваемые исключительно по запросу уполномоченного органа в строго определенных целях с запретом вторичного использования. Третий – защищенных данных – охватывает государственную и служебную тайну, персональные данные подконтрольных лиц, а также сведения, которые могут быть использованы в уголовном преследовании: их трансграничная передача допускается лишь на основании специального соглашения или по судебному поручению.

Трансграничный обмен надзорными данными сопряжен с юрисдикционными коллизиями при трансграничных правонарушениях. Традиционные международно-правовые привязки плохо приспособлены к специфике надзорных правоотношений в цифровой среде: место нарушения, место наступления вредных последствий и место нахождения доказательственных данных могут находиться в разных юрисдикциях одновременно. В качестве возможного подхода к разрешению таких коллизий обращает на себя внимание принцип тесной связи правоотношения, известный коллизионному праву МЧП. Адаптация этого принципа к надзорным правоотношениям ЕАЭС представляет собой перспективное направление для самостоятельного исследования; в рамках настоящей статьи данная идея формулируется как исследовательская гипотеза, требующая отдельной разработки.

Без четкого нормативного запрета вторичного использования данных создание ЕЦК рискует превратиться в инструмент непредсказуемого расширения государственного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Именно поэтому запрет вторичного использования должен быть включен в качестве обязательного элемента рамочного Соглашения применительно ко второму режиму.

Самостоятельного анализа требует проблема алгоритмизации надзорных решений. А.В. Кнутов с соавторами убедительно показывают, что присвоение хозяйствующему субъекту категории риска представляет собой юридически значимое действие, от которого зависит интенсивность контрольных мероприятий [5, с. 42–56]. Е.И. Добролюбова и В.Н. Южаков фиксируют, что использование алгоритмических инструментов для формирования планов проверок порождает нерешенный вопрос о правовой природе алгоритмически сформированного планового решения [1, с. 76–89]. Статья 23 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ¹ закрепляет принцип риск-ориентирования применительно к российскому праву; в наднациональном контексте ЕАЭС соответствующей правовой базы не существует.

Автоматизированное принятие итогового надзорного решения без верификации должностным лицом должно быть прямо запрещено как на национальном, так и на наднациональном уровне. Этот тезис принципиально отличается от логики статьи 22 Общего регламента о защите данных (GDPR)², допускающей автоматизированные решения при наличии у субъекта права потребовать их пересмотра человеком. Применительно к надзорным правоотношениям модель GDPR недостаточна по трем основаниям. Первое – конституционно-правовое: надзорное решение как властное волеизъявление государства несовместимо с безличной автоматизацией. Второе – технологическое с правовыми последствиями: алгоритмы работают на основе исторических данных, отражающих возможные системные погрешности. Третье – процессуальное: юридическая ответственность за надзорное решение может быть возложена только на конкретное должностное лицо. Запрет автоматизированного итогового решения не означает запрета алгоритмических инструментов при его подготовке – это разграничение принципиально.

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (General Data Protection Regulation) // OJ L 119. 04.05.2016. P. 1–88. Art. 22.

Процессуальные гарантии подконтрольных субъектов в условиях алгоритмизированного надзора должны превышать действующий национальный стандарт за счет: права на информацию о самом факте использования алгоритмических инструментов при формировании плана проверок; права запросить обоснование присвоенной категории риска до начала контрольного мероприятия; гарантии того, что использование алгоритмических инструментов при подготовке надзорного решения не является основанием для ограничения права на его обжалование.

На первом, наднациональном, уровне необходимо принятие рамочного Соглашения о едином цифровом контуре контрольно-надзорной деятельности ЕАЭС. Данное Соглашение должно определять: понятие, признаки и принципы построения ЕЦК; общую архитектуру (гибридная модель на договорной основе); троичную классификацию надзорных данных; принципы трансграничного обмена данными, включая запрет вторичного использования; запрет автоматизированного принятия итогового надзорного решения без верификации; минимальный стандарт процессуальных гарантий подконтрольных субъектов; порядок мониторинга исполнения. На втором уровне необходима система межведомственных соглашений между конкретными надзорными органами, конкретизирующих рамочные положения применительно к отдельным секторам.

Единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС является самостоятельным объектом правового регулирования. Его самостоятельность обосновывается через три критерия теории права: специфический субъектный состав (наднациональные органы и национальные надзорные ведомства, связанные наднациональными обязательствами по совместимости), особый охраняемый интерес (одновременное обеспечение эффективности публичного надзора и прав подконтрольных субъектов в наднациональном измерении), а также особый метод воздействия – сочетание дозволительных норм об информационном обмене и обязывающих стандартов технической совместимости.

Нормативный пробел носит структурно обусловленный характер. Его преодоление требует не технического принятия единого акта, а поэтапного выстраивания двухуровневой регулятивной архитектуры. Унификация понятийного аппарата в сфере оборота надзорных данных, которую ЕЭК вправе инициировать в форме рекомендации с согласованным глоссарием, является первым и наиболее реалистичным практическим шагом.

Предложенная троичная классификация надзорных данных является авторской разработкой, подкрепленной функциональным прецедентом в праве ЕС – системой RASFF, различающей публичные уведомления, уведомления ограниченного доступа для участников сети и информацию, охватываемую профессиональной тайной. В сфере алгоритмизации разграничение между алгоритмизацией подготовки решения (допустима и целесообразна) и автоматизацией самого итогового решения (недопустима) превосходит по строгости модель GDPR применительно к публично-надзорным правоотношениям и вытекает из принципа персональной ответственности должностного лица в публичном праве.

Список использованной литературы:

1. Баранова А.Ф., Шмагун Е.С. Цифровой суверенитет ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022;(7):29–34.
2. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Мониторинг и оценка результативности и эффективности цифровизации государственного управления: методические подходы: монография. М.: Дело: РАНХиГС; 2020.
3. Зубарев С.М. Система контроля в сфере государственного управления: монография. М.: Норма: ИНФРА-М; 2019.
4. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Контракт; 2023.
5. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. *Журнал российского права*. 2015;(11):59–69.

References:

1. Baranova A.F., Shmagun E.S. [Digital Sovereignty of the EAEU in the Context of Ensuring Economic Security]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2022;(7):29–34. (In Russ.)
2. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. [Monitoring and Assessment of the Effectiveness and Efficiency of Digitalization of Public Administration]. Moscow: Delo: RANEP; 2020. (In Russ.)
3. Zubarev S.M. [The System of Control in the Sphere of Public Administration]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2019. (In Russ.)
4. Zyryanov S.M. [State Control (Supervision)]. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation: Kontrakt; 2023. (In Russ.)
5. Kapustin A.Ya. [Law of the Eurasian Economic Union: an International Legal Discourse]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015;(11):59–69. (In Russ.)

6. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Чаплинский А.В. Государственный и муниципальный контроль (надзор) в отношении граждан. Нормативное регулирование и реализация на практике. М.: НИУ ВШЭ; 2015.
7. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография. М.: Инфотропик Медиа; 2022.
8. Правовое регулирование государственного контроля: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Анкил; 2012.
9. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция; 2015.
10. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Результативность и эффективность контрольно-надзорной деятельности государства: мнение бизнеса и граждан. М.: Дело: РАНХиГС; 2021.
6. Knutov A.V., Plaksin S.M., Chaplinsky A.V. [State and Municipal Control (Supervision) over Citizens]. Moscow: HSE; 2015. (In Russ.)]
7. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. [Regulatory Policy of the Russian Federation: Legal Problems of Formation and Implementation]. Moscow: Infotropic Media; 2022. (In Russ.)]
8. [Legal Regulation of State Control] / ed. by A.F. Nozdrachev. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation: Ankil; 2012. (In Russ.)]
9. Talapina E.V. [Public Administration in the Information Society (Legal Aspect)]. Moscow: Yurisprudentsiya; 2015. (In Russ.)]
10. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. [Effectiveness and Efficiency of State Control and Supervisory Activity: Opinion of Business and Citizens]. Moscow: Delo: RANEPa; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднышов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, профессор, декан
Юридического факультета Ростовского
государственного экономического университета
(РИНХ)

ORCID: 0000-0002-9707-8933

Author ID: 57207890463

Назаренко Наталия Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
финансового и административного права Ростовского
государственного экономического университета
(РИНХ)

Author ID: 206844

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey N. Pozdnyshov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law,
Rostov State University of Economics (RSUE)

ORCID: 0000-0002-9707-8933

Author ID: 57207890463

Natalia A. Nazarenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Financial and
Administrative Law, Rostov State University of
Economics (RSUE)

Author ID: 206844

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-36-42>

К ВОПРОСУ О ПРИВЕДЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СООТВЕТСТВИЕ С НОВЫМ ЗАКОНОМ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Черненко А.Д.*¹, Павлов Н.В.²

¹ Избирательная комиссия Краснодарского края
(Гимназическая ул., д. 30, г. Краснодар, Россия, 350063)

² Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Черненко А.Д., Павлов Н.В. К вопросу о приведении избирательного законодательства в соответствие с новым законом о местном самоуправлении. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):36–42. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-36-42>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Черненко Алексей Дмитриевич*, председатель Избирательной комиссии Краснодарского края

Адрес: Гимназическая ул., д. 30, г. Краснодар, Россия, 350063

Тел.: + 7 (861) 268-29-16

E-mail: a_lex164@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2026

Статья принята к печати: 24.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Цель научной статьи состоит в анализе соответствия норм избирательного законодательства новому закону о местном самоуправлении, а именно Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» нормам Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Методологическая основа исследования состоит из совокупности научных приемов и методов исследования явлений и процессов, включая системный, лингвистический, логический, сравнительно-правовой методы.

Актуальность исследования заключается в том, что требование соответствия норм любых законов положениям действующих федеральных законов является не просто юридико-техническим правилом, а основополагающим принципом функционирования правовой системы Российской Федерации. В контексте проведенной реформы местного самоуправления и принятия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» этот вопрос приобретает особую остроту. В статье отмечены ключевые новеллы нового закона о местном самоуправлении. Речь идет о введении одноуровневой системы местного самоуправления, унификации сроков полномочий для всех выборных органов и должностных лиц местного самоуправления, изменении отдельных подходов и к структуре органов местного самоуправления, статусу депутатов, лиц, замещающих муниципальные должности.

По *результатам* проведенного анализа соответствия положений Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» нормам Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» авторы пришли к выводу о необходимости внесения корректировок в Федеральный закон от

12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. В связи с изменениями модели территориальной и организационной структуры местного самоуправления, заложенной в Федеральном законе № 33-ФЗ, терминология и отдельные положения Федерального закона № 67-ФЗ не в полной мере соответствуют с его нововведениями. Авторами подчеркнута актуальность оперативного внесения изменений в статьи 15 и 16 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с проведением в 2026 году выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации очередного созыва. Особую практическую значимость придает статье то, что в ней содержатся конкретные формулировки изменений, подлежащих имплементации в избирательное законодательство.

Ключевые слова: местное самоуправление, единая система публичной власти, реформа, избирательные права, гарантии, муниципальные выборы, органы местного самоуправления, территориальная организация местного самоуправления.

ON BRINGING ELECTORAL LEGISLATION INTO CONFORMITY WITH THE NEW LAW ON LOCAL SELF-GOVERNMENT

Aleksey D. Chernenko^{*1}, Nikolay V. Pavlov²

¹ Electoral Commission of Krasnodar Krai

(Gimnazicheskaya st., 30, Krasnodar, Russia, 350063)

² North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"Russian State University of Justice"

(Red Partisans st., 234, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Chernenko A.D., Pavlov N.V. On bringing electoral legislation into conformity with the new law on local self-government. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):36–42. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-36-42>

CONTACT INFORMATION:

Aleksey D. Chernenko*, Chairman of the Electoral Commission of Krasnodar Krai

Address: Gimnazicheskaya st., 30, Krasnodar, Russia, 350063

Tel.: + 7 (861) 268-29-16

E-mail: a_lex164@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.07.2026

The article has been accepted for publication: 24.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *purpose* of this scientific article is to analyze the conformity of electoral legislation with the new law on local self-government, namely the conformity of Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" with the provisions of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power."

The *methodological basis* of the study consists of a set of scientific techniques and methods for studying phenomena and processes, including systemic, linguistic, logical, and comparative legal methods.

The *relevance* of the study lies in the fact that the requirement for the conformity of the provisions of any laws with the provisions of current federal laws is not merely a rule of legal technique, but a fundamental principle of the functioning of the legal system of the Russian Federation. In the context of the local self-government reform carried out and the adoption of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power," this issue acquires particular urgency. The article highlights the key innovations of the new law on local self-government. These include the introduction of a single-tier system of local self-government, the unification of terms of office for all elected bodies and officials of local self-government, and changes in certain

approaches to the structure of local self-government bodies and to the status of deputies and persons holding municipal positions.

Based on the *results* of the analysis of the provisions of Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" against the provisions of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power," the authors conclude that it is necessary to introduce amendments to Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002. Owing to the changes in the model of the territorial and organizational structure of local self-government established in Federal Law No. 33-FZ, the terminology and certain provisions of Federal Law No. 67-FZ do not fully conform to its innovations. The authors emphasize the relevance of promptly amending Articles 15 and 16 of Federal Law No. 20-FZ of February 22, 2014 "On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" in connection with the 2026 election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the next convocation. The article's particular practical significance is conferred by the fact that it contains specific wordings of the amendments to be implemented in electoral legislation.

Keywords: local self-government, unified system of public power, reform, electoral rights, guarantees, municipal elections, local self-government bodies, territorial organization of local self-government.

Введение

Институт местного самоуправления неоднократно подвергался реформированию, не является исключением и настоящее время. Важнейший блок конституционных поправок 2020 года был направлен на обеспечение единства системы публичной власти [8]. Этот конституционный принцип предполагает согласованное действие всех уровней власти (федерального, регионального, муниципального) как единого целого¹.

В целях обеспечения реализации принципа единства системы публичной власти, разработанным законопроектом была предложена новая модель организации и деятельности органов местного самоуправления². Итогом законотворческого процесса стал Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ)³.

В свою очередь, масштабное преобразование правовых основ местного самоуправления не может носить изолированный характер и требует своевременной, точной адаптации смежных отраслей законодательства, прежде всего – избирательного. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) является базовым правовым документом, посредством которого гарантируется реализация конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства, в том числе на местном уровне⁴. Его нормы детализируют процедуры формирования выборных органов местного самоуправления⁵.

Методы исследования

В качестве методологической основы исследования использовались системный, лингвистический, логический, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования

---

¹ Новый муниципальный закон. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Эксмо, 2026.

² Клишас А.А., Крашенинников П.В. внесли законопроект об организации местного самоуправления [сайт]. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; 2021. [обновлено 16 декабря 2021; процитировано 25 июля 2026]. Доступно: <http://council.gov.ru/events/news/131952/>.

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁴ Алексеев Р.А. Избирательное право, избирательный процесс и технологии: учебник / Р.А. Алексеев. М.: ИНФРА-М, 2026. 175 с.

⁵ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

Стоит отметить, что не все планы по формированию или изменению федерального законодательства реализованы в полном объеме¹. Так, в связи с изменениями модели территориальной и организационной структуры местного самоуправления, заложенной в Федеральном законе № 33-ФЗ, терминология и отдельные положения Федерального закона № 67-ФЗ не в полной мере коррелируют с его нововведениями, что может привести к правовым коллизиям. Именно поэтому видится необходимость в проведении сравнительно-правового анализа положений Федерального закона № 33-ФЗ и действующих норм Федерального закона № 67-ФЗ. Все это позволит обеспечить разработку предложений по совершенствованию избирательного законодательства в целях приведения его в соответствие с законодательством о местном самоуправлении.

Научная дискуссия

Рассмотрим основные изменения, внесенные Федеральным законом № 33-ФЗ. Стоит учитывать тот факт, что новый закон определяет местное самоуправление как признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) [6].

Самым главным изменением является введение одноуровневой системы местного самоуправления [7]. Нормы Федерального закона № 33-ФЗ, устанавливающие основные принципы и правила функционирования местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти, закрепляют основные виды муниципальных образований, определяют критерии и требования к ним [4]:

- 1) городской округ;
- 2) муниципальный округ;
- 3) внутригородское муниципальное образование города федерального значения.

При анализе определений видов муниципальных образований несложно выявить сходство в определении понятия «городской округ» и «муниципальный округ» [3]. Именно поэтому, во избежание неверного толкования, законодатель установил четкие критерии разграничения.

При этом следует отметить, что субъектам Российской Федерации дается право сохранить двухуровневую систему местного самоуправления, где продолжают существовать такие виды муниципальных образований, как муниципальные районы и входящие в их состав сельские и городские поселения (ч. 7 ст. 9). Таким образом, предусмотрена гибкая система организации местного самоуправления, учитывающая уже сложившуюся на местах специфику [5].

Процесс перехода на новую систему территориальной организации муниципалитетов уже начался в ряде регионов. На одноуровневую систему перешли Белгородская, Вологодская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Омская, Смоленская, Тюменская, Челябинская, Ярославская области, Красноярский, Приморский, Ставропольский края.

Между тем некоторые субъекты Российской Федерации сохраняют двухуровневую систему. Так, Законодательным Собранием Краснодарского края в связи с введением в действие Федерального закона № 33-ФЗ подготовлен и принят Закон Краснодарского края от 12 декабря 2025 г. № 5458 «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае». Согласно положениям регионального закона на большей части территории Краснодарского края сохраняется двухуровневая модель местного самоуправления².

Федеральный закон № 33-ФЗ изменил отдельные подходы и к структуре органов местного самоуправления, статусу депутатов, лиц, замещающих муниципальные должности. В частности, данный Федеральный закон, в отличие от Федерального закона № 131-ФЗ, не содержит упоминаний об иных (кроме представительного органа муниципального образования) выборных органах местного самоуправления и понятия «член выборного органа местного самоуправления».

Достаточно интересным представляется и вопрос, который касается унификации сроков полномочий. Федеральный закон № 33-ФЗ устанавливает единый пятилетний срок полномочий для всех выборных органов и должностных лиц местного самоуправления [1].

¹ Шугрина, Е.С. Муниципальное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 576 с.

² Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 12.12.2025 г. № 5458 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Проведенный анализ некоторых основных положений законодательства указывает на необходимость внесения поправок в Федеральный закон № 67-ФЗ. Во-первых, в связи с вступлением в силу Федерального Закона № 33-ФЗ большинство норм Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) утратило силу за исключением главы 3 «Вопросы местного значения» (кроме ст. 18.1), которая и будет определять компетенцию местного самоуправления до 1 января 2027 года [2]. То есть для подавляющего большинства норм Федерального закона № 33-ФЗ переходного периода нет [10]. Сказанное подчеркивает необходимость корректировки отсылочных норм в Федеральном законе № 67.

Так, например, согласно ст. 32 Федерального закона № 67-ФЗ не могут быть выдвинуты в качестве кандидатов на выборах, назначенных по причине не проведения представительным органом муниципального образования правомочного заседания в течение трех месяцев подряд, депутаты данного органа, распущенного на основании ч. 2.1 ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ. Однако в связи с тем, что положения ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ утратили силу, следует ч. 6.1 ст. 32 Федерального закона № 67-ФЗ изложить в следующей редакции: «Лица, являвшиеся депутатами представительного органа муниципального образования, распущенного на основании пункта 2 части 3 статьи 17 Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (за исключением лиц, в отношении которых судом установлен факт отсутствия вины за непроведение представительным органом муниципального образования правомочного заседания в течение трех месяцев подряд), не могут быть выдвинуты кандидатами на выборах, назначенных в связи с указанными обстоятельствами». Аналогичные изменения следует внести и в ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ.

Во-вторых, стоит отметить важность приведения в соответствие понятийного аппарата Федерального закона № 67-ФЗ с терминами, закрепленными в Федеральном законе № 33-ФЗ.

Поскольку ст. 2 Федерального закона № 33-ФЗ вводит новую трактовку термина «вопросы местного значения», то, вероятно, следует и понятийный аппарат ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ, а также иные его положения привести в соответствие, закрепив термин «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросы местного значения)» (подп. 49, 53 ст. 2, п. 3 ст. 12).

Как уже было отмечено ранее, Федеральный закон № 33-ФЗ установил три основных вида муниципальных образований с возможностью сохранения двухуровневой системы с таким видом муниципального образования как муниципальный район. Соответственно, в п. 2, 5, 6, 7, 8, 9 ст. 16, п. 6 ст. 17, п. 2, 2.3, 7 ст. 19, п. 11 ст. 23, п. 3.1 ст. 38, п. 7 ст. 75 формулировку «муниципального района, муниципального округа, городского округа, внутригородской территории города федерального значения» целесообразно заменить на «городского округа, муниципального округа, муниципального района, внутригородского муниципального образования города федерального значения».

При этом, с учетом возможности сохранения такого вида муниципального образования, как поселение, в Федеральном законе № 67-ФЗ все нормы, касающиеся выборов в органы местного самоуправления поселений должны продолжить свое действие (п. 8 ст. 18, п. 67 ст. 19, п. 19 ст. 35, п. 7 и 10 ст. 35.1, п. 3.1 ст. 38, п. 11 ст. 58, п. 7 ст. 75).

В-третьих, в части регулирования отдельных вопросов в отношении органов местного самоуправления и сроков их полномочий необходимы следующие изменения.

Из подп. 59 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ слова «или иной выборный орган местного самоуправления» должны быть исключены.

Как уже отмечалось, Федеральный закон № 33-ФЗ устанавливает единый пятилетний срок полномочий для всех выборных органов и должностных лиц местного самоуправления. Однако ст. 8 Федерального закона № 67-ФЗ закрепляет, что срок полномочий, на который избираются органы местного самоуправления, депутаты данных органов, устанавливается уставом соответствующего муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. При этом положения отмеченной статьи уточняют временной период срока, который не может быть менее двух и более пяти лет. Данная дифференциация теряет смысл и подлежит унификации. Считаем нужным п. 1 ст. 8 Федерального закона № 67-ФЗ в части установления срока полномочий органов местного самоуправления изложить в следующей редакции: «Срок, на который избираются органы местного

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

самоуправления, депутаты указанных органов, и срок полномочий указанных органов и депутатов устанавливаются уставом муниципального образования в соответствии с Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Подводя итог сказанному, можно заключить, что реформа местного самоуправления в Российской Федерации носит системообразующий характер. Таким образом, принятие Федерального закона № 33-ФЗ влечет за собой необходимость приведения в соответствие с ним значительного массива законодательства, в том числе Федерального закона № 67-ФЗ. Как верно отмечено, установленные стандарты, не насыщенные необходимой степенью детализирующих норм, провоцируют нормотворчество, которое может ограничить избирательные права граждан [9]. Предложенный комплекс поправок позволит избежать разрывов и коллизий в правоприменительной практике. А учитывая, что в соответствии со ст. 11 Федерального закона № 67-ФЗ законодательство о выборах составляют не только настоящий федеральный закон, но и иные федеральные законы, конституции и уставы, законы субъектов Российской Федерации, работа по изменению выборного законодательства предстоит масштабная.

В связи с проведением в 2026 году выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации очередного созыва, наиболее актуальным в контексте обсуждаемых новаций представляется оперативное внесение изменений в ст. 15 и 16 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹.

Список использованной литературы:

1. Абрамова П.Е., Кузнецов С.П. Реформа местного самоуправления в связи с принятием Федерального закона № 33-ФЗ от 2025 года. *Проблемы права*. 2025;(4(100)):31–37.
2. Бурмистрова Ю.Ю., Микерин А.А. Особенности конституционно-правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2025;(3(61)):26–34.
3. Дашин А.В., Павлов Н.В., Очаковский В.А. Общетеоретические вопросы реформы местного самоуправления в Российской Федерации. *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2024;(2(54)):126–134.
4. Зазулина М.Р. Местное самоуправление в Российской Федерации: траектория концептуального развития. *Сибирский философский журнал*. 2023;(2(21)):58–70.
5. Кискин Е.В. Новый закон о местном самоуправлении в России: тактика или стратегия (опыт факторного анализа). *Федерализм*. 2025;(1(30)):32–51.
6. Кожевников О.А. Новый закон о местном самоуправлении: начало нового этапа дискуссий и обсуждений. *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2025;(3):6–11.
7. Комаров А.Ю. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации. *Закон и право*. 2026;(8):71–76.
8. Пешин Н.Л. Реформа местного самоуправления в России 2025 года:

References:

1. Abramova P.E., Kuznetsov S.P. [Reform of local self-government in connection with the adoption of Federal Law No. 33-FZ of 2025]. *Problemy prava = Issues of Law*. 2025;(4(100)):31–37. (In Russ.)]
2. Burmistrova Yu.Yu., Mikerin A.A. [Features of the Constitutional and Legal Regulation of Local Self-Government in the Russian Federation]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(3(61)):26–34. (In Russ.)]
3. Dashin A.V., Pavlov N.V., Ochakovskiy V.A. [General theoretical issues of local self-government reform in the Russian Federation]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova = Bulletin of the A.A. Kadyrov Chechen State University*. 2024;(2(54)):126–134. (In Russ.)]
4. Zazulina M.R. [Local self-government in the Russian Federation: the trajectory of conceptual development]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal = Siberian Journal of Philosophy*. 2023;(2(21)):58–70. (In Russ.)]
5. Kiskin E.V. [A new law on local self-government in Russia: tactics or strategy (experience of factor analysis)]. *Federalizm = Federalism*. 2025;(1(30)):32–51. (In Russ.)]
6. Kozhevnikov O.A. [A new law on local self-government: the beginning of a new stage of discussions and debates]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*. 2025;(3):6–11. (In Russ.)]
7. Komarov A.Yu. [Local Self-Government in the System of Public Authority in the Russian Federation]. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2026;(8):71–76. (In Russ.)]
8. Peshin N.L. [Reform of local self-government in Russia in 2025: transition to the model of unified public power].

¹ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

переход к модели единой публичной власти. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2026;(1):19–28.

9. Черненко А.Д., Павлов Н.В. Вопросы совершенствования муниципальной избирательной системы: исторический и практический аспект. *Очерки новейшей камералистики*. 2013;(1):53–62.

10. Шугрина Е.С. Первые шаги субъектов Российской Федерации по реализации нового федерального закона о местном самоуправлении. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2025;(4):18–24.

Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik = North Caucasus Legal Bulletin. 2026;(1):19–28. (In Russ.)]

9. Chernenko A.D., Pavlov N.V. [Issues of improving the municipal electoral system: historical and practical aspect]. *Ocherki noveyshey kameralistiki = Essays on the Latest Cameralistics*. 2013;(1):53–62. (In Russ.)]

10. Shugrina E.S. [The first steps taken by the constituent entities of the Russian Federation to implement the new federal law on local self-government]. *Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie = Municipal property: economics, law, management*. 2025;(4):18–24. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черненко Алексей Дмитриевич

председатель Избирательной комиссии Краснодарского края

Павлов Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

ORCID: 0000-0002-5164-3351

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey D. Chernenko

Chairman of the Electoral Commission of Krasnodar Krai

Nikolay V. Pavlov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines, North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice"

ORCID: 0000-0002-5164-3351

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-43-50>

ПРЕДЕЛЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОЙ НЕОБЕСПЕЧЕННОСТИ

Шевченко О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского» (Гагарина пр., д. 23, г. Нижний Новгород, Россия, 603022)

Ссылка для цитирования: Шевченко О.А. Пределы административной ответственности за неисполнение исполнительных документов неимущественного характера в условиях бюджетной необеспеченности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):43–50. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-43-50>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Шевченко Орест Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Адрес: Гагарина пр., д. 23, г. Нижний Новгород, Россия, 603022

Тел.: +7 (915) 945-05-50

E-mail: oas2310@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.07.2026

Статья принята к печати: 24.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Цель исследования состоит в выявлении и научном осмыслении проблем правоприменения ч. 4 и 5 ст. 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как оснований прекращения производства по делам о неисполнении содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера (статья 17.15 названного Кодекса), состоявшихся в отношении органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений и их должностных лиц.

Задачи исследования включают анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, обобщение судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и кассационных судов общей юрисдикции по применению указанных норм, выявление критериев отграничения объективной бюджетной невозможности исполнения от субъективного бездействия должника.

Методы исследования: формально-юридический, метод анализа судебной практики, метод системного толкования норм. В работе использованы материалы шести судебных актов различных судебных инстанций, а также обобщенные выводы и предложения по данной категории дел.

Результаты исследования показывают, что действующее правовое регулирование не содержит закрытого перечня доказательств, подтверждающих объективную невозможность исполнения требований неимущественного характера вследствие недостаточности бюджетного финансирования, что порождает противоречивую правоприменительную практику. Автором предложена дефиниция понятия «объективная бюджетная невозможность исполнения», сформулированы критерии добросовестного бюджетного поведения должника, предложены изменения в статью 24.5 названного Кодекса, направленные на закрепление обязательного перечня документов, подлежащих исследованию судом.

Научная дискуссия посвящена соотношению принципов вины и объективной невозможности исполнения в административно-деликтном праве, вопросам финансовой ответственности публично-

правовых образований, а также пределам судебного контроля за бюджетной деятельностью публичных субъектов.

Выводы автора заключаются в необходимости легального закрепления критериев добросовестного бюджетного поведения и дифференциации пределов доказывания в зависимости от категории публичного субъекта.

Ключевые слова: административная ответственность, бюджетная необеспеченность, исполнительное производство, неимущественные требования, конституционно-правовой смысл, вина, объективная невозможность исполнения.

LIMITS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR FAILURE TO EXECUTE NON-PROPERTY ENFORCEMENT DOCUMENTS IN CONDITIONS OF BUDGETARY INSECURITY

Orest A. Shevchenko

FGAOU VO "Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod"
(Gagarina Prospekt, 22, Nizhny Novgorod, Russia, 603022)

Link for citation: Shevchenko O.A. Limits of administrative liability for failure to execute non-property enforcement documents in conditions of budgetary insecurity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):43–50. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-43-50>

CONTACT INFORMATION:

Orest A. Shevchenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGAOU VO "Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod"

Address: Gagarina Prospekt, 22, Nizhny Novgorod, Russia, 603022

Tel.: +7 (915) 945-05-50

E-mail: oas2310@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.07.2026

The article has been accepted for publication: 24.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *purpose* of this study is to identify and provide a scientific understanding of the problems of applying Parts 4 and 5 of Article 24.5 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses as grounds for terminating proceedings in cases of non-compliance with non-pecuniary claims contained in a writ of execution (Article 17.15 of the aforementioned Code) against state authorities, local government bodies, institutions, and their officials.

The *objectives* of the study include an analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, a summary of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts of general jurisdiction on the application of these provisions, and the identification of criteria for distinguishing between objective budgetary impossibility of enforcement and subjective inaction by the debtor.

The research *methods* include a formal legal approach, an analysis of judicial practice, and a systemic interpretation of the provisions. The study utilizes materials from six judicial decisions of various courts, as well as summarized conclusions and proposals for this category of cases.

The study's *results* demonstrate that current legal regulations do not contain a comprehensive list of evidence confirming the objective impossibility of fulfilling non-pecuniary claims due to insufficient budgetary funding, leading to inconsistent law enforcement practices. The author proposes a definition of the concept of "objective budgetary impossibility of fulfillment" formulates criteria for a debtor's bona fide budgetary behavior, and proposes amendments to Article 24.5 of the Code aimed at establishing a mandatory list of documents subject to judicial review.

This *scholarly discussion* focuses on the relationship between the principles of guilt and objective impossibility of fulfillment in administrative tort law, issues of financial liability of public entities, and the limits of judicial review of public entities' budgetary activities.

The author's *conclusions* emphasize the need to legally establish criteria for bona fide budgetary behavior and differentiate the limits of proof depending on the category of public entity.

Keywords: administrative liability, budgetary insecurity, enforcement proceedings, non-property claims, constitutional and legal meaning, guilt, objective impossibility of enforcement.

Введение

Административная ответственность за неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера, установленная ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ), выступает одним из наиболее востребованных инструментов государственного принуждения в сфере исполнительного производства применительно к государственным и муниципальным учреждениям и их должностным лицам. Особую остроту данная проблематика приобретает в тех случаях, когда неисполнение требования исполнительного документа обусловлено не пренебрежением обязанностью, а объективной недостаточностью бюджетного финансирования.

В этих условиях традиционная модель правоприменения, основанная на формальном сопоставлении срока, установленного в исполнительном производстве, и фактического момента исполнения, демонстрирует устойчивые ограничения и порождает риск объективного вменения ответственности за действия (бездействие), обусловленные недофинансированием или институциональными ограничениями.

Действующее регулирование ч. 4 и 5 ст. 24.5 КоАП РФ предусматривает возможность прекращения производства по делу об административном правонарушении при доказанности объективной невозможности своевременного исполнения требований неимущественного характера вследствие недостаточности бюджетных ассигнований либо субвенций. Однако отсутствие легально закреплённого перечня критериев, позволяющих отграничить объективную невозможность исполнения от простого бездействия либо ненадлежащего бюджетного планирования, порождает существенные расхождения в судебной практике, что подтверждается материалами рассмотренных дел.

Данная проблема тесно связана с более широким вопросом о правовой природе исполнительных действий, поставленным М.Л. Гальпериным, который указывает на неоднозначность квалификации мер принуждения в исполнительном производстве именно в качестве мер ответственности, что имеет прямое значение для отграничения объективной невозможности исполнения от простого бездействия [2, с. 25].

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 17 июля 2025 г. № 29-П² и в постановлении от 27 февраля 2026 г. № 10-П³ выявил обязательный конституционно-правовой смысл указанных норм, исключающий как формальную констатацию факта неисполнения требования исполнительного документа без проверки доводов о недостаточности финансирования, так и автоматическое освобождение от ответственности при ссылке на дефицит бюджета без доказанности причинно-следственной связи и добросовестного бюджетного поведения должника.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью научного осмысления выявленного Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла указанных норм, разработки критериев объективной бюджетной невозможности исполнения и формулирования предложений по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях, а также правоприменительной практики судов общей юрисдикции.

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 г. № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30. Ст. 4512.

³ По делу о проверке конституционности части 4 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Правительства Омской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2026 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2026. № 9. Ст. 1287.

Методы исследования

Исследование опирается на совокупность общенаучных и специальных юридических методов, позволяющих комплексно раскрыть содержание административной ответственности за неисполнение требований неимущественного характера. К числу общенаучных методов относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, которые использовались при выявлении взаимосвязи между нормативным регулированием, судебной практикой и доктринальными подходами к оценке вины должника. К специальным юридическим методам, задействованным в исследовании, относятся формально-юридический, системно-структурный и правоинтерпретационный анализ. Формально-юридический метод позволил выявить логическую структуру норм ст. 17.15 КоАП РФ и ч. 4 и 5 ст. 24.5 КоАП РФ, а также определить их место в системе административных предписаний, обеспечивающих обязательность судебных актов. Системно-структурный подход обеспечил возможность рассматривать административную ответственность как элемент более широкой системы гарантий исполнения судебных решений, включающей бюджетное регулирование, организационно-процессуальные механизмы и судебный контроль. Правоинтерпретационный анализ был использован при исследовании правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, раскрывающих системный смысл соответствующих норм и задающих ориентиры для правоприменителя.

Эмпирическую базу исследования составили шесть судебных актов: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2026 г. № 50-АД26-4-К8¹; Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2026 г. № 59-АД26-5-К9²; постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2026 г. № 16-2444/2026³; постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2026 г. № 16-1914/2026⁴; а также постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 29-П и № 10-П, упомянутые выше. Дополнительно использовались обобщенные выводы и предложения по данной категории дел, подготовленные в порядке анализа правоприменительной практики.

Результаты исследования

Современные статистические наблюдения А.С. Дугенца и Н.Г. Канунниковой свидетельствуют об устойчивом росте числа дел об административных правонарушениях в отношении органов власти и их должностных лиц [5, с. 28].

Анализ судебной практики позволил установить, что административная ответственность за неисполнение требований неимущественного характера формируется в контексте динамично развивающегося исполнительного производства, в рамках которого значение имеют не только факт просрочки исполнения, но и последовательность действий судебного пристава-исполнителя и должника. Взыскание исполнительского сбора, установление нового срока исполнения и составление протокола об административном правонарушении образуют единую логическую цепочку, в которой оценка вины должника не может быть сведена к формальному учету временного интервала между вынесением судебного акта и его фактическим исполнением. Правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к переходу от формализованной модели к модели, ориентированной на исследование содержания публичного полномочия, источников его финансирования и реальных возможностей исполнения.

При этом выявлено два ключевых подхода судов к оценке обстоятельств, исключающих производство по делам об административных правонарушениях на основании ч. 4 и 5 ст. 24.5 КоАП РФ.

Первый подход, ведущий к прекращению производства по делу, основывается на совокупности следующих обстоятельств: отсутствие у учреждения необходимых бюджетных ассигнований либо субвенций, когда финансирование прямо зависит от решений вышестоящего публичного субъекта; наличие документально подтвержденной причинно-следственной связи между

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2026 г. № 50-АД26-4-К8 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2026 г. № 59-АД26-5-К9 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2026 г. № 16-2444/2026 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2026 г. № 16-1914/2026 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

недостаточностью бюджетного финансирования и неисполнением требования; совершение активных действий по исполнению – переписка с финансовыми органами, включение объекта в адресные программы, подготовка проектной и сметной документации; объективная невозможность исполнения в установленный судебным приставом-исполнителем срок ввиду длительности бюджетных, проектных и закупочных процедур¹.

Второй подход, ведущий к отказу в прекращении производства по делу, связан с установлением судами следующих обстоятельств: ссылка на недостаток финансирования носит общий, недокументированный характер; орган или должностное лицо длительное время не предпринимали необходимых действий по получению финансирования; неисполнение обусловлено не только отсутствием денежных средств, но и собственным бездействием, просрочкой в подготовке документации; учреждение фактически подменяет критерий объективной невозможности ссылкой на сложность исполнения или недостаточность бюджетного планирования².

Проанализированная судебная практика свидетельствует о формировании устойчивого круга обстоятельств, подлежащих обязательному исследованию по делам о привлечении к ответственности по ст. 17.15 КоАП РФ. При этом выявленная проблема отсутствия в административно – процессуальном-законодательстве даже примерного перечня доказательств, подлежащих обязательному исследованию, создает риск произвольного сокращения круга обстоятельств, имеющих значение для установления вины. В результате одни и те же фактические ситуации могут оцениваться судами по-разному, что негативно сказывается на единообразии правоприменения и предсказуемости административной ответственности.

На основе анализа материалов дел и научной литературы предложена концепция дифференциации моделей неисполнения требований неимущественного характера. Первая модель – виновное организационное неисполнение, при котором у должника имелись как бюджетные ресурсы, так и организационные возможности для исполнения судебного акта, однако необходимые действия не были предприняты. Вторая модель – смешанное неисполнение, сочетающее объективную бюджетную недостаточность с дефектами управленческого поведения и процессуальной пассивностью. Третья модель – объективно обусловленное неисполнение, при котором выполнение обязанности в установленный срок было невозможно даже при добросовестном и активном поведении должника, что подтверждается документально и связано с объективными бюджетными и процедурными ограничениями.

Обобщение указанных подходов позволяет прийти к выводу и сформулировать научную дефиницию понятия «объективная бюджетная невозможность исполнения», под которой предлагается понимать документально подтвержденное отсутствие у обязанного публичного субъекта финансовых средств, необходимых для исполнения требования неимущественного характера, возникшее не вследствие собственного бездействия, ненадлежащего бюджетного планирования либо нарушения порядка межведомственного взаимодействия, а вследствие обстоятельств, не зависящих от воли и добросовестных усилий данного субъекта, при условии совершения последним всех доступных ему действий, направленных на получение необходимого финансирования и исполнение требования в пределах текущего бюджетного периода либо посредством предусмотренных законом механизмов бюджетной корректировки.

Данная дефиниция отличается научной новизной, поскольку впервые выделяет объективную бюджетную невозможность исполнения в качестве самостоятельного правового явления, не сводимого ни к отсутствию вины в традиционном понимании, ни к формальному указанию на дефицит бюджета, а требующего доказывания совокупности объективных и субъективных критериев.

Научная дискуссия

Прежде всего поддерживаем точку зрения А.Б. Агапова, который обратил внимание, что сфера публичного управления включает государственное и муниципальное управление³.

Вопрос о соотношении вины и объективной невозможности исполнения в административном праве длительное время остается предметом научной дискуссии. Б.В. Россинский, разрабатывая теорию административной ответственности, указывал на необходимость разграничения объективных

¹ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2026 г. № 16-1914/2026 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 марта 2026 г. № 16-2444/2026 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Агапов А.Б. Субъекты административного права: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. 268 с.

и субъективных оснований освобождения от ответственности, отмечая, что подмена данных категорий приводит к неопределенности правоприменительной практики¹.

Между тем применительно к рассматриваемой теме представляется возможным сделать вывод, что специфика публично-правового субъекта как участника бюджетных правоотношений не всегда позволяет учесть степень добросовестности его бюджетного поведения. В этой связи предлагается рассматривать объективную бюджетную невозможность исполнения как самостоятельное обстоятельство, исключающее производство по делу, находящееся в системной связи с институтом вины, но не тождественное ему.

Данная позиция согласуется с выводом Конституционного Суда Российской Федерации, изложенным в вышеуказанном Постановлении № 10-П о том, что конституционно-правовой смысл ч. 4 и 5 ст. 24.5 КоАП РФ исключает подход, при котором невозможность исполнения подменяется обычными административными трудностями, ведомственной несогласованностью либо длительным бездействием должника².

Вместе с тем следует отметить, что ни Конституционный Суд Российской Федерации, ни законодатель не установили закрытого перечня доказательств добросовестного бюджетного поведения, что оставляет судам значительную степень дискреционных полномочий и способствует сохранению неопределенности правоприменения. Данная проблема тесно связана с более общим вопросом привлечения к административной ответственности о пределах судебной оценки, поднятой О.Е. Шишкиной при анализе правоотношений в деятельности органов местного самоуправления [10, с. 45].

Смежным аспектом обсуждаемой проблематики выступает вопрос о финансовой ответственности публично-правовых образований за неисполнение условий межбюджетных соглашений, который освещается в современной научной литературе. В частности, отмечается, что несоблюдение публично-правовым образованием условий предоставления межбюджетных субсидий образует самостоятельный состав финансово-правового нарушения, тесно связанный с бюджетной дисциплиной и подлежащий отграничению от административной ответственности по ст. 17.15 КоАП РФ [1, с. 390].

При этом ряд исследователей справедливо указывают на то, что меры финансовой ответственности за нарушение различных условий должны рассматриваться как элементы бюджетной дисциплины и не подменять собой институт административной ответственности [3, с. 25].

В то же время, на наш взгляд, разграничение административной и финансово-правовой ответственности публичных субъектов имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяния: если административная ответственность по ст. 17.15 КоАП РФ направлена на обеспечение исполнения конкретного судебного акта в интересах взыскателя, то финансово-правовая ответственность преследует цель поддержания бюджетной дисциплины в системе межбюджетных отношений и не может подменять собой институт объективной бюджетной невозможности исполнения.

Отдельного научного обсуждения заслуживает вопрос о пределах судебного контроля за бюджетной деятельностью публичных субъектов [7, с. 288]. Признание судом объективной невозможности исполнения фактически предполагает оценку обоснованности и своевременности действий публичного субъекта по формированию и исполнению бюджета, что сближает производство по делам об административных правонарушениях с элементами бюджетного контроля.

Данный подход соответствует и позиции В.В. Деминой, обосновывающей необходимость применения нетрадиционных принципов исполнительного производства для устранения пробелов правового регулирования, в том числе связанных с оценкой объективных препятствий к исполнению требований неимущественного характера [4, с. 57].

М.И. Цапко справедливо отмечает, что расширение предмета доказывания по делам об административных правонарушениях за счет бюджетно-правовых обстоятельств требует особой процессуальной регламентации [9, с. 15].

¹ Россинский Б.В. Административная ответственность: учеб. пособие / отв. ред. Б.В. Россинский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 248 с.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2026 г. № 10-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Однако подобное сближение допустимо лишь в пределах, необходимых для установления причинно-следственной связи между недостаточностью финансирования и неисполнением конкретного требования, и не должно превращаться в ревизию бюджетной политики публичного органа в целом, на что также обращает внимание Н.Н. Молчанов применительно к пределам административной юрисдикции [8, с. 59].

На основании проведенного исследования предлагается:

1) дополнить ст. 24.5 КоАП РФ частью 6, закрепляющей открытый перечень документов, подтверждающих объективную бюджетную невозможность исполнения требования неимущественного характера: бюджетные заявки, предложения к проекту бюджета, обращения о внесении изменений в сводную бюджетную роспись, решения финансового органа, сведения об иных исполнительных производствах в отношении данного публичного субъекта;

2) установить в законодательстве об исполнительном производстве дифференцированные сроки исполнения требований неимущественного характера, связанных со строительством, приобретением жилья, разработкой проектной документации либо проведением обязательных экспертиз, соотносимые с объективно необходимым временем бюджетных и организационных процедур, что согласуется с выводами В.П. Кудрявцева о необходимости дифференциации административно-процессуальных сроков в зависимости от сложности административного производства [6, с. 50];

3) закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации единые критерии оценки причинно-следственной связи между недостатком бюджетного финансирования и неисполнением судебного акта в целях исключения различий в судебной практике.

Проведенное исследование показало, что современная практика привлечения органов власти и их должностных лиц к административной ответственности за неисполнение содержащихся в исполнительных документах требований неимущественного характера переживает этап перехода от формальной к доказательственной модели правоприменения. В центре внимания правоприменителя оказываются не только факт просрочки исполнения, но и характер публичного полномочия, источники и объемы бюджетного финансирования, последовательность действий, предпринятых для реализации судебного акта, а также степень влияния конкретных должностных лиц на организацию исполнения.

Список использованной литературы:

1. Башуров В.Б. Финансовая ответственность публично-правовых образований при невыполнении ими условий соглашений о предоставлении межбюджетных субсидий. *Сибирское юридическое обозрение*. 2025;(3(22)):388–402. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-3-388-402.
2. Гальперин М.Л. Значение вины должника в исполнительном производстве: проблемы теории и судебного правоприменения. *Администратор суда*. 2018;(3):22–27.
3. Григоренко П.А., Зиганшина К.И. Об исключении возможности привлечения к административной ответственности органов власти. *Актуальные исследования*. 2026;(9-2(295)):23–26.
4. Демина В.В. Принципы исполнительного производства и их практическое применение при пробелах в регулировании исполнительных правоотношений. *Юридический аналитический журнал*. 2022;(2(17)):51–75. DOI: 10.18287/1810-4088-2022-17-2-51-75.
5. Дугенец А.С., Канунникова Н.Г. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности в Российской Федерации. *Административное право и процесс*. 2023;(4):27–29. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-4-27-29.
6. Кудрявцева В.П. Отдельные проблемы предоставления срока на добровольное исполнение в

References:

1. Bashurov V.B. [Financial liability of public-legal entities when they fail to comply with the terms of agreements on the provision of interbudgetary subsidies]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2025;(3(22)):388–402. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-3-388-402. (In Russ.).
2. Galperin M.L. [The Significance of the Debtor's Fault in Enforcement Proceedings: Problems of Theory and Judicial Law Enforcement]. *Administrator suda = Court Administrator*. 2018;(3):22–27. (In Russ.).
3. Grigorenko P.A., Ziganshina K.I. [On the exclusion of the possibility of holding government bodies administratively liable]. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*. 2026;(9-2(295)):23–26. (In Russ.).
4. Demina V.V. [Principles of enforcement proceedings and their practical application in the event of gaps in the regulation of enforcement legal relations]. *YUridicheskij analiticheskij zhurnal = Legal Analytical Journal*. 2022;(2(17)):51–75. DOI: 10.18287/1810-4088-2022-17-2-51-75. (In Russ.).
5. Dugenets A.S., Kanunnikova N.G. [Current issues of bringing to administrative liability in the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure*. 2023;(4):27–29. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-4-27-29. (In Russ.).
6. Kudryavtseva V.P. [Certain Problems Related to Granting a Deadline for Voluntary Compliance in

исполнительном производстве при реализации требований неимущественного характера. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2013;(3):46–51.

7. Лупарев Е.Б. Административно-судебный контроль в сфере охраны здоровья. *Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 07–08 июня 2019 г.)*. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; 2019.

8. Молчанов Н.Н. Анализ правоприменительной практики по ст. 17.15 КОАП РФ. *Научный Лидер*. 2024;(25(175)):57–62.

9. Цапко М.И. К вопросу об административной ответственности органов публичной власти. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016;(9):13–16.

10. Шишкина О.Е. Административная ответственность органов местного самоуправления: проблемы эффективности. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2026;(1):43–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевченко Орест Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Enforcement Proceedings When Implementing Non-Property Claims]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitration and Civil Procedure*. 2013;(3):46–51. (In Russ.).

7. Luparev E.B. [Administrative and Judicial Control in the Field of Health Protection]. *Aktual'nye voprosy kontrolya i nadzora v social'no znachimyh sferah deyatel'nosti obshchestva i gosudarstva: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Current issues of control and supervision in socially significant areas of society and state activity: materials of the V All-Russian scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, June 7–8, 2019)*. N. Novgorod: Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; 2019. (In Russ.).

8. Molchanov N.N. [Analysis of law enforcement practice under Article 17.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation]. *Nauchnyj Lider = Scientific Leader*. 2024;(25(175)):57–62. (In Russ.).

9. Tsapko M.I. [On the issue of administrative liability of public authorities]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2016;(9):13–16.

10. Shishkina O.E. [Administrative liability of local self-government bodies: problems of effectiveness]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasus Legal Bulletin*. 2026;(1):43–51. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Orest A. Shevchenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the FGAOU VO "Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОТ ПОТЕСТАРНЫХ ФОРМ К СОВРЕМЕННЫМ МЕХАНИЗМАМ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ

Ширяева Т.Ю.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(Азовская ул., д. 2, корп.1, г. Москва, Россия, 117638)

Ссылка для цитирования: Ширяева Т.Ю. Эволюция института публичной власти и государственного принуждения от потестарных форм к современным механизмам цифрового контроля. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ширяева Татьяна Юрьевна, аспирант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», прокурор отдела по рассмотрению обращений и приему граждан прокуратуры Краснодарского края

Адрес: Азовская ул., д. 2, корп.1, г. Москва, Россия, 117638

Тел.: +7 (495) 621-00-95

E-mail: shiryaeva03@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2026

Статья принята к печати: 25.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: *Актуальность* темы исследования продиктована эволюцией механизмов государственного принуждения в условиях современной информационно-цифровой среды. Принуждение перестает носить сугубо силовой характер, постепенно снижается его репрессивно-карательное значение. Возникновение новых видов цифрового принуждения (биометрический контроль, транзакционное вето и иные) требует пересмотра правовой природы и содержания данного явления. Существующие теоретические концепции не в полной мере раскрывают данный процесс.

Целью работы является системный историко-теоретический анализ процесса эволюции государственного принуждения, выявление факторов и условий, ему способствовавших, а также определение правовых границ применения принудительных мер в эпоху цифровизации.

Научная новизна заключается в обосновании комплексного подхода к пониманию правового принуждения в эпоху цифровизации с позиции «антропоцентризма». В работе доказывается, что цифровые технологии, включая автоматизированные системы управления, следует расценивать исключительно как вспомогательный инструмент, используемый в строго ограниченных нормах права предела, а не как самодостаточный источник властного воздействия.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, историко-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы. Кроме того, проведен ретроспективный анализ этапов становления института принуждения, в том числе с описанием практики применения современных цифровых платформ (на примере механизма Центрального банка Российской Федерации «Знай своего клиента»).

Теоретические *выводы* работы могут быть использованы для дальнейшего развития доктрины публичного права, *практическая значимость* заключается в возможности применения сформулированных положений при формировании законодательных подходов к регламентации цифровых форм государственного принуждения.

Ключевые слова: государственное правовое принуждение, догосударственная власть, публичная власть, генезис власти, цифровой контроль, алгоритмизированное управление, легитимность, антропоцентризм.

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PUBLIC POWER AND STATE COERCION FROM POTESTARY FORMS TO MODERN MECHANISMS OF DIGITAL CONTROL

Tatyana Yu. Shiryayeva

FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
(Azovskaya str., 2, bldg. 1, Moscow, Russia, 117638)

Link for citation: Shiryayeva T.Yu. The evolution of the institution of public power and state coercion from potestary forms to modern mechanisms of digital control. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-51-58>

CONTACT INFORMATION:

Tatyana Yu. Shiryayeva, Postgraduate Student of the FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Prosecutor of the Department for Consideration of Appeals and Reception of Citizens of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory

Address: Azovskaya str., 2, bldg. 1, Moscow, Russia, 117638

Tel.: +7 (495) 621-00-95

E-mail: shiryayeva03@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.07.2026

The article has been accepted for publication: 25.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *relevance* of the research topic deals with the evolution of mechanisms of state compulsion in the terms of the modern information and digital space. State compulsion is not just a tool of force, its repressive significance is decreasing, but its understanding is becoming more legal and legitimate way of regulating social relations. There are new forms of digital compulsion (biometric control, transactional veto, etc.) and they require a reinterpretation of the legal nature and sense of the phenomenon. The present theoretical and legal models do not fully disclose this process.

The *purpose* of the article is to conduct a complex historical and theoretical analysis of the process of state compulsion evolution, to identify the factors and conditions of its transformation from a potestary form of power to modern digital algorithmic mechanisms, and to determine the legal boundaries for applying compulsion measures in the era of digitalization.

The *scientific novelty* is connected with an integrative way of understanding state power in the era of digitalization from the perspective of anthropocentrism. The article proves that digital technologies, including algorithmic management, should be considered as a secondary tool based on the law, and not as an independent source of power.

The *methodological basis* of the research consists of dialectical, historical-legal, formal-legal, and systemic-structural methods. In addition, a retrospective analysis of the stages of formation of the institution of coercion was carried out, including a description of the practice of applying modern digital platforms (using the example of the «Know Your Client» mechanism of the Central Bank of the Russian Federation).

The *theoretical conclusions* of the work can be used for the further development of the doctrine of public law; the *practical significance* lies in the possibility of applying the formulated provisions in the formation of legislative approaches to the regulation of digital forms of state coercion.

Keywords: state law compulsion, potestary form power, public power, evolution of power, digital control, algorithmic management, legitimacy, anthropocentrism.

Введение

Необходимость исследования процесса, факторов и условий трансформации власти, эволюции института государственного принуждения имеет фундаментальное значение, обусловленное как теоретическими, так и практическими причинами, так как понимание генезиса данного феномена диктуется условиями смены парадигм – от отождествления принуждения преимущественно с «орудием подавления и навязывания воли» к пониманию данного феномена как легального и легитимного правового инструмента в рамках правозащитной концепции государства.

Как справедливо отмечает Л.С. Чернова, современные концепции принуждения в теории права требуют постоянного переосмысления в условиях меняющейся социальной реальности [11, с. 28–29], а Н.В. Макарейко подчеркивает, что любая мера государственного принуждения должна оставаться строго соразмерной, легитимной и не выходить за рамки правового поля [7, с. 350–351].

Прослеживание исторического пути развития явлений способствует выработке критериев и условий необходимого баланса между допустимым принуждением как обязательным элементом публичной власти и избыточным принуждением, разрушающим авторитет последней.

Условия современной цифровой трансформации, детерминирующей появление новых форм принуждения (цифровая сегрегация финансовых активов, транзакционное вето, биометрический контроль, геномная регистрация и другие) обуславливают новый подход к осмыслению природы этих мер и выработки правовых гарантий, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан в условиях цифровизации государственного принуждения. Это определяет цель настоящего исследования – проведение системного историко-теоретического анализа эволюции государственного принуждения и определение правовых границ его применения в эпоху цифровизации с позиции «антропоцентризма».

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический, историко-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы, а также метод ретроспективного анализа.

Результаты исследования

Проведенный анализ эволюции института публичной власти и государственного принуждения позволяет сделать вывод о том, что процесс перехода от потестарной власти к государственной носил кумулятивный характер, где по мере укрепления государственности устанавливалась монополия на применение мер правового принуждения, а в процессе становления правового государства насилие трансформировалось в систему формально определенных юридических санкций; на современном технологическом этапе такое принуждение дополняется новыми видами санкций, осуществляемыми исключительно в цифровой среде и приобретающими все больший превентивный характер, что требует выработки новых правовых механизмов защиты прав человека, основанных на принципах справедливости, юридической определенности и «антропоцентризма», не допуская перерастания алгоритмического контроля в цифровой тоталитаризм.

Исследование историко-теоретического фундамента данного явления крайне необходимо, в том числе для понимания правовой природы вновь возникающих форм принуждения, а также прогнозирования дальнейшего пути их развития.

Теоретико-правовой анализ причин и условий трансформации власти из догосударственной в политическую и определение места государственного принуждения в этом процессе способствует выработке интегративного подхода к пониманию принуждения.

Научная дискуссия

Процесс эволюции мер принуждения происходил поэтапно. Он был обусловлен совокупным результатом системного воздействия ряда факторов. В юридической науке справедливо подчеркивается, что «строительный материал» регулятивной культуры накапливался постепенно¹. Одними из основных факторов, оказывающих влияние на данный процесс, являлись экономические предпосылки (неолитическая революция, возникновение излишков, институционализация частной собственности).

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 52.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что «накопление богатств происходило прежде всего в семьях родоплеменных главарей и вождей. Именно они были хранителями и распорядителями тех ценностей, которые первоначально принадлежали еще всей общине»¹.

Жан-Жак Руссо возникновение неравенства связывал с появлением частной собственности, так как когда один начал запасать пищу в количестве, необходимом для двоих, появились излишки, равенство и независимость исчезли. Это «цивилизовало людей и погубило человеческий род»². Из свободного человек становился подвластным. Богатые, боясь возможных издержек, причиненных их имуществу войной с другими членами общества, предложили объединиться в одну высшую силу, которой будут подчиняться и слабые, и могущественные. Такой высшей силой стала власть. Это «наложило новые путы на слабого и придало новые силы богатому».

Томас Гоббс рассматривал власть как «инструментальное могущество»³, то есть не естественное, данное природой, например, как внешние данные, врожденные умственные способности, а полученное в результате использования природных могуществ и при наличии определенных обстоятельств (в том числе случая, удачи и т.д.). Максимально возможное могущество слагалось из мнения большого количества членов общества, консолидированного договором, и перенесенного на одного субъекта – носителя власти. Феномен государственного принуждения отождествлялся с фигурой суверена.

Помимо экономических, огромную роль в процессе перехода играли и такие факторы, как рост численности и плотности населения, необходимость ведения регулярных войн, потребность в сборе даней для содержания войск, исчерпание мононормами своей способности к регулированию общественных отношений.

Таким образом, переход от потестарной формы власти к государственной не мог породить ни один из вышеперечисленных факторов в отдельности. Политическая власть – продукт усложнения всех сфер жизнедеятельности, форма интеграции общества не кровными узами, а правовыми институтами и аппаратом государственного принуждения. Причем переход носил не линейный, а кумулятивный характер – изменение одного элемента неизбежно влекло трансформацию остальных.

С.А. Дробышевский справедливо указывал, что «власть потестарная» была слита с обществом, принуждение являлось «инструментом самосохранения коллектива» [3, с. 78] и проявлялось посредством архаичных форм: кровная месть, остракизм и иные; действовали неписанные мононормы как обычные регуляторы общественных отношений.

С процессом укрепления государственности устанавливается монополия на применение мер правового принуждения. Только государство, обладающее специальным механизмом (дружина, армия), вправе применять принудительные меры, которые в свою очередь являются неотъемлемым элементом осуществления государственной власти. Принуждение в этот период характеризуется жестокостью, карательностью, носит показательный характер, защищая статус правящего лидера и порядок управления.

Как показывает историко-правовой материал, «в процессе укрепления раннеклассового государства отчетливо проявилась функция права как орудия регулирования отношений в обществе, в котором укреплялась система социального неравноправия. Связь развивающихся социально-экономических отношений, активной деятельности государства как аппарата насилия господствующего класса с совершенствованием права несомненна» [9, с. 77].

Претерпевая дальнейшие изменения, государственное принуждение перестает быть произволом правителя, очерчиваясь жесткими рамками правовой регламентации, происходит разделение властей, насилие трансформируется в систему юридических санкций.

Представители классической либеральной доктрины проницательно отмечали: «где кончается закон, начинается тирания»⁴, связывая защиту от насилия с необходимостью действия правителя в строгих рамках закона.

¹ Першиц А.И., Монгайт А.П., Алексеев В.П. История первобытного общества: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. С. 182.

² Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Об общественном договоре: трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1998. С. 113–114.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 66.

⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 379.

В отечественной теории права, как указывает Е.Н. Козинникова, еще в конце XIX – начале XX вв. ученые – государствоведы детально исследовали сущность и пределы применения государственного принуждения, закладывая фундамент для его современного «обрамления» четкими правовыми границами [4, с. 23].

В.Е. Чиркин подчеркивал, что по мере развития цивилизации «уменьшается роль государственного принуждения, государство, его органы стремятся разрешать конфликты на базе компромиссов и консенсуса»¹.

С.С. Алексеев справедливо отмечал, что социальное регулирование приобретает «гуманитарные начала – обособление отдельного человека от «целого», обретение им качества автономной личности, самостоятельного индивида с социально обусловленной необходимостью обеспечения его свободы и отсюда создание и развитие общественных форм, направленных на обеспечение свободы и самостоятельности личности в экономике и общественно-политической жизни»².

В эпоху цифровизации наблюдается технологическая трансформация принуждения от физического воздействия к информационно-алгоритмическому контролю. Как отмечает Н.Н. Бурмистров, в условиях технологической революции происходит эволюция насилия: от классического физического принуждения общество переходит к латентным цифровым формам контроля [2, с. 107]. Е.В. Овчарова указывает на существенное влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения [8, с. 131–132], а А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев и А.Ю. Мордовцев характеризуют этот глобальный процесс как «цифровой транзит» публично-властных отношений, при котором меняется сама природа взаимодействия государства и личности [5, с. 114–115].

Наглядной иллюстрацией видоизменения классической административно-предупредительной меры в механизм цифрового принуждения является платформа «Знай своего клиента» Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России), функционирующая в соответствии с требованиями ст. 7.7 и 7.8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³. Так, на основе цифрового анализа баз данных информационная система Банка России, фактически осуществляя программно-аппаратную превенцию, совершает действия, направленные на прекращение правоспособности юридического лица, посредством предоставления в налоговый орган сведений об отнесении субъекта к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, являющихся основанием для исключения юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц.

Таким образом, традиционная административно-предупредительная мера (отказ в проведении операции в связи с подозрениями в легализации доходов, полученных преступным путем), ранее применявшаяся уполномоченным лицом по результатам проверки документов, замещена автоматизированной системой, осуществляющей алгоритмическую обработку баз данных и присваивающей каждому клиенту кредитной организации один из трех уровней риска (низкий, средний, высокий). В случае отнесения к высокому уровню риска субъект фактически ограничивается в проведении всех видов финансовых операций и претерпевает существенные негативные последствия. При этом строгая правовая определенность критериев отнесения субъекта к тому или иному уровню риска отсутствует, методика оценки основана на внутренних алгоритмах Банка России, которые в полной мере публично не оглашаются, что может привести к затруднению реализации права на судебную защиту.

Субъект, обладающий государственно-властными полномочиями, использует латентные автоматизированные методы регуляции (цифровые платформы, биометрия, система распознавания лиц), на смену физическому насилию приходит цифровое ограничение прав (блокировка счета, ограничение доступа к цифровому профилю).

¹ Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрист, 2000. С. 31.

² Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 45.

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

Представляется, что в настоящее время основной целью является сохранение принципа «антропоцентризма» и недопущение попраания алгоритмическим принуждением основных прав и свобод человека.

Современный технологический превентивный контроль требует новых правовых механизмов обеспечения справедливости и защиты прав личности. В условиях цифровизации важно не сводить власть к коду и алгоритмам, забывая о правовых границах и правах человека.

В современной юридической науке В.В. Антонченко справедливо подчеркивает, что легитимное принуждение и право выступают ресурсами государственного и социального прогресса, поэтому по мере становления правового государства право начинает служить инструментом защиты фундаментальных ценностей, основных прав и свобод граждан, а не средством подавления. В связи с этим особое внимание следует уделить вопросу разграничения легального принуждения и государственного насилия [1, с. 164–168]. При регулировании общественных отношений предлагается переместить фокус внимания с принуждения на убеждение [11, с. 28–29], что во многом соотносится с концепциями юридической науки советского периода о постепенном снижении роли принуждения по мере развития общества¹.

Представляется необходимым рассмотрение публичной власти в эпоху цифровизации сквозь призму «антропоцентризма» как легитимную систему публично-правового регулирования и алгоритмизированного управления, где цифровые технологии выступают лишь инструментом, а главным регулятором является право, обеспечивающее легитимность, социальную справедливость и защиту прав человека.

А.С. Линников рассматривает цифровой правовой контроль как новую категорию, требующую строгого правового регулирования [6, с. 291]. Алгоритмизированное управление должно базироваться на ценностях справедливости, признания основополагающих прав и свобод человека как высшего блага и реализовываться государством через цифровой контроль исключительно в жестких границах правового поля, ни в коем случае не допуская цифрового тоталитаризма. Алгоритмы и программный код должны строго подчиняться праву, которое первично. Легитимная цифровая власть должна базироваться на доверии граждан к институтам информационной среды (дистанционному электронному голосованию, электронно-цифровой подписи, системе биометрической идентификации, цифровому экологическому и транспортному мониторингу и другим).

О необходимости выработки дополнительных правовых гарантий, направленных на недопущение тотального цифрового контроля, обоснованно указывается и в новейшей юридической литературе. В частности, П.Е. Федоров справедливо отмечает, что при утрате государством монополии на применение мер принуждения в цифровом пространстве и делегировании контрольных функций частным платформам («приватизированная цензура») необходима разработка доктрины «цифрового конституционализма» [10, с. 1420–1424], предполагающей необходимость строгого соблюдения принципов соразмерности и справедливости при применении любых форм цифрового принуждения.

По справедливому заявлению В.Е. Чиркина, «в современных условиях сложного мира очень важно уметь соединить роль специалистов (технократию) и демократию (власть народа)»².

Указанное коррелирует с высказанным в исследовании положением о необходимости анализа правового принуждения в эпоху цифровизации с позиций «антропоцентризма» и недопущение «алгоритмического тоталитаризма».

Проведенный анализ эволюции института публичной власти и государственного принуждения от потестарных форм к современным механизмам цифрового контроля позволяет сделать следующие выводы.

Процесс перехода от потестарной власти к государственной носил кумулятивный характер, где экономические, политические, демографические, военные и иные факторы действовали в тесной взаимосвязи. По мере укрепления государственности устанавливается монополия на применение мер правового принуждения посредством специального аппарата (дружины, армии), наблюдается ужесточение карательной политики. В процессе становления правового государства государственное

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / отв. ред. Г.Н. Манов. М.: Юридическая литература, 1970. С. 515; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1963. С. 57.

² Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 31.

принуждение приобретает характер формально определенных юридических санкций, регламентированных нормами материального и процессуального права. На современном технологическом этапе развития государственности такое принуждение дополняется новыми видами санкций, осуществляемыми исключительно в цифровой среде (блокировка и удаление контента), приобретает все больший превентивный характер, основанный на прогнозных алгоритмах, модернизируются формы его осуществления (ограничения вводятся автоматизированными системами без непосредственного участия человека, например, автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения).

Таким образом, государственное принуждение, сохранив свою сущностную природу как обязательный элемент поддержания состоятельности публичной власти, в условиях цифровой трансформации претерпевает глубокие качественные изменения в инструментальном и процессуальном аспектах. Переход от физического воздействия к латентному цифровому контролю требует выработки новых правовых механизмов защиты прав человека. Перспективы развития данного института должны определяться не технологическими возможностями, а правовыми ценностями, среди которых приоритетное место занимают справедливость и юридическая определенность. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку конкретных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между публичными интересами и правами личности в эпоху развития информационных технологий, не допуская перерастания контроля в цифровой тоталитаризм.

Список использованной литературы:

1. Антонченко В.В. Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса. *Сибирское юридическое обозрение*. 2025;(2(22)):158–172.
2. Бурмистров Н.Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля. *Гуманитарий Юга России*. 2025;(1(14)):101–108.
3. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск: издательство Красноярского университета; 1995.
4. Козинникова Е.Н. Отечественное государствоведение конца XIX в. о сущности государственного принуждения и пределах его применения. *Искусство правоведения. The art of law*. 2023;(4(8)):23–28.
5. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022;(1(24)):109–134.
6. Линников А.С. Цифровой правовой контроль как новая цивилистическая категория. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024;(2(64)):289–310.
7. Макарейко Н.В. Некоторые доктринальные проблемы государственного принуждения. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024;(2(66)):347–351.
8. Овчарова Е.В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования). *Правовая*

References:

1. Antonchenko V.V. [Legitimate coercion and law as resources of state and social progress]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2025;(2(22)):158–172. (In Russ.)]
2. Burmistrov N.N. [The evolution of violence in the era of technological revolution: from physical coercion to digital forms of control]. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025;(1(14)):101–108. (In Russ.)]
3. Drobyshevskiy S.A. [Political organization of society and law as phenomena of social evolution]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta; 1995. (In Russ.)]
4. Kozinnikova E.N. [Russian state studies of the late 19th century on the essence of state coercion and the limits of its application]. *Iskusstvo pravovedeniya = The Art of Law*. 2023;(4(8)):23–28. (In Russ.)]
5. Kochetkov A.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. ["Digital transit" of public power relations: general and elite characteristics]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2022;(1(24)):109–134. (In Russ.)]
6. Linnikov A.S. [Digital legal control as a new civil law category]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;(2(64)):289–310. (In Russ.)]
7. Makareyko N.V. [Some doctrinal problems of state coercion]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2(66)):347–351. (In Russ.)]
8. Ovcharova E.V. [The impact of the digital transformation of public administration on the application of administrative coercion measures and on the development of the institution of administrative liability (on the example of tax administration)]. *Pravovaya*

политика и правовая жизнь. 2022;(2):129–136.

9. Сverdlov M.B. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература; 1988.

10. Федоров П.Е. Трансформация принципа свободы в цифровом пространстве – от открытого интернета к режимам цифрового суверенитета: публично-правовое измерение. *Baikal Research Journal*. 2025;(4(16)):1413–1428.

11. Чернова Л.С. Современные концепции принуждения в теории права. *Право и управление. XXI век*. 2023;(1(19)):23–30.

politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life. 2022;(2):129–136. (In Russ.)]

9. Sverdlov M.B. [From the Russian Law to the Russkaya Pravda]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1988. (In Russ.)]

10. Fedorov P.E. [Transformation of the principle of freedom in the digital space – from the open Internet to regimes of digital sovereignty: a public law dimension]. *Baikal Research Journal*. 2025;(4(16)):1413–1428. (In Russ.)]

11. Chernova L.S. [Modern concepts of coercion in the theory of law]. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Administration. XXI Century*. 2023;(1(19)):23–30. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ширяева Татьяна Юрьевна

аспирант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», прокурор отдела по рассмотрению обращений и приему граждан прокуратуры Краснодарского края

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Yu. Shiryaeva

Postgraduate Student of the FGKOU VO "The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Prosecutor of the Department for Consideration of Appeals and Reception of Citizens of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-59-65>

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Дерюгина Т.В.

ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
(Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117437)

Ссылка для цитирования: Дерюгина Т.В. Цифровые права и цифровая валюта как объекты гражданских прав. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):59–65.
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-59-65>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Адрес: Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117437

Тел.: + 7 (960) 871-22-84

E-mail: sofija96@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.07.2026

Статья принята к печати: 28.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Целью настоящего исследования является решение проблем, связанных с характеристикой цифровых прав и цифровой валюты, как объектов, входящих в одну классификационную группу цифровых объектов, а также определение вида имущественного права, образующего их содержание.

Для достижения поставленной цели решаются *задачи*, связанные с выделением признаков цифровой валюты и цифрового права как объектов гражданских прав; определением имущественных прав и их природы (абсолютной и/или относительной), лежащих в основе данных объектов; сравнением со сходными правовыми категориями.

Полученные выводы опираются на всеобщие, общенаучные и конкретно-научные *методы познания*, в частности, системный подход, методы анализа и синтеза, абстрагирования, сравнительно-правовой.

Результаты: на основании проведенного анализа научной литературы, законодательства выявлены противоречия правового регулирования отношений, возникающих относительно цифровых прав и цифровой валюты; исследованы признаки цифровых объектов; установлены виды имущественных прав, которые могут составить содержание цифрового объекта, обоснована их абсолютно-относительная природа; проведено сравнение с бездокументарными ценными бумагами.

Выводы: проведенный анализ позволил говорить о двух видах объектов, оборот которых осуществляется в цифровой среде – квазиобъектах и собственно цифровых объектах, а также провести их разграничение; сформулировать конституирующие признаки цифровой валюты и цифровых прав; выявить содержание и определить виды имущественных прав, образующих цифровые права, определить их правовую природу; обосновать тезис о том, что содержанием цифровой валюты выступают имущественные права, имеющие абсолютно-относительную природу; провести различие со сходными правовыми категориями (бездокументарными ценными бумагами).

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровое право, объект гражданских прав, абсолютные права, относительные права, бездокументарная ценная бумага, имущественное право, право обладания, информационная система, цифровой объект.

DIGITAL RIGHTS AND DIGITAL CURRENCY AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Tatyana V. Deryugina

FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot" (Akademika Volgina str., 12, Moscow, Russia, 117997)

Link for citation: Deryugina T.V. Digital rights and digital currency as objects of civil rights. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):59–65. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-59-65>

CONTACT INFORMATION:

Tatyana V. Deryugina, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Labour Law and Civil Procedure of the FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"

Address: Akademika Volgina str., 12, Moscow, Russia, 117997

Tel.: + 7 (960) 871-22-84

E-mail: sofija96@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.07.2026

The article has been accepted for publication: 28.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *aim* of this study is to address the problems related to the characterization of digital rights and digital currency as objects belonging to a single classification group of digital objects, as well as to determine the type of property right that constitutes their content.

To achieve this goal, the following *tasks* are addressed: identifying the characteristics of digital currency and digital rights as objects of civil law; determining the property rights and their nature (absolute and/or relative) that underlie these objects; and comparing them with similar legal categories.

The conclusions drawn are based on universal, general scientific, and specific scientific *methods* of cognition, in particular, a systematic approach, methods of analysis and synthesis, abstraction, and comparative legal methods.

Results: based on the analysis of scientific literature and legislation, contradictions in the legal regulation of relations arising in relation to digital rights and digital currency have been identified; the characteristics of digital objects have been studied; the types of property rights that may constitute the content of a digital object have been established, and their absolute-relative nature has been substantiated; a comparison has been made with non-documentary securities.

Conclusions: the analysis made it possible to identify two types of objects whose circulation takes place in the digital environment – quasi-objects and own digital objects – and to distinguish between them; to formulate the constitutive features of digital currency and digital rights; to identify the content and determine the types of property rights that constitute digital rights, and to define their legal nature; to substantiate the thesis that the content of digital currency consists of property rights that have an absolute-relative nature; and to distinguish between similar legal categories (non-documentary securities).

Keywords: digital currency, digital right, object of civil rights, absolute rights, relative rights, non-documentary security, property right, right of possession, information system, digital object.

Введение

Развитие цифровых технологий предопределило не только возникновение новых средств взаимодействия субъектов гражданских правоотношений, но и послужило основой для создания

новых объектов гражданских прав, что в свою очередь породило необходимость совершенствования правового регулирования.

Появление новых объектов гражданских прав, таких как цифровой рубль, цифровая валюта, цифровые права и прочие, требует их доктринальной оценки не только с позиции наделения признаками объекта, но и с позиции установления их правовой природы, что позволит в дальнейшем сформировать правовой режим.

При этом следует отметить, что природа указанных объектов не тождественна и несводима к единому правовому режиму. Можно, как минимум говорить о двух разнородных группах цифровых объектов, различающихся по признаку формы и содержания. Более того, существует проблема соотносимости новых объектов с теми, которые уже существуют и давно нашли свое место в системе объектов гражданских прав.

Наконец, немаловажную проблему образует отсутствие терминологической определенности. И здесь речь идет не только об использовании законодателем разных терминов, порой противоречивых к одним и тем же, либо тождественным правовым явлениям, но и о возможности использования сложившейся терминологии относительно цифровых объектов (права собственности, имущественного или вещного права, и проч.). Все эти вопросы требуют их отдельного доктринального изучения.

Методы исследования

В целях получения нового знания использовались всеобщие, общенаучные и конкретно-научные методы познания. Системный подход позволил рассмотреть цифровые права и цифровую валюту в качестве единой группы цифровых объектов. Использование методов анализа и синтеза способствовало рассмотрению отдельных признаков указанных объектов и объектов в целом. Метод абстрагирования позволил выделить новые свойства и закономерности, а сравнительно-правовой – сопоставить однородные юридические явления.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило выявить признаки цифровых прав и цифровой валюты как разновидности цифровых объектов, а также доказать несостоятельность законодательной позиции о природе права, составляющего содержание указанных объектов.

Ключевыми признаками цифровой валюты и цифровых прав следует считать: 1) придание правовой природы цифрового объекта (поименованность в законе в качестве таких объектов); 2) создание и возможность гражданского оборота только в информационной системе; 3) особые характеристики внешней формы выражения; 4) закрытый перечень таких объектов и их разновидностей.

Анализ доктрины и действующего законодательства позволил обосновать идею о том, что содержанием цифровой валюты выступают имущественные права. Тем самым разрешается вопрос о ценностной характеристике цифровой валюты как объекта гражданских прав. Такой подход сближает дефиниции цифровой валюты и цифровых прав, позволяя придать им сходный правовой режим, объединив в единую группу цифровых объектов.

Исследование действующего законодательства позволяет опровергнуть утверждение законодателя о наличии в содержании цифрового права только лишь обязательственных и иных относительных прав. В случае цифрового права, как и в случае цифровой валюты, следует вести речь о совокупности имущественных прав, обладающих разной правовой природой – абсолютных (право обладания) и относительных (обязательственные и иные права). В этом смысле цифровые объекты повторяют традиционную конструкцию ценной бумаги, где мы имеем «право на бумагу» и «право из бумаги».

Научная дискуссия

В настоящее время в доктрине цифровые права, цифровая валюта, электронные денежные средства, цифровой рубль и проч. подобные объекты объединены в единую группу. Как правило, в качестве названия указанной группы используются категория «цифровые активы» [4, с. 25; 5, с. 43; 6, с. 49; 7, с. 13], либо – цифровые объекты [8, с. 31]. Не вдаваясь в полемику о том, какой термин более точно отражает существо данной группы, так как этот вопрос не является предметом настоящего исследования, в дальнейшем будем называть ее цифровыми объектами, объединяющими, наряду с другими, цифровую валюту и цифровые права.

На данный момент можно говорить о двух группах объектов, оборот которых осуществляется в цифровой среде. Первая группа – это объекты, которые существуют в реальном мире, гражданский оборот которых в цифровой среде потребовал создания их цифрового аналога. В этом смысле это не

совсем цифровые объекты, а, скорее, цифровая форма выражения объекта. Здесь и далее будем именовать такие объекты квазиобъектами. Но есть и другая группа – они не имеют аналогов в физическом мире, создаются и обращаются исключительно в цифровой среде, речь идет о собственно цифровых объектах.

Цифровые права и цифровая валюта по своей юридической природе относятся к группе собственно цифровых объектов, жизненный цикл которых (от создания, обращения до прекращения существования) происходит в рамках информационных систем. Указанные объекты не имеют материальных аналогов в традиционном мире и представляют собой исключительно цифровой продукт. Специфика таких объектов заключается в том, что их свойства, наряду с законодателем, определяются самой цифровой средой (информационной системой).

Иногда такие объекты могут иметь в своем содержании имущественные права, характеризующие не только цифровой объект, но и некоторые объекты в материальном мире. Например, право требования может удостоверяться документарной ценной бумагой и утилитарным цифровым правом (п. 18 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровой валюте и цифровых правах» (далее – ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах)¹). В этом случае различия проводятся только по признаку создания в информационной системе с закреплением соответствующей правовой природы.

Таким образом, среди ключевых признаков цифрового объекта законодатель называет: поименованность – причисление в законе к цифровым правам и др. (на обязательность данного признака указывает и закрепленный в законе *numerus clause* – закрытый перечень таких объектов). Именно этот признак наводит на мысль о том, что цифровой объект может иметь сходство с другими объектами гражданских прав как это сейчас и происходит (например, с ценными бумагами, денежными средствами), наделяться их функциями, но, если в законе, он поименован, к примеру, как цифровое право, то будет считаться цифровым правом, даже если, как это происходит с ценными бумагами, практически не будет от них отличаться. Вторым важнейшим признаком является создание в информационной системе и возможность его гражданского оборота только в информационной системе.

В отличие от объектов материального мира, характеризующихся физическими параметрами (вес, объем, площадь и проч.), указанные объекты выражаются при помощи бинарной системы, а их характеристики могут быть описаны при помощи байтов (размер), имени и расширения, типа (системный, архивный и проч.), даты и времени (момент создания, редактирования и проч.). На этот признак законодатель не указывает, но это вытекает из самой природы цифрового объекта как продукта бинарной системы.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) причисляет к объектам гражданских прав только цифровые права (ст. 128 ГК РФ), что, впрочем, не препятствует рассмотрению в их качестве и других объектов материального и нематериального мира. Важным здесь является не нахождение в перечне, а обладание свойствами объекта гражданских прав.

Каждый объект гражданских прав становится таковым в силу того, что, в том числе, формирует интерес со стороны субъекта [9, с. 82].

Представление о том, какой интерес для субъекта заложен в цифровом праве можно получить из анализа ст. 141.1 ГК РФ, где в качестве их содержания названы обязательственные и иные права (впрочем, относительно последнего в научной литературе существует активная дискуссия о том, что относить к их числу) [2, с. 38]. Аналогичный подход изложен в ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах.

Объектом субъективного интереса, исходя из содержания утилитарного цифрового права, могут быть права требования на передачу вещей; исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; выполнения работ и оказания услуг (п. 18 ч. 1 ст. 2 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах). Для цифрового финансового актива объектами интереса выступают денежные требования; права участия (цифровые акции); возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и право требовать их передачи (п. 15 ч. 1 ст. 2 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах), а для долгового цифрового финансового актива только денежные требования (п. 16 ч. 1 ст. 2 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах).

---

¹ О цифровой валюте и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 г. № 282-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2026. № 32. Ст. 4479.

Сложнее дело обстоит с цифровой валютой. Дефиниция, предложенная ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах, в отличие от ранее закрепленного в ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ более соответствует той правовой сущности цифровой валюты, которая сложилась в настоящее время на практике. В новом законе цифровая валюта отнесена к имуществу, представляющему совокупность электронных данных. Из позитивных аспектов следует выделить классификацию цифровой валюты как имущества, что позволит использовать хорошо проработанный правовой режим имущества при правовом регулировании отношений с цифровой валютой. Из минусов, стоит обратить внимание на то, что это скорее имущественное право (о чем мы скажем ниже). Определение же имущества как совокупности электронных данных не соответствует ни существующему ныне законодательному определению имущества (совокупность данных – это скорее информация, чем имущество), ни доктринальным подходам [9, с. 82].

Согласно легальной дефиниции цифровая валюта может приниматься в качестве средства платежа и (или) использоваться в качестве инвестиции [10, с. 196], но при этом не имеет обязанного лица перед обладателем цифровой валюты за исключением оператора информационной системы и (или) узлов информационной системы, выполняющего технические и организационные функции (п. 1 ч. 1 ст. 2 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах).

Так в чем же заключается интерес субъекта гражданского права – обладателя цифровой валюты?

Любое средство платежа должно обладать стоимостью, которая выступает эквивалентом при обмене ее на товар или иное средство платежа. Эта стоимость должна быть либо чем-то обеспечена (например, имуществом) или кем-то гарантирована (как государство гарантирует относительно фиатных денег, что они будут приняты по нарицательной стоимости). Ранее, согласно ч. 3.1. ст. 1 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах эта ценность, по мнению законодателя, заключалась в математических вычислениях с целью выпуска цифровой валюты и (или) в полученном вознаграждении (в цифровой валюте) за подтверждение записи о ней в информационной системе. Таким образом, в первом случае ценность цифровой валюты определялась затратами на ее выпуск, а во-втором, – суммой вознаграждения (включающей, в том числе, затраты на подтверждение записи о ней в информационной системе).

Исходя из легальной дефиниции в настоящее время речь идет об имущественной обеспеченности цифровой валюты. Соответственно, ее ценность определяется стоимостью указанного имущества.

Впрочем, как мы указали выше, точнее рассматривать цифровую валюту как имущественное право, в содержании которого можно выделить как абсолютные, так и относительные по своей природе права.

Во-первых, мы можем говорить об абсолютном праве – праве обладания. На это нам указывает сам законодатель, закрепляя возможность фиксации права обладания за каждым обладателем, возможность распоряжения и возможность защиты права от всех третьих лиц (например, в ст. 22 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах). Во-вторых, наличие относительных прав подтверждается возможностью выполнения цифровой валютой функции средства платежа и инвестирования, а также особым порядком получения валюты – майнингом. Помимо этого, наличие правомочия распоряжения допускает заключение договоров по отчуждению цифровой валюты, отражая тем самым обязательственные права.

Впрочем, в научной литературе высказываются и иные точки зрения относительно содержания и ценности цифровой валюты как объекта гражданских прав. Традиционным является подход, согласно которому цифровая валюта представляет собой имущество² [8, с. 9]. Так же популярна позиция о том, что цифровая валюта не имеет в себе имущественного права, в том числе права требования [1, с. 18], но представляет собой набор электронных данных (информацию) [3, с. 7].

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5018.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / И.З. Аюшеева, Е.Е. Богданова, Б.А. Булаевский и др.; под. ред. Е.Е. Богдановой. М.: Проспект, 2022. С. 231.

Не вдаваясь в подробности разбора всех позиций, отметим, что все авторы традиционно выявляют ту ценность, которая формирует интерес у субъекта.

Итак, как было показано выше, содержанием и цифровых прав, и цифровой валюты, по нашему мнению, является имущественное право. Однако с этих позиций достаточно сложно разграничить указанные цифровые объекты и бездокументарные ценные бумаги.

Ранее мы отметили два существенных признака цифрового объекта, позволяющие разграничить его с ценными бумагами – это создание, оборот и прекращение цифрового объекта исключительно в рамках информационной системы и причисление законодателем (наделение правовой природой) к группе цифровых объектов. Помимо этого, к числу отличий можно отнести и упомянутую законодателем возможность для цифровых прав устанавливать их содержание и условий осуществления правилами информационной системы (ст. 141.1 ГК РФ).

Впрочем, последнее утверждение вызывает ряд вопросов. Как известно, все права делятся на абсолютны и относительные. Обладателю абсолютного права противостоит обязанность заранее неопределенного круга лиц не нарушать его право, соответственно, указанное право защищается против всех. Специфика абсолютного права заключается в том, что перечень таких прав закрытый, а их содержание устанавливается законом. Обладатель абсолютного права может осуществить свои правомочия самостоятельно без посредничества третьих лиц.

В отличие от абсолютных прав, обладателю относительного права противостоит конкретное лицо, которое потенциально может нарушить право управомоченного лица и от противоправного поведения которого предоставлена защита; именно действиями указанного лица удовлетворяется интерес управомоченного субъекта.

В ст. 141.1 ГК РФ законодатель дает нам понять, что содержанием цифрового права являются обязательственные и иные права. При этом к иным правам, очевидно, могут быть причислены только относительные права, так как только их содержание может устанавливаться не законом, а как в исследуемом случае, информационной системой. Однако далее в этой же норме мы видим указание на то, что осуществлять, в том числе, распоряжаться цифровыми правами обладатель может без обращения к третьему лицу. Однако это свойство абсолютного, а не относительного права. В относительном праве наше притязание может удовлетворить только конкретное обязанное лицо, именно поэтому такое право называется относительным (относительно друг друга).

Впрочем, и из толкования ст. 22 и 24 ФЗ о цифровой валюте и цифровых правах прямо вытекает наличие некоего права, определяющего принадлежность цифрового объекта, которое подлежит фиксации в информационной системе. Помимо правомочия принадлежности в это право входит правомочие распоряжения, которое может быть ограничено или даже обременено. Но и с учетом того, что обладатель вправе распоряжаться цифровым объектом, очевидно, что в данном праве присутствует правомочие на извлечение полезных свойств, получение дохода (правомочие пользования). Наиболее часто законодатель использует для именованного данного права термин «обладание». Таким образом, право обладания имеет вполне конкретное содержание, закрепленное в законе в императивных нормах, что исключает возможность изменения его содержания информационной системой, как, впрочем, и любым иным субъектом.

Обладатель данного права свободен в его осуществлении без обращения к третьим лицам (информационная система здесь выполняет лишь техническую функцию); это право защищается от всех третьих лиц, что вкупе с закрепленным в законе содержанием свидетельствует о его абсолютной природе.

Следовательно, утверждение законодателя о заложенных в цифровом праве только относительных правах находится в логическом противоречии с положениями, установленными в специальном законе, свидетельствующем о наличии абсолютного права. В этом смысле цифровые права не отличаются от ценных бумаг, имеющих традиционную конструкцию «право на бумагу» и «право из бумаги».

Список использованной литературы:

1. Горбунов Е.А. Правовая природа цифровой валюты. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2024;(6):111–118.
2. Дерюгина Т.В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового

References:

1. Gorbunov E.A. [The legal nature of digital currency]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2024;(6):111–118. (In Russ.)
2. Deryugina T.V. [On the issue of the essential characteristics and legal nature of digital law]. *Trudy*

права. *Труды Института государства и права РАН*. 2022;(2):35–54.

3. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля. *Гражданин и закон*. 2022;(4):6–15.

4. Иншакова А.О. Единый цифровой агропромышленный комплекс как стратегический ресурс аграрного бизнеса в Российской Федерации: основы правового обеспечения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(3):24–29.

5. Матыцин Д.Е., Федорова П.А. Семейное предпринимательство в эпоху цифровых технологий: правовой аспект. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(4):40–47.

6. Потапенко Н.С., Магомеднабиев М.Ш., Сергиенко А.Т. Правовой режим криптовалют, NFT и иных цифровых активов в конкурсной массе должника: проблемы теории и практики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(2(17)):48–51.

7. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: Принт; 2020.

8. Тумаков А.В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий. *LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН)*. 2024;(7(212)):30–38.

9. Чеговадзе Л.А. Объекты гражданских прав и новая редакция ст. 128 ГК РФ. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014;(10):81–86.

10. Ershova I.V., Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E. Investing in Digital Rights Using Investment Platforms: Peculiarities of Legal Relations. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. *Intelligent Systems Reference Library*. 2024;(250):193–203. DOI: 10.1007/978-3-03151536-1_18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерюгина Татьяна Викторовна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
ORCID: 0000-0003-2978-0234

Instituta gosudarstva i prava RAN = Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2022;(2):35–54. (In Russ.)]

3. Efimova L.G. [On the legal nature of non-cash money, digital currency, and the digital ruble]. *Civilist = Civilist*. 2022;(4):6–15. (In Russ.)]

4. Inshakova A.O. [A unified digital agro-industrial complex as a strategic resource for agricultural business in the Russian Federation: legal framework]. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025;(3):24–29. (In Russ.)]

5. Matytsin D.E., Fedorova P.A. [Family Business in the Digital Age: The Legal Aspect]. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025;(4):40–47. (In Russ.)]

6. Potapenko N.S., Magomednabiev M.SH., Sergienko A.T. [Legal treatment of cryptocurrencies, NFTs, and other digital assets in a debtor's bankruptcy estate: theoretical and practical issues]. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025;(2(17)):48–51 (In Russ.)]

7. Sannikova L.V., Haritonova YU.S. [Digital Assets: Legal Analysis]. M.: Print; 2020. (In Russ.)]

8. Tumakov A.V. [Digital and virtual objects of modern civil circulation: on the issue of distinguishing between concepts]. *LEX RUSSICA (RUSSKIJ ZAKON) = LEX RUSSICA (RUSSKIJ ZAKON)*. 2024;(7(212)):30–38. (In Russ.)]

9. CHegovadze L.A. [Objects of civil rights and the new version of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2014;(10):81–86. (In Russ.)]

10. Ershova I.V., Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E. Investing in Digital Rights Using Investment Platforms: Peculiarities of Legal Relations. In: Inshakova A., Matytsin D., Inshakova E. (eds) Remote Investment Transactions in the Digital Age. *Intelligent Systems Reference Library*. 2024;(250):193–203. DOI: 10.1007/978-3-03151536-1_18.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Deryugina

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Labour Law and Civil Procedure of the FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"
ORCID: 0000-0003-2978-0234

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-66-72>

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РИСК КАК КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Конорезов Н.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Конорезов Н.А. Процессуальный риск как категория гражданского процессуального права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):66–72. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-66-72>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Конорезов Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-71-37

E-mail: konorezov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2026

Статья принята к печати: 25.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Цель исследования заключается в изучении процессуального риска как категории гражданского процессуального права. Рассматриваются основные подходы к пониманию процессуального риска, анализируются дискуссионные вопросы относительно его правовой природы и функционального назначения. Рассматривается соотношение риска с принципом состязательности и процессуальной ответственностью. *Методологическую основу* исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системно-структурный) методы познания. Обосновывается *вывод* о том, что процессуальный риск представляет собой самостоятельную категорию гражданского процессуального права, правовая природа которого не ограничивается характеристикой состояния неопределенности или вероятности наступления неблагоприятных процессуальных последствий. Уточняется дефиниция процессуального риска, обосновывается значение данной категории для правотворческой деятельности, правоприменительной практики и дальнейшего развития науки гражданского процессуального права.

Ключевые слова: процессуальный риск, гражданское процессуальное право, принцип состязательности, принцип добросовестности, процессуальное поведение, процессуальная ответственность.

PROCEDURAL RISK AS A CATEGORY OF CIVIL PROCEDURAL LAW

Nikolai A. Konorezov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Konorezov N.A. Procedural risk as a category of civil procedural law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):66–72. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-66-72>

CONTACT INFORMATION:

Nikolai A. Konorezov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-71-37

E-mail: konorezov@list.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.07.2026

The article has been accepted for publication: 25.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *purpose* of the study is to study procedural risk as a category of civil procedural law. The main approaches to understanding procedural risk are considered, and controversial issues regarding its legal nature and functional purpose are analyzed. The correlation of risk with the principle of competition and procedural responsibility is considered. The *methodological basis* of the research was made up of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific (formal legal, historical legal, comparative legal and systemic structural) methods of cognition. The *conclusion* is substantiated that procedural risk is an independent category of civil procedural law, the legal nature of which is not limited to characterizing the state of uncertainty or the likelihood of adverse procedural consequences. The definition of procedural risk is clarified, the importance of this category for law-making, law enforcement practice and the further development of the science of civil procedural law is substantiated.

Keywords: procedural risk, civil procedural law, the principle of competition, the principle of good faith, procedural behavior, procedural responsibility.

Введение

Изучение рисков, их последствий и способов предупреждения сегодня можно рассматривать как одно из наиболее заметных направлений научных исследований в самых различных областях знания. В гражданском процессуальном праве импульсом к активизации научного интереса к исследованию рисков непосредственно в сфере отправления правосудия послужили, в частности, изменения, внесенные в процессуальное законодательство Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ¹, которым ст. 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) была дополнена положением о возложении на лиц, участвующих в деле, риска наступления неблагоприятных последствий в случае непринятия ими мер по получению судебной корреспонденции (абз. 2 ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ)². Аналогичная по своему содержанию норма, однако, была известна процессуальному законодательству и ранее. Так, с момента принятия Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) сходное положение закреплено в ч. 2 ст. 9 данного Кодекса³.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы познания правовой действительности. Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание категории процессуального риска и проанализировать закрепляющие ее нормы гражданского и арбитражного процессуального законодательства, тогда как историко-правовой метод дал возможность проследить генезис представлений о процессуальном риске в трудах классиков науки гражданского процессуального права. Сравнительно-правовой и системно-структурный методы были использованы для сопоставления доктринальных подходов к

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

пониманию процессуального риска и определения его места в системе категорий гражданского процессуального права.

Результаты исследования

С учетом проведенного анализа научных подходов и изложенных рассуждений представляется возможным сформулировать несколько тезисов, которые способны уточнить современное понимание процессуального риска как категории гражданского процессуального права.

Прежде всего, процессуальный риск следует понимать как состояние неопределенности развития процессуальных отношений, в условиях которого лицо, участвующее в деле, осуществляет выбор между несколькими возможными вариантами процессуального поведения, не имея возможности с достаточной степенью определенности предвидеть его результат, но осознавая вероятность наступления различных по своей юридической и фактической ценности последствий. При этом риск обусловлен существованием альтернативных вариантов поведения, выбор между которыми сопряжен с различной вероятностью достижения более благоприятного либо более неблагоприятного процессуального результата.

Характеризуя процессуальный риск как вероятность наступления неблагоприятных последствий или состояние неопределенности процессуальных отношений, представляется важным не упускать из виду и нормативный аспект этой категории, проявляющей не только ее общетеоретическое, но и регулятивное свойство. Значение процессуального риска, которое он приобретает в системе правового регулирования, позволяет рассматривать его как самостоятельную категорию гражданского процессуального права, так как процессуальный риск:

1) конкретизирует содержание принципов состязательности и добросовестности, раскрывая идею о том, что свобода выбора участниками процесса модели своего процессуального поведения неразрывно связана с принятием на себя последствий такого выбора, вследствие чего категория процессуального риска выступает одним из концептуальных ориентиров как правотворческой, так и правоприменительной деятельности;

2) объясняет распределение неблагоприятных процессуальных последствий между участниками процесса, позволяет обосновать, что такие последствия могут наступать не только вследствие процессуального правонарушения, но и в результате вполне правомерного процессуального поведения, осуществляемого в условиях состязательности и процессуальной свободы;

3) используется законодателем в качестве особого приема нормативного регулирования в тех случаях, когда невозможно заранее исчерпывающим образом определить все последствия того или иного процессуального поведения, но необходимо подчеркнуть обязанность участников процесса проявлять разумную процессуальную осмотрительность при реализации принадлежащих им процессуальных прав.

Научная дискуссия

Следует отметить, что риск как таковой объективно присущ деятельности по рассмотрению и разрешению правовых споров. Это обусловлено самой природой состязательного процесса. Исход дела заранее неизвестен ни суду, ни лицам, участвующим в деле, ни иным участникам процесса. Состязательность, таким образом, неразрывно связана с категорией вероятности, а следовательно, и с риском как неизбежным спутником всякой вероятностной ситуации.

О риске в процессуальной деятельности рассуждали и классики науки гражданского процессуального права задолго до нормативного закрепления данной категории. Так, Е.А. Нефедьев отмечал, что «прямое принуждение к совершению тех или иных действий заменяется указанием в законе невыгодных последствий, которые наступают для тяжущихся при их несовершении»¹. Аналогичную мысль высказывал и Т.М. Яблочков: «Сторона, которая не действует так, где и как она должна действовать, должна принять на себя неблагоприятные последствия своего поведения» [10, с. 15]. Приведенные положения свидетельствуют о том, что еще классики науки гражданского процессуального права фактически указывали на существование риска неблагоприятных последствий, принимаемого на себя тяжущейся стороной вследствие избранной модели процессуального поведения.

Другой процессуалист А.Д. Любавский, раскрывая правовую природу мирового соглашения, писал, что при его заключении «обе спорящие стороны, не желая подвергнуться риску судебного

¹ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: типография Московского университета, 1909. С. 158.

разбирательства, ограничились тем, что пожертвовали частью своих прав или своих требований» [3, с. 178], чем, следовательно, минимизировали свои риски. В свою очередь, Е.В. Васьковский, исследуя соотношение состязательности и добросовестности, отмечал, что «в состязательных бумагах тяжущимся нетрудно без всякого риска извращать факты, делать заведомо ложные заявления, прибегать к двусмысленному и уклончивому способу выражения своих фактических утверждений» [2, с. 443]¹, тем самым указывая на необходимость существования таких процессуальных механизмов, при которых недобросовестное процессуальное поведение не остается свободным от риска наступления неблагоприятных последствий.

Несмотря на то что отдельные представления о процессуальном риске встречались в доктрине значительно раньше, его самостоятельное научное осмысление как правовой категории началось сравнительно недавно. Одним из первых исследователей, обратившихся к концептуальному анализу процессуального риска, стала И.В. Решетникова, рассматривавшая его как закономерное следствие укрепления состязательных начал гражданского судопроизводства, а также как элемент ответственности тяжущихся сторон [6, с. 93–102]. Конечно, говорить о сформировавшейся теории процессуального риска в настоящее время, по-видимому, преждевременно, поскольку многие вопросы, касающиеся его правовой природы, содержания и места в системе процессуально-правовых категорий, остаются дискуссионными.

В юридической литературе отсутствует единое понимание не только процессуального риска, но и правового риска в целом. Он определяется и как «набор вероятных вариантов процессуального поведения» [7, с. 246], и как «вероятное наступление неблагоприятных последствий»², и как «ситуативное состояние субъекта права, возникающее при переходе от неопределенности к определенности, характеризующее наличием альтернативных вероятностей» [4, с. 11].

Наиболее убедительной представляется последняя из приведенных позиций, поскольку она позволяет разграничить предпосылки возникновения риска и его возможные последствия, ведь вероятность является необходимым условием существования риска, а неблагоприятные последствия – его возможным следствием. Сам же риск характеризует состояние, в котором субъект осуществляет выбор в условиях неопределенности относительно результата своих действий (бездействия). Однако важно добавить, что не всякая неопределенность является риском. Последний возникает лишь тогда, когда возможные варианты развития событий являются для субъекта неравнозначными, а выбор одной из альтернатив сопряжен с вероятностью наступления как более неблагоприятных, так и более благоприятных последствий по сравнению с другими вариантами поведения.

Дискуссионным остается и вопрос о моменте возникновения процессуального риска. Если одни исследователи связывают его с началом процессуальной деятельности³, то, по мнению других, процессуальный риск возникает еще до ее осуществления, предшествуя совершению процессуальных действий [8, с. 245].

Не менее спорным является и вопрос о природе процессуального риска. В литературе допускается существование так называемых объективных процессуальных рисков, к числу которых относят различные обстоятельства внешнего мира, не зависящие от воли рискующего субъекта. В качестве примеров подобных рисков называются, в частности, коронавирусная инфекция⁴ или человеческий фактор [1, с. 94]. Между тем такой подход, на наш взгляд, нуждается в определенном уточнении. Риск по своей природе предполагает наличие осознанного выбора между несколькими альтернативами, прогнозирование возможных последствий и их предварительную оценку («взвешивание рисков»). Иными словами, рисковое поведение всегда предполагает интеллектуально-волевой компонент. Если же лицо действует, не осознавая возможных последствий своего поведения, речь, скорее, идет о неосмотрительности, чем о риске. Что касается обстоятельств объективного характера, способных повлиять на развитие процессуальной ситуации, то они не образуют риск как таковой, а лишь выступают внешними факторами, способными повлиять на его реализацию либо усилить наступившие неблагоприятные последствия, которые оправдано считать, скорее, сопутствующим риску ущербом, но не последствием риска как такового.

¹ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Бр. Башмаковы, 1913. С. 443.

² Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2023. С. 43.

³ Там же. С. 33.

⁴ Звягина Н.С. Указ. соч. С. 33.

Дискуссионным остается и вопрос о том, исчерпывается ли содержание процессуального риска вероятностью наступления неблагоприятных последствий либо он предполагает также возможность достижения положительного результата. Так, Н.С. Звягина связывает риск исключительно с вероятностью неблагоприятных последствий¹, тогда как С.А. Лифиренко включает в его содержание и потенциально положительный исход деятельности [2, с. 114]. Представляется заслуживающей внимания и позиция М.П. Полякова, исследовавшего риск в уголовном процессе и отмечавшего, что риск всегда включает в себе идею своеобразного «приза» за сознательное игнорирование опасности [5, с. 583]. Действительно, если учесть, что риск обусловлен стремлением субъекта получить более благоприятный результат по сравнению с иными возможными вариантами действий, несмотря на вероятность наступления более неблагоприятных последствий, исключение потенциально положительного результата из содержания риска представляется недостаточно обоснованным.

Как видим, теория процессуального риска, разрабатывающая концептуальные основы данной категории, в настоящее время еще находится на стадии формирования. Вместе с тем уже сегодня можно говорить о складывающемся в науке гражданского процессуального права представлении о том, что процессуальный риск неразрывно связан с состязательным характером судопроизводства, добросовестностью участников процесса, их процессуальным поведением и наступающими вследствие этого поведения юридическими последствиями. Значительно меньше внимания в литературе уделяется, однако, вопросу о функциональном назначении процессуального риска и его месте в системе категорий гражданского процессуального права.

До настоящего времени не получил однозначного разрешения вопрос о том, обладает ли процессуальный риск самостоятельным категориальным значением либо представляет собой лишь одно из проявлений принципа состязательности. Не менее дискуссионным является вопрос о том, ограничивается ли значение процессуального риска сферой научного познания или же данная категория обладает самостоятельной регулятивной ценностью и потому заслуживает законодательного закрепления. В конечном счете ответы на эти вопросы позволят определить, насколько оправдано использование категории «процессуальный риск» в тексте процессуального закона, является ли она необходимой и в целом пригодной для правового регулирования.

Так, например, закономерно возникает вопрос о причинах обращения законодателя к категории риска при формулировании, в частности, абз. 2 ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ. Действительно, существует ли объективная необходимость указывать на риск наступления неблагоприятных последствий, если соответствующие последствия могут быть непосредственно определены самой процессуальной нормой? На первый взгляд подобная законодательная конструкция представляется избыточной. Так, законодатель мог бы ограничиться указанием на то, что неполучение судебной корреспонденции не препятствует дальнейшему движению процесса, а лицо при наличии предусмотренных законом условий может быть признано надлежаще извещенным (ст. 117 ГПК РФ).

По общему правилу процессуальное законодательство достаточно последовательно раскрывает последствия совершения либо несовершения участниками процесса тех или иных процессуальных действий. Так, ст. 167 ГПК РФ непосредственно определяет последствия неявки лиц, участвующих в деле, в судебное заседание. Аналогичным образом ч. 3 ст. 136 ГПК РФ предусматривает возвращение искового заявления в случае неустранения истцом недостатков, послуживших основанием для оставления его без движения. Очевидно, что совершение каждого процессуального действия уже предполагает вероятность наступления предусмотренных законом последствий, а потому практически любая норма гражданского процессуального законодательства может быть осмыслена через категорию процессуального риска, поэтому вполне разумно, по нашему мнению, ставить под сомнение ценность этой категории для правового регулирования отношений, возникающих в связи с рассмотрением и разрешением гражданско-правовых споров.

По мнению И.В. Решетниковой, теория процессуального риска исходит из того, что субъект, наделенный процессуальными правами и обязанностями, самостоятельно определяет модель своего процессуального поведения, действует на собственный риск и, как следствие, может претерпеть неблагоприятные последствия, основным из которых является проигрыш дела либо недостижение промежуточной процессуальной цели [6, с. 96]. В свою очередь, С.Ж. Соловых рассматривает процессуальный риск как самостоятельную категорию гражданского процессуального права, одновременно характеризуя его как элемент процессуального регулирования и элемент

¹ Звягина Н.С. Указ. соч. С. 43.

процессуальной деятельности сторон [7, с. 243]. Ценность данной категории автор связывает с ее регулятивным потенциалом и способностью формировать особый правовой режим воздействия на правореализационный процесс [7, с. 243].

Представляется, однако, что значение процессуального риска как категории нормативного порядка раскрывается несколько шире. Процессуальный риск позволяет по-новому взглянуть на основания наступления неблагоприятных процессуальных последствий, демонстрируя, что они обусловлены не только совершением процессуального правонарушения. Любое процессуальное поведение (как выраженное в активных действиях, так и в бездействии) способно повлечь определенные юридические последствия, которые далеко не всегда могут быть заранее предопределены или исчерпывающим образом закреплены в законе. Категория процессуального риска выступает концептуальным объяснением тех неблагоприятных последствий процессуального поведения, которые не укладываются в традиционную конструкцию юридической ответственности.

Созвучную мысль высказывает и А.В. Юдин, характеризуя процессуальный риск как явление, задающее определенные требования к процессуальному поведению, которые либо вообще не могут быть выражены в нормах процессуального права, либо не поддаются нормативному закреплению с необходимой степенью определенности [9, с. 41]. Именно этим, по-видимому, и определяется самостоятельная ценность категории процессуального риска для законодательной техники.

С этих позиций упоминание процессуального риска в абз. 2 ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ вряд ли выглядит оправданным, поскольку последствия неполучения судебной корреспонденции достаточно определенно раскрываются в системе норм, регулирующих институт судебных извещений. Вместе с тем обращение законодателя к категории процессуального риска представляется вполне обоснованным в тех случаях, когда процессуальное законодательство закрепляет лишь общую модель поведения, оставляя оценку возможных последствий в значительной степени открытой. Интерес для анализа представляют, например, положения ч. 2 ст. 41 ГПК РФ о несогласии истца на замену ненадлежащего ответчика либо ч. 3 ст. 56 ГПК РФ о последствиях нераскрытия доказательств.

Теория процессуального риска позволяет объяснить, что движение гражданского дела задается процессуальным поведением самих его участников. Каждое процессуальное действие либо бездействие становится звеном единой последовательности, начинающейся с момента обращения в суд и завершающейся принятием итогового судебного постановления. Значение имеет не только то, какие последствия следуют за совершение или несовершение процессуального действия, но и то, каким образом конкретное процессуальное поведение способно повлиять на дальнейшее развитие процесса. В этом смысле категория процессуального риска позволяет показать, что процессуальные отношения обладают собственной внутренней динамикой, а выбор, совершаемый участником процесса на каждом отдельном этапе, неизбежно отражается на последующем движении дела и в конечном счете способен определить его исход.

Разумеется, сказанное во многом вытекает из содержания принципа состязательности, с которым процессуальный риск, как уже отмечалось, неразрывно связан, однако его значение определяется не только этой связью. Данная категория позволяет объяснить, почему неблагоприятные процессуальные последствия могут быть обусловлены не только совершением процессуального правонарушения, но и вполне правомерным процессуальным поведением. Участвующие в деле лица свободны в выборе средств защиты своих прав и самостоятельно определяют линию своего процессуального поведения, однако именно эта свобода предполагает принятие на себя всех последствий совершаемого выбора. Поэтому смысл использования категории процессуального риска в процессуальном законодательстве заключается не столько в предупреждении участников процесса о возможности наступления неблагоприятных последствий, сколько в закреплении общей идеи повышенной процессуальной осмотрительности. Лицо, распоряжаясь принадлежащими ему процессуальными правами, должно учитывать, что каждое принятое им процессуальное решение способно повлиять на дальнейшее развитие дела, даже если соответствующее последствие невозможно заранее и исчерпывающим образом описать в законе.

В заключение следует отметить, что концепция процессуального риска обладает значительным исследовательским и прикладным потенциалом. Ее значение, как представляется, заключается не только в уточнении содержания уже известных гражданскому процессуальному праву категорий, таких как добросовестность и состязательность. Категория процессуального риска придает этим принципам более отчетливое практическое измерение, а также раскрывает динамику процессуального поведения лиц, участвующих в деле, и закономерности наступления правовых

последствий их действий. Дальнейшая разработка теории процессуального риска, как представляется, способна не только углубить и укрепить состязательные начала гражданского судопроизводства, но и создать дополнительные теоретические предпосылки для совершенствования правового регулирования, в том числе в вопросах предупреждения процессуальных злоупотреблений.

Список использованной литературы:

1. Василькова С.В. Доктринальный и практический аспекты применения категории «процессуальный риск» в сфере электронного правосудия. *Вестник гражданского процесса*. 2018;(4(8)):87–95.
2. Лифиренко С.А. Проблемы оценки риска при принятии процессуальных решений. *Современное право*. 2009;(12):114–118.
3. Любавский А.Д. Юридические монографии и исследования. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»; 1867.
4. Мамчун В.В. О содержании общего понятия риска в праве. *Труды Академии управления МВД России*. 2011;(1(17)):7–12.
5. Поляков М.П. Идея риска в уголовном процессе: прошлое, настоящее, будущее. *Юридическая техника*. 2019;(13):582–585.
6. Решетникова И.В. Теория процессуального риска. Размышляя о судопроизводстве: избранное: сб. научных трудов. М.: Статут; 2019.
7. Соловых С.Ж. Риск как процессуальная категория. *Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.)*. СПб.: ИД «Петрополис»; 2015.
8. Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с гражданско-процессуальным правоотношением. *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. 2025;(2(26)):233–249.
9. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве. *Вестник гражданского процесса*. 2014;(5):11–53.
10. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М.: Тип. Т-ва И.И. Кушнерев и К.; 1914.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конорезов Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Vasilkova S.V. [Doctrinal and practical aspects of applying the category "procedural risk" in the field of e-justice]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*. 2018;(4(8)):87–95. (In Russ.)]
2. Lifirenko S.A. [Problems of risk assessment when making procedural decisions]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2009;(12):114–118. (In Russ.)]
3. Lyubavsky A.D. [Legal Monographs and Studies]. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of the Society "Public Benefit"; 1867. (In Russ.)]
4. Mamchun V.V. [On the Content of the General Concept of Risk in Law]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011;(1(17)):7–12. (In Russ.)]
5. Polyakov M.P. [The Idea of Risk in Criminal Procedure: Past, Present, Future]. *YUridicheskaya tekhnika = Legal Technique*. 2019;(13):582–585. (In Russ.)]
6. Reshetnikova I.V. [Theory of Procedural Risk. Reflecting on Legal Proceedings: Selected Works]: collection of scientific papers. Moscow: Statut; 2019. (In Russ.)]
7. Solovykh S.Zh. [Risk as a Procedural Category]. *Zashchita grazhdanskih prav v usloviyah reformirovaniya grazhdanskogo i grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stv: sb. statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Protection of civil rights in the context of reform of civil and civil procedural legislation: collection of articles based on materials from the international scientific and practical conference (St. Petersburg, May 22, 2015)*. St. Petersburg: Publishing House "Petropolis"; 2015. (In Russ.)]
8. Suleymanov A.A. [The emergence of procedural risk and its relationship with civil procedural legal relations]. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*. 2025;(2(26)):233–249. (In Russ.)]
9. Yudin A.V. [The "risk" category in civil proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*. 2014;(5):11–53.
10. Yablochkov T.M. [On the Doctrine of the Basic Principles of Civil Procedure]. Moscow: Typ. of the Partnership I.I. Kushnerev and Co.; 1914. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Konorezov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-73-82>

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА В ПЕРСПЕКТИВЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Щенникова Л.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Щенникова Л.В. Нематериальные блага в перспективе гражданско-правового регулирования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):73–82. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-73-82>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Адрес: Ставропольская ул. д. 149, Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: shennikova_larisa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.07.2026

Статья принята к печати: 27.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Целью работы является освещение проблемных теоретических вопросов института нематериальных благ и практики применения входящих в него гражданско-правовых норм с тем, чтобы увидеть перспективы их развития и место в системе гражданского права. Постановка данной цели вытекает из значения нематериальных благ в цивилизованном обществе и закономерного возрастания их роли с прогрессом общества, включая набирающие обороты процессы цифровизации. В связи с отсутствием развитой отечественной цивилистической теории нематериальных благ как объектов гражданских правоотношений и механизмов их защиты представляется важным обратиться к анализу исследований зарубежных цивилистов с тем, чтобы иметь возможность плодотворно использовать опыт других стран в деле совершенствования российского гражданско-правового регулирования исследуемых отношений.

Задачи работы включают в себя выявление пробелов гражданско-правового регулирования отношений в сфере защиты нематериальных благ и выработку конкретных детализированных правил для их участников, отражающих современный этап развития гражданского общества в Российской Федерации.

Доказывается, что нематериальные блага должны занять самостоятельное место в предмете гражданского права как его подотрасли с системой общих положений. Для выработки общих положений о нематериальных благах предлагается ввести в теорию гражданского права ряд новых гражданско-правовых категорий, таких как моральная травма, право на публичность и ряд других.

Ключевые слова: нематериальные блага, моральный вред, жизнь, здоровье, имя, частная жизнь гражданина, охрана его изображения.

INTANGIBLE BENEFITS IN THE PERSPECTIVE OF CIVIL LAW REGULATION

Larisa V. Schennikova

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Schennikova L.V. Intangible benefits in the perspective of civil law regulation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):73–82. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-73-82>

CONTACT INFORMATION:

Larisa V. Schennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: shennikova_larisa@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.07.2026

The article has been accepted for publication: 27.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The *purpose* of this work is to highlight the problematic theoretical issues of the institution of intangible assets and the practice of applying the civil law norms that are part of it, in order to see the prospects for their development and their place in the system of civil law. This goal is based on the importance of intangible assets in a civilized society and the natural increase in their role as society progresses, including the growing processes of digitalization. Due to the lack of a developed domestic civil law theory of intangible benefits as objects of civil legal relations and mechanisms for their protection, it is important to analyze the research of foreign civil law scholars in order to be able to fruitfully use the experience of other countries in improving the Russian civil law regulation of the relations under study.

The *objectives* of the work include identifying gaps in the civil law regulation of relations in the field of protection of intangible benefits and developing specific detailed rules for their participants that reflect the current stage of development of civil society in the Russian Federation.

It is argued that intangible benefits should take an independent place in the subject of civil law as its sub-branch with a system of general provisions. To develop general provisions on intangible benefits, it is proposed to introduce a number of new civil law categories into the theory of civil law, such as moral trauma, the right to publicity, and others.

Keywords: intangible benefits, moral damage, life, health, name, private life of a citizen, and protection of his image.

Введение

Гражданское право – это, в первую очередь, право гражданина как автономной личности. Именно эта отрасль обеспечивает человеку в гражданском обществе определенную меру свободы, самостоятельности и независимости, в том числе и главным образом по отношению к государству, предоставляя все возможности для самореализации.

Развитие самосознания граждан с неизбежностью изменяет облик гражданского права, нормы которого все больше внимания призваны уделять личности как таковой. Так проблематика нематериальных благ как объектов гражданских правоотношений становится одной из фундаментальных в цивилистической науке.

Цель исследования – обратить внимание на значимость постановки социальных целей гражданско-правового регулирования, выявить пробелы в институте нематериальных благ как объектов гражданских правоотношений, предложив пути и эффективные методы их устранения. Задачами исследования автор видит научный анализ зарубежных аналогов гражданско-правового регулирования отношений в сфере защиты нематериальных благ с тем, чтобы выработать конкретные предложения по устранению пробелов законодательства, регулирующего отношения в сфере защиты нематериальных благ, а также совершенствованию практического применения гражданско-правовых норм в исследуемой сфере.

Методы исследования

Исследование основано на базовых эмпирических и теоретических методах. Логической обработке и систематизации служат методы анализа и синтеза. Построение умозаключений строится на основе индукции и дедукции. Исторический метод позволяет выявить закономерности развития института нематериальных благ в российском гражданском праве. Метод сравнительно-правового анализа позволяет сравнивать и сопоставлять, выявляя сходства и различия видов нематериальных благ. Метод сравнительного правоведения помогает в поиске эффективных решений в перспективе развития гражданского законодательства о нематериальных благах. Системный подход позволяет видеть гражданское право как единый и взаимосвязанный механизм, в котором важную роль призваны играть нормы о нематериальных благах. Наконец, исследование основано на междисциплинарном подходе, в котором сочетаются классические и новые инструменты научного познания.

Результаты исследования

1. Выдвинут тезис о том, что проблематика нематериальных благ как объектов гражданских правоотношений становится фундаментальной для цивилистической науки в условиях цивилизованного общества, основанного на признании высшей ценности жизни, здоровья, чести и свободы человека.

2. Поддержан вывод о необходимости расширения границ свободы и независимости отдельной личности гражданско-правовыми средствами. Подтверждается, что особенно важна защита личных прав и нематериальных благ для утверждения автономии и свободы в жизни женщины.

3. Высказано мнение о значении категории моральной травмы для дальнейшего развития института возмещения морального вреда, поскольку она позволит выстроить цепочку понятий: моральная травма, нравственные страдания, моральный вред, подлежащий возмещению. В контексте признания категории моральной травмы право на возмещение морального вреда смогут претендовать лица, у которых нравственные правила стали реальным ориентиром поведения.

4. Аргументирован вывод о значении в современных условиях гражданского общества признания законодателем права на публичность, дающего его обладателю возможность требовать уплаты денег за использование различных элементов идентичности человека, включая право на изображение.

5. Поддержана идея проработки особых законодательных механизмов защиты неприкосновенности частной жизни несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Научная дискуссия

Нематериальные блага в шкале человеческих ценностей

Значение нематериального в жизни человека видели и воспевали великие художники всех времен и народов. Так, итальянский живописец Рафаэль Санти, живший в 13-14 веках, истину о роли духовных ценностей обнажил во фреске «Афинская школа», которая была расположена в Ватиканском дворце. На ней художник изобразил 50 величайших мыслителей древности, тем самым прославляя мудрость и знания. В центре композиции – Платон и Аристотель с символами направлений их философских школ. Рядом с ними Диоген, Сократ, Пифагор, Архимед. Это произведение, по признанию искусствоведов, подчеркивает идею роли знаний и философского мышления для постижения смыслов жизни. Именно нематериальные ресурсы цивилизации, говорит нам из глубины веков Рафаэль Санти, обеспечивают устройство цивилизованного общества, основанного на высоком значении разума, знающего ценность жизни, здоровья, чести и свободы человека.

Тему роли нематериальных благ в жизни человека неизменно поднимают и писатели в произведениях художественной литературы. Примером тому новый роман итальянской писательницы Франчески Джанноне, названный «Почтальонша». Главная героиня романа Анна отстаивает идеалы сильной женщины, которая не желает ограничений свободы в рамках уютной и сытой жизни с обеспеченным мужем. Этот роман, прославляя женскую независимость и свободу, демонстрирует великую силу личных прав и нематериальных благ для женщины в условиях любого, в том числе и современного общества.

Нематериальные блага в исследованиях российских цивилистов

И.А. Покровский подчеркивал, что гражданское право «исконно» является правом личности. Именно в частном праве должны формироваться представления о личности как о независимом от власти субъекте права. Личность, доказывал профессор, должна обладать свободой и правом на

самоопределение. Причем с развитием общества гражданское право призвано все более расширять и укреплять границы свободы и независимости отдельной личности [10, с. 309].

Выдвинул И.А. Покровский также идею социальных целей в гражданском праве, служащих свободе и независимости личности. Исклчительно с позиций достижения поставленных социальных целей ученый предлагал оценивать эффективность гражданско-правового регулирования [9, с. 38–39].

Интересные рассуждения о личных правах возможно обнаружить в трудах В.И. Синайского [11, с. 64–66]. Ученый отмечал, что именно личные права в гражданском праве наиболее слабо разработаны.

Нельзя не упомянуть «женский взгляд» на проблему нематериальных благ и личных прав, высказанный Е.А. Флейшиц. В своей монографии она назвала проблему нематериальных благ и личных прав одной из самых «волнующих» в гражданском праве [14, с. 9].

Тему личных неимущественных прав в советский период развития науки гражданского права продолжила Л.О. Красавчикова, предложив авторские понятия этих прав и их классификацию [7]. Определенный вклад в теорию исследуемого вопроса внесла М.Н. Малеина, рассмотревшая личные права под углом зрения их осуществления и защиты [8]. Исследованию отдельных видов неимущественных благ и личных прав на них в разные годы были посвящены работы А.В. Амагырова [1], Т.В. Дробышевской [2], Н.Д. Егорова [3], А.В. Завадского [4], О.С. Иоффе [6], В.С. Толстого [12], А.А. Федотовой [13], А.М. Эрделевского [15].

Однако в п. 3.5 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) (в дальнейшем «Концепция») была отмечена недостаточная доктринальная проработка института нематериальных благ в гражданском праве¹. Авторы концепции призвали цивилистов приложить усилия к разработке системы детальных правовых норм, имеющих целью урегулирование и защиту различных видов нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан. Однако, можно констатировать, что в результате проведенных в стране кодификации и модернизации гражданского законодательства глава о нематериальных благах и их защите так и осталась одной из самых малых в общей системе норм. С целью расширения пределов гражданско-правового регулирования отношений, связанных с нематериальными благами, и учитывая призыв «Концепции» использовать при разработке новых норм опыт других стран, обратимся к анализу проблем дальнейшего развития защитных механизмов для нематериальных благ как объектов гражданских прав, в том числе акцентируя внимание на выводах, сделанных в исследованиях зарубежных ученых в данной области.

Моральная травма как причина и основание возникновения морального вреда

Моральный вред, его понимание, механизмы и функции компенсации – эти вопросы в науке гражданского права являлись и остаются до настоящего времени остро дискуссионными. Сам по себе институт возмещения морального вреда получил признание в России только в 90-е годы прошлого века, при этом встретив на своем пути достаточно много противников из числа представителей цивилистической науки. Ученые считали, что защита нравственного достоинства несовместима с компенсацией оскорбления уплатой нескольких рублей потерпевшему. Считалось, что пользоваться этими нормами не будут люди образованные и состоятельные. Напротив, субъектами притязания будут только те, кто способен торговать честью. Именно они и будут напрашиваться на обиды. С таким подходом к оценке института возмещения морального вреда был согласен и Г.Ф. Шершеневич². Ученый подчеркивал, что его введение создаст благоприятную почву для разного рода безнравственных притязаний. Например, пояснял профессор, человек, о семейной жизни которого было рассказано нечто позорное, хотя и верное, будет требовать от нее вознаграждения за поруганную честь. Муж захочет потребовать возмещения морального вреда с любовника своей жены, а лакей в ресторане предъявит счет подвыпившему клиенту за то, что тот вымазал ему лицо соусом. Против введения норм о возмещении морального вреда были высказаны достаточно веские теоретические аргументы. Во-первых, у морального вреда и материального вознаграждения нет общего мерила. Во-вторых, при отсутствии стандартной мерки при оценке этого вреда, требования

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права М.: издание Бр. Башмаковых, 1912. С. 573.

всегда будут бездоказательными, а размер компенсации произвольным. Наконец, возмещение морального вреда, причиненного нематериальным благам, считали цивилисты, несовместимо с высоким уважением к личности человека. Спорили ученые и о функциях, которые призван реализовывать институт возмещения морального вреда. Одни исходили из признания штрафной функции, которая призвана действовать превентивно. Другие поддерживали функцию эквивалента, исходя из которого деньги должны возмещать умаление личного блага. Третьи рассматривали возможность признания функции сатисфакции или удовлетворения за нанесенный вред и восстановление нарушенной справедливости.

Остается не до конца познанным и само понятие морального вреда при наличии и в кодифицированном законе, и в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ его легальной расшифровки. Из буквы закона вытекает, что моральный вред характеризуется двумя основными признаками. Первый – это нравственные и физические страдания. Второй – нарушения нематериальных благ, личных неимущественных прав, а также имущественных прав в случаях, предусмотренных законом [5, с. 54]. При этом остается за пределами легального подхода само основание для возмещения морального вреда, иначе говоря, те душевные процессы, которые претерпевает личность. И здесь в качестве подсказки к дальнейшему развитию теории рассматриваемого института может послужить концепция модели моральной травмы, изложенная учеными из Дании и США (Криста Дэвис Акампора, Дитте Мунк-Юрисик, Эндрю Калбрет, Сара Денн, Джейкоб Смит) [16]. Предложенное понимание категории моральной травмы исследователи считают возможным для применения в самых разных областях, включая гражданское право. Выделим ключевые характеристики моральной травмы, предложенные зарубежными авторами. Во-первых, по их мнению, моральные травмы возникают из-за нарушений в тех отношениях, которые связаны с представлением о себе, как лице, обладающем моральными ценностями, когда возникает разрыв (трещина) в моральной жизни индивида. Во-вторых, моральные травмы имеют социальный и общественный аспект, так как отражают ущерб, очевидный в широком сообществе. В-третьих, они создают конфликт, так как нарушают убеждения о правильном и неправильном, личной добродетели. Таким образом они связаны с моралью, моральными установками, личным кодексом, как набором ценностей и убеждений. Моральная травма возникает из-за предательства того, что соответствует этим убеждениям и принципам. В-четвертых, моральные травмы связаны с событиями, в которых человек переживает нарушения своих моральных убеждений как глубоко укоренившихся ценностей. Травма возникает тогда, когда ожидания того, как должны действовать окружающие, не оправдываются. В-пятых, моральные травмы приводят к глобальному чувству утраты смысла и ценности личных отношений. Иначе говоря, теория моральной травмы включает в себя три основных тезиса. Первый – она возможна, когда у человека есть моральные убеждения. Второй – происходят события, которые противоречат этим убеждениям, создавая конфликт. Третий – данный конфликт настолько значителен, что является травматичным и требует восстановления.

Изложенная теория моральной травмы, как представляется, может иметь значение для гражданского права. Она позволяет выстроить цепочку понятий: моральная травма, нравственные страдания, моральный вред, подлежащий возмещению. Таким образом, моральная травма будет выступать необходимой причиной и основанием для возмещения морального вреда. И в контексте предложенной теории будут «отсечены» от действия норм исследуемого института «страдания» тех, кто «торгует честью», ибо на возмещение морального вреда смогут претендовать исключительно лица, у которых нравственные нормы и правила стали реальным ориентиром поведения.

Право лица на изображение и право на публичность: перспективы взаимодействия

Изображение гражданина является важнейшим нематериальным благом гражданина и, в связи с этим, нуждается в особой гражданско-правовой защите. Достижением отечественного законодателя является ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), провозгласившая в качестве объекта защиты внешний облик лица, который зафиксирован в определенном месте и в определенное время на любом материальном носителе¹. Это может быть фотография, видеозапись или произведение изобразительного искусства. При общей презумпции неотчуждаемости данного блага, оно может быть в определенных случаях использоваться третьими лицами. Вот почему законодатель установил в специальной норме в первую очередь режим его использования, во вторую – гражданско-правовую ответственность за нарушения этого режима. Общим правилом, которое

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

подлежит соблюдению всяким и каждым, является возможность обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина только с его согласия.

Под обнародованием судебная практика понимает любые действия, делающие изображение доступным для всеобщего сведения. Это может быть опубликование, публичный показ, размещение в сети «Интернет» и другие способы. Использование изображения, по букве закона, считается введение в гражданский оборот экземпляров любых материальных носителей, содержащих изображение гражданина. Использование считается также распространение изображения в сети «Интернет». Судебная практика свидетельствует о том, что нарушение права гражданина на изображение – явление далеко не редкое. Подтверждением тому возможно привести Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 15 мая 2024 г. по делу № 33-1625/2024¹. С иском к гражданину С. обратилась гражданка Т. с требованием о запрете распространения изображения ее умершего сына и взыскании за нарушение права на изображение компенсации морального вреда в размере 300000 рублей. Ефремовский межрайонный суд Тульской области удовлетворил требование о запрете распространения изображения, отказав в возмещении морального вреда. Суд установил, что сын истицы Т. страдал алкоголизмом, но постоянно работал на ответчика С., в том числе на строительстве его бани. За свой труд он получал спиртное, которое распивал после работы. С. снял видеоролик, на котором пьяный Т. ползал по земле, сопроводив его уничижительными комментариями, впоследствии разместив его в сети «Интернет». Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования частично, запретив распространение изображения умершего сына истицы в «Интернете», при этом отказав во взыскании морального вреда. Вышестоящая инстанция, поддержав решение в части избранного способа охраны права лица на изображение, также удовлетворила частично (в размере 25 тысяч) требование о взыскании морального вреда.

Еще один пример будет основан на решении Ленинского районного суда г. Ярославля Ярославской области от 1 октября 2025 г. по делу № 2-1844/2025².

С иском о защите нематериального права на изображение и возмещении морального вреда обратились супруги Г. к гражданину А., руководителю туристической фирмы. Фабула дела такова. Семья Г. со своими несовершеннолетними детьми при посещении аквапарка сделала несколько фотографий, опубликовав их на странице в социальной сети «ВКонтакте». Через некоторое время знакомые им сообщили, что туристическая фирма использует их фотографии в рекламе. Согласие на публикацию изображения семья не давала. Суд пришел к выводу о нарушении ответчиком права на изображение, что является также основанием для возмещения морального вреда.

Аналогичное дело, связанное с защитой права лица на изображение, было рассмотрено Нижегородским районным судом г. Нижнего Новгорода Нижегородской области по делу № 2-6544/2025³. С иском обратился гражданин Ф., потребовав возмещение морального вреда в связи с тем, что его фото крупным планом с информацией рекламного характера о массажере «Древмасс» было размещено в социальной сети «ВКонтакте». Суд удовлетворил требование о защите права на изображение, взыскав в пользу истца моральный вред в размере 10000 рублей.

Следует отметить, что согласие на использование изображения может быть дано в любой форме, возможной для сделки, в отсутствие специальных правил, установленных законом. Однако такое положение дел создает риски для участников такого рода отношений. В связи с этим в гражданско-правовой литературе звучат предложения о необходимости введения в кодифицированный закон особого договора на использование изображения гражданина. В его рамках

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 15 мая 2024 года по делу № 33-1625/2024 [сайт]. Судебные решения РФ; 2024 [обновлено 15 мая 2024; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/82430012>.

² Решение Ленинского районного суда г. Ярославля Ярославской области от 1 октября 2025 г. по делу № 2-1844/2025 [сайт]. Ленинский районный суд г. Ярославля; 2025 [обновлено 1 октября 2025; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: https://leninsky-jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=168827165&case_uid=4746da8b-fea0-4398-800a-ba6ce6971aef&delo_id=1540005.

³ Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 13 ноября 2025 г. по делу № 2-6544/2025 [сайт]. Нижегородский районный суд г. Нижний Новгород; 2025 [обновлено 13 ноября 2025; процитировано 28 июля 2026]. Доступно: https://nizgorodsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=52RS0005&srv_num=1&delo_id=1540005&case_type=0&judicial_uid=52RS0005-01-2025-008700-29.

стороны могли бы согласовать срок, порядок, пределы и способы использования изображения гражданина. С учетом нематериальной природы права на изображение, такой договор будет безвозмездным, в противном случае, он будет противоречить природе данного права.

Между тем, в некоторых странах сложилась практика возмездного использования изображения гражданина, в связи с чем на нематериальный объект стало признаваться имущественное право, получившее название право на публичность. Право на публичность дает его обладателю возможность требовать уплаты денег за использование различных элементов идентичности человека, включая право на его изображение. Таким образом защищается не только изображение, как нематериальное благо, но и результат усилий гражданина по развитию личности. Для того, чтобы разобраться в деталях конструкции права на публичность, обратимся к исследованию Томаса Райта, посвященного реформам данного права, проводимых в США в последние годы [18].

Лица, создавшие себе популярность, с одной стороны, имеют возможность извлекать из своего образа прибыль, участвуя в разного рода рекламе. С другой, коммерческие организации, продающие свой товар, убеждают покупателей, боготворящих знаменитостей, давших возможность использовать их образ, в правильности выбора покупок определенного бренда.

Таким образом, данное право защищает лиц, дающих возможность использования своего имени, образа и изображения в рекламных целях. Субъект данного права владеет, использует и передает его по своему усмотрению. Посмертное право на публичность позволяет носителю публичности сохранять контроль за своим именем, образом и подобием и после смерти. Обладатель публичности является лицом, которому принадлежит имущественный интерес в коммерческом использовании своей идентичности.

Томас Райт приводит многочисленные примеры заключенных контрактов на использование имени и изображения. Так, Леброн Джеймс, американский баскетболист, передал Nike свое право на публичность в обмен на компенсацию в 30 миллионов долларов в год. Другой пример касался сноубордистки Хлои Ким, цена использования образа которой возросла многократно после победы на Олимпийских играх в Пхеньяне.

На сегодняшний день Законы о названии, имидже и подобию приняты в большинстве штатов. Закрепляемое в них право на публичность защищает права граждан на их личность, в том числе служит установлению справедливой оплаты при использовании данного права рекламодателями. Однако существующие защитные механизмы явно не достаточны, считает Томас Райт. Он предлагает в процессах реформирования установить, например, пятилетний срок, по истечении которого должно автоматически прекращаться действие переданного права на публичность. Предлагаемая норма позволит вернуть реальный контроль за использованием образа лицам, передающим права, создаст для них лучшие договорные условия. Американский исследователь предлагает также наделить субъекта данного права возможностями на расторжение заключенного договора для исправления неправильно принятого ранее решения. Правовое регулирование, убежден Райт, должно быть гибким, представляющим возможности защиты для тех, кто заключил явно убыточный, «эксплуатирующий» его личность контракт. Должна представляться и посмертная защита для обладателей данных прав, в том числе должно быть предоставлено право на прекращение действия договоров по инициативе вдов и вдовцов, детей, внуков и душеприказчиков.

Сегодня право на публичность выполняет важную функцию в американском обществе и приобретает все большее значение.

Изучение опыта применения права на публичность может быть плодотворным для выработки предложений по совершенствованию действующего гражданского законодательства в нашей стране. Думается, что данная модель имеет право на существование и может быть использована отечественным законодателем с учетом важных защитных функций, которые она выполняет в отношении тех лиц, которые решаются на передачу прав по использованию их имени и изображения в рекламных целях. Кстати, об актуальности введения в гражданское законодательство нашей страны права на публичность свидетельствует и приведенная выше судебная практика, поскольку стороны в отсутствии специальных механизмов урегулирования вынуждены использовать право на возмещение морального вреда. При этом важно иметь в виду и все негативные социальные последствия использования права на публичность, которые были выше названы с целью их возможного нивелирования.

Неприкосновенность частной жизни и проблемы эффективности ее охраны в цифровом обществе

В условиях рыночных отношений и торжества частной собственности все более значимым для участников гражданско-правовых отношений становится интерес в сохранении неприкосновенности разнообразных сторон личного существования от вторжения третьих лиц. Поэтому закономерным явилось провозглашение в числе основных начал гражданского законодательства идеи недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Дальнейшее развитие идея охраны частной жизни гражданина получила в ст. 152.2 ГК РФ, кстати, вступившей в силу сравнительно недавно – с 1 октября 2013 года. По сути данной нормы каждый человек имеет право самостоятельно определять, где, как и каким способом предоставлять о себе информацию. Эта информация может касаться происхождения, места пребывания, жительства, личной и семейной жизни. Приведенный в законе перечень сведений, охватываемых понятием «частная жизнь», является далеко не исчерпывающим. Однако при всех возможных проявлениях частной жизни гражданина установлен общий запрет на сбор, хранение и использование информации о ней. Исключение составляют только случаи использования личной информации, уже раскрытой, ставшей общедоступной, и в публичных целях. Правила конфиденциальности обязаны соблюдать по букве закона участники обязательственных отношений (п. 2 ст. 152.2 ГК РФ), а также авторы при создании произведений науки, литературы и искусства (п. 3 ст. 152.2 ГК РФ). Возникает вопрос: насколько эффективной является норма кодифицированного закона об охране частной жизни гражданина? По общему признанию ученых, главный ее недостаток состоит в предельной лаконичности предложенного законодателем механизма охраны, что и порождает проблемы эффективности его применения на практике. К сожалению, законодатель не дал, во-первых, развернутого понятия частной жизни. Во-вторых, не установил порядок получения согласия на использование информации о гражданине. В-третьих, не получили законодательного закрепления специальные последствия нарушения запрета об использовании информации приватного характера.

Вместе с тем, значение создания эффективных механизмов охраны частной жизни гражданина, цивилистами перманентно подчеркивалось. Так, в начале прошлого века к всемерной охране разнообразных интимных сторон человеческого существования от вторжения третьих лиц призывал И.А. Покровский [10, с. 125–126]. В середине XX века среди личных прав выделяла «высоко личные», а потому подлежащие особой охране права, связанные с интересами личности, как носителя различных проявлений индивидуальности, Е.А. Флейшиц [14, с. 5]. Но если век назад примерами нарушения тайны личной жизни, которыми оперировали цивилисты, были опубликование писем или показ фотографий будуара, то сегодня, в условиях цифрового общества нарушения неприкосновенности частной жизни приобрели совсем иные масштабы. Очевидно, что в сети «Интернет» можно получить самые сокровенные сведения о личной жизни любого лица. Отсюда вытекают и новые вызовы, связанные с созданием эффективных механизмов охраны данного нематериального блага. При всей масштабности проблемы обратим внимание лишь на один ее аспект, связанный с защитой в цифровом пространстве конфиденциальных данных детей. Именно дети, как наиболее уязвимые лица, нуждаются в особой защите, утверждает Стейм Стейнберг [17], исследователь из США, и с данным утверждением невозможно не согласиться. Уязвимость детей начинается с возраста игры в кукол. Например, даже кукла Барби может быть взломана с целью сбора личных разговоров ребенка. Опасность представляют цифровые технологии, которые используются в образовательных учреждениях. Так, даже школьный компьютер с содержащейся там информацией может использоваться в разного рода преступных целях. Значительны риски алгоритмического принятия решений в сфере социального обеспечения детей. И даже специально принятый в США в 1998 году Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете не решил многочисленные проблемы. Остаются нерешенными вопросы, во-первых, возраста детей, до которого данное специальное законодательство должно применяться. Во-вторых, необходимости предоставления конфиденциальности детям от родителей. В-третьих, предоставления детям права удалять информацию, о которой они впоследствии могут пожалеть. Названные и другие многочисленные вопросы требуют ответов в специальных законах с тем, чтобы молодые люди чувствовали себя в безопасности в цифровом пространстве. Думается, что идея проработки особых механизмов защиты неприкосновенности частной жизни несовершеннолетних в цифровом пространстве актуальна и для нашей страны и может быть плодотворно использована отечественным законодателем.

Список использованной литературы:

1. Амагыров А. В. Особенности правовой защиты нематериальных благ в странах англосаксонской правовой семьи. *Актуальные проблемы российского права*. 2016;(8(69)):205–212.
2. Дробышевская Т. В. Личные неимущественные права гражданина и их гражданско-правовая защита: монография. Красноярск: издательство Красноярского университета; 2001.
3. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Ленинград: издательство Ленинградского университета; 1988.
4. Завадский А.В. О праве на собственное изображение. Казань: Типо-Литография Императорского Университета; 1909.
5. Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ в интернет-среде. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(2(16)):50–61.
6. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права. *Советское государство и право*. 1966;(7):51–59.
7. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: монография. Екатеринбург: издательство Уральского юридической академии; 1994.
8. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс; 2000.
9. Покровский И.А. Естественные-правовые течения в истории гражданского права. СПб.: типография Б. М. Вольфа; 1909.
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: издание юридического книжного склада «Право»; 1917.
11. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск 1. Общая часть. Вещное право. Авторское право. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Типо-Литография «Прогресс»; 1917.
12. Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. М.: издательство АПК и ППРО; 2009.
13. Федотова А.А. Регулирование нематериальных благ в Российской Федерации и других странах СНГ, во Франции и Австрии: сравнительно-правовой аспект. *Закон и право*. 2016;(1):78–81.
14. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран: монография. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР; 1941.
15. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: издательский дом «Форум» Инфра-М; 1997.
16. Christa Davis Acampora, Andrew Culbreth, Ditte Marie Munch-Jurisc, Sarah Denne. Critique of the standard model of moral injury. *New Ideas in Psychology*. 2024;(1(75)):1–10.

References:

1. Amagirov A.V. [Features of legal protection of intangible benefits in the countries of the Anglo-Saxon legal family]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2016;(8(69)):205–212. (In Russ.)
2. Drobyshevskaya T.V. [Personal non-property rights of a citizen and their civil law protection]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta; 2001. (In Russ.)
3. Egorov N.D. [Civil law regulation of social relations: unity and differentiation]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1988. (In Russ.)
4. Zavadskiy A.V. [On the right to one's own image]. Kazan: Tipo-Litografiya Imperatorskogo Universiteta; 1909. (In Russ.)
5. Zarapina L.V., Belokopytova N.Yu. [Compensation for moral harm as a way to protect violated personal non-property rights and intangible benefits in the Internet environment]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University*. 2024;(2(16)):50–61. (In Russ.)
6. Ioffe O.S. [Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1966;(7):51–59. (In Russ.)
7. Krasavchikova L.O. [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation: monograph]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skoy yuridicheskoy akademii; 1994. (In Russ.)
8. Maleina M.N. [Personal non-property rights of citizens: concept, exercise, protection]. Moscow: MZ Press; 2000. (In Russ.)
9. Pokrovskiy I.A. [Natural law currents in the history of civil law]. St. Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa; 1909. (In Russ.)
10. Pokrovskiy I.A. [Basic problems of civil law]. Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo"; 1917. (In Russ.)
11. Sinayskiy V.I. [Russian civil law. Issue 1. General part. Property law. Copyright. 2nd ed., rev. and enl.]. Kiev: Tipo-Litografiya "Progress"; 1917. (In Russ.)
12. Tolstoy V.S. [Personal non-property legal relations]. Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO; 2009. (In Russ.)
13. Fedotova A.A. [Regulation of intangible benefits in the Russian Federation and other CIS countries, in France and Austria: a comparative legal aspect]. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2016;(1):78–81. (In Russ.)
14. Fleyshits E.A. [Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR; 1941. (In Russ.)
15. Erdelevskiy A.M. [Compensation for moral harm in Russia and abroad]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Forum" Infra-M; 1997. (In Russ.)
16. Christa Davis Acampora, Andrew Culbreth, Ditte Marie Munch-Jurisc, Sarah Denne. [Critique of the standard model of moral injury]. *New Ideas in Psychology*. 2024;(1(75)):1–10.

17. Stacey Steinberg. The Myth of Childrens Online Privacy Protection. *SMU Law Review*. 2024;(2(77)):440–476. DOI: 10.25172/smulr.77.2.8.
18. Thomas Wright. Reformation of the right of Publicity. *Belmont Law Review*. 2021;(1(9)):37–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

17. Stacey Steinberg. [The Myth of Childrens Online Privacy Protection]. *SMU Law Review*. 2024;(2(77)):440–476. DOI: 10.25172/smulr.77.2.8.
18. Thomas Wright. [Reformation of the right of Publicity]. *Belmont Law Review*. 2021;(1(9)):37–61.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Schennikova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ И ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВА В УК РФ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Куфлева В.Н.*, Уварова А.К.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040),

Ссылка для цитирования: Куфлева В.Н., Уварова А.К. Террористическое и преступное сообщества в УК РФ: сходства, различия и проблемы квалификации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):83–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-83-91>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Куфлева Валентина Николаевна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: val_swatsh@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 21.07.2026

Статья принята к печати: 19.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: В статье сопоставляются два внешне схожих состава – организация преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) и организация террористического сообщества (ст. 205⁴ УК РФ), где на основе законодательных норм, доктринальных положений и судебной практики выявлены их сходства и различия, а также исследуются вопросы конкуренции норм и их разграничения.

Цель работы: исследовать указанные виды криминальных сообществ и их уголовно-правовую оценку. **Задачи** включают изучение законодательных положений, судебной практики и научных подходов к оценке террористического и преступного сообществ, сравнение объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205⁴ и 210 УК РФ, выявление сходств и различий между ними, установление существующих проблем квалификации и предложение путей их решения.

В исследовании использовались такие *методы*, как анализ, обобщение, формально-юридический, а также метод толкования норм права и ряд других.

Результаты исследования. Несмотря на внешнее сходство, террористическое и преступное сообщества обладают целым рядом различий, что позволило законодателю предусмотреть для них самостоятельные составы преступлений.

Вывод. Авторами подчеркивается необходимость дальнейшего разграничения указанных видов криминальных сообществ и более детальной разработки критериев преодоления конкуренции анализируемых правовых норм.

Ключевые слова: преступное сообщество, террористическое сообщество, организованная группа, структурированность, цель, квалификация, конкуренция норм.

TERRORIST AND CRIMINAL COMMUNITIES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Valentina N. Kufleva*, Anastasiya K. Uvarova,
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kufleva V.N., Uvarova A.K., Terrorist and criminal communities in the Criminal Code of the Russian Federation: similarities, differences and problems of qualification. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):83–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-83-91>

CONTACT INFORMATION:

Valentina N. Kufleva*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: val_swatch@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 21.07.2026

The article has been accepted for publication: 19.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The article compares two externally similar structures – the organization of a criminal community (Article 210 of the Criminal Code) and the organization of a terrorist community (Article 205⁴ of the Criminal Code), where their similarities and differences are identified on the basis of legislative norms, doctrinal provisions and judicial practice, as well as the issues of competition of norms and their differentiation.

The *purpose* of the work is to investigate these types of criminal communities and their criminal law assessment. The *tasks* include studying legislative provisions, judicial practice, and scientific approaches to assessing terrorist and criminal communities, comparing objective and subjective signs of crimes under Articles 205⁴ and 210 of the Criminal Code, identifying similarities and differences between them, identifying existing qualification problems, and suggesting ways to solve them.

The research used such *methods* as analysis, generalization, formal legal, as well as the method of interpretation of legal norms and a number of others.

Results. Despite the external similarities, the terrorist and criminal communities have a number of differences, which allowed the legislator to provide for independent crimes for them.

Conclusion. The authors emphasize the need for further differentiation of these types of criminal communities and a more detailed development of criteria for overcoming competition of the analyzed legal norms.

Keywords: criminal community, terrorist community, organized group, structuredness, purpose, qualification, competition of norms.

Введение

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), выделяя в ст. 35 различные формы соучастия в преступлении, предусматривает как в Общей, так и в Особенной частях специальные нормы для наиболее опасных их видов, в частности, для преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ), террористического сообщества (ст. 205⁴ УК РФ) и экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ). Данная проблематика уже была предметом исследований ряда авторов [6; 7; 9; 10; 17], однако вопросы верного определения и разграничения указанных видов сообществ между собой до сих пор не нашли своего разрешения в науке и практике.

Методы исследования

Исследование уголовной ответственности за организацию и участие в преступном и

террористическом сообществе осуществлялось посредством комплексного применения различных общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права) методов, что позволило достичь углубленного осмысления рассматриваемых вопросов.

Результаты исследования

Проанализировав сходства и различия преступного и террористического сообществ, было установлено, что они в большей степени совпадают по объективным признакам, а различаются – по субъективным. При полном совпадении объектов различия кроются в объективной стороне: применительно к террористическому сообществу перечень альтернативных действий, ее образующих, заметно уже, чем в отношении преступного сообщества (преступной организации). Более того, само определение одной и другой форм криминальных объединений не совпадает. Если преступное сообщество (преступная организация) представляет собой особую форму соучастия, то относительно террористического сообщества в доктрине отсутствует единое мнение по данному вопросу.

Также рассмотрев существующий подход к пенализации организации и участия в террористическом сообществе было отмечено, что установление в санкции ст. 205⁴ УК РФ более строгого наказания, чем это предусмотрен в ст. 210 УК РФ, является верным и соответствующим провозглашенным тенденциям усиления борьбы с проявлениями терроризма.

Научная дискуссия

Для установления сходства и различий между указанными формами преступных объединений, в первоочередном порядке надлежит исследовать актуальные нормативные дефиниции указанных сообществ. Следует отметить, что ст. 210 УК РФ существует с момента его принятия, однако Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ¹ существенно изменил определение преступного сообщества, в том числе основанное на положениях, закрепленных в Общей части УК РФ. Еще в 2009 г. законодатель заменил использовавшийся в ч. 4 ст. 35 УК РФ термин «сплоченная организованная группа» на «структурированная организованная группа или объединении организованных групп», которые действуют под единым руководством, а их участники объединены целью совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Однако новая редакция породила новые проблемы толкования и применения данной нормы [11, с. 195].

Как представляется, преступное сообщество должно обладать всеми свойствами организованной группы и объективироваться вовне в виде структурированной организованной группы либо объединения таких групп. В литературе отмечается, что «организованная преступная группа является ядром организованной преступности, а преступное сообщество (преступная организация) выступает в виде усложненной организованной группы или объединения нескольких таких преступных групп» [12, с. 162].

Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 3 постановления от 10 июня 2010 г. № 12² конкретизировал признаки структурированности, которые, помимо единого руководства, предполагают взаимодействие различных подразделений группы в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Таким образом, структурированная организованная группа должна обладать следующими признаками: 1) наличие структурных подразделений; 2) единство руководства ими; 3) согласованность действий подразделений; 4) иерархичность [15, с. 278]. Еще одним признаком преступного сообщества (преступной организации) выступает вышеупомянутая цель создания.

В свою очередь, в ст. 205⁴ УК РФ, появившейся в 2013 г.³, законодатель определяет

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 (ред. от 21.05.2026) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.11.2013 г. № 302-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

террористическое сообщество как устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Пленум Верховного Суда РФ уточняет, что для признания организованной группы террористическим сообществом не требуется предварительного судебного решения о ликвидации организации в связи с осуществлением террористической деятельности¹.

Исходя из представленного определения, можно заметить, что применительно к террористическому сообществу закон не требует обязательной структурированности – достаточно устойчивости и специальной цели. Изложенное позволило Д.К. Бокову прийти к выводу, что террористическое сообщество представляет собой разновидность организованной группы². Аналогичную позицию высказывают и другие исследователи, в частности П.В. Агапов [3, с. 25] и С.А. Пичугин [14, с. 66].

В свою очередь, А.Н. Аулов полагает, что террористическое сообщество представляет собой относительно самостоятельную форму соучастия, поскольку предусмотренные в ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ признаки имеют «уникальное» содержание, не закрепленное в нормах Общей части уголовного закона о соучастии [5, с. 142]. На смешение разных форм соучастия – организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) – обращают внимание А.М. Абдулатипов [1, с. 93] и В.И. Гладких. Последний отмечает, что понятие террористического сообщества наделено таким признаком организованной группы, как устойчивость, между тем как главным признаком преступного сообщества (преступной организации) является ее структурированность [8, с. 36]. М.И. Сипки подчеркивает, что хотя террористическое сообщество и создается для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, оно не может рассматриваться как преступное сообщество, поскольку может совершать преступления и не для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [16, с. 177].

Анализ объективных признаков рассматриваемых преступлений свидетельствует, что по объекту посягательства они совпадают. В качестве такового выступает общественная безопасность³, под которой согласно Концепции общественной безопасности в Российской Федерации понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера⁴.

Объективная сторона организации террористического сообщества и участие в нем (ст. 205⁴ УК РФ) характеризуется следующими альтернативными действиями:

1) создание террористического сообщества – совершение лицом действий, связанных с подысканием будущих участников объединения, вступлением с ними в сговор, обеспечением формирования оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, транспортными средствами, планированием деятельности, и проч. Такое преступление будет считаться оконченным с момента фактического образования террористического сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в указанных в законе целях;

2) руководство таким сообществом, которое предполагает действия создателя или иного лица, принявшего на себя руководство уже сформированным объединением, по осуществлению управленческих функций в отношении такого сообщества в целом или отдельных его членов и организации его деятельности как при совершении конкретных преступлений террористической направленности, так и при обеспечении деятельности сообщества. Такое руководство может выражаться, в частности, в разработке общих планов деятельности террористического сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений террористической направленности, в

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Боков Д.К. Уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2026. С. 317–318.

³ Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2015. С. 424.

⁴ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации 14.11.2013 г. № Пр-2685 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных перед террористическим сообществом (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов террористического сообщества);

3) руководство его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями;

4) участие в террористическом сообществе предполагает вхождение лица в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений, указанных в ст. 205⁴ УК РФ, участие в подготовке к совершению указанных преступлений или в совершении таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т.п.). Преступление в форме участия лица в террористическом сообществе считается оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо указанных преступлений.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, образуют следующие альтернативные действия:

1) создание сообщества для совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, т.е. осуществление организаторских действий в интересах образования соответствующего объединения (сговор, подыскание соучастников, приобретение оружия, материальное обеспечение, разработка планов и распределение ролей между членами сообщества). Преступление будет признаваться оконченным с момента фактического создания объединения, готового к осуществлению соответствующей деятельности;

2) руководство сообществом или входящими в него структурными подразделениями, под которым понимается управление преступным объединением или его подразделением, с четким распределением ролей между преступниками, жесткой дисциплиной, иерархией. Руководитель, как правило, тщательно планирует преступные акции, поддерживает связи с высокопоставленными должностными лицами, обеспечивает систему контроля за сообщниками, поддерживает криминальную субкультуру, отдает приказы, распределяет роли. К функциям руководителя сообщества следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам сообщества по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов сообщества в государственные, в том числе правоохранительные, органы. Преступление в этой форме будет признаваться оконченным с момента начала осуществления функций руководителя;

3) координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними. Под координацией преступных действий Пленум Верховного Суда РФ рекомендует понимать их согласование между несколькими организованными группами, входящими в сообщество, в целях совместного совершения запланированных преступлений. Создание устойчивых связей между такими группами предполагает, например, действия лица по их объединению в целях осуществления совместных действий по планированию, совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Ответственность за указанные деяния наступает с момента фактического установления контактов и взаимодействия в целях совершения соответствующих преступных действий;

4) участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Уголовная ответственность наступает в тех случаях, когда на таком собрании совместно обсуждались вопросы, связанные с планированием или организацией совершения деяний, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ;

5) участие в сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ), т.е. членство в нем, участие в совершаемых преступным объединением посягательствах, финансирование его деятельности, предоставление документации, установление неформальных контактов с работниками правоохранительных органов и др. [18, с. 83] Преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного тяжкого или особо тяжкого преступления или иных конкретных действий по обеспечению деятельности

сообщества.

Субъективная сторона обоих рассматриваемых преступлений характеризуется прямым умыслом и специальной целью.

В науке высказываются и другие мнения. Так, Д.К. Боков утверждает, что самостоятельные составы соучастия в террористических преступлениях не предполагают столь строгих субъективных оснований уголовной ответственности, которых требует классическое соучастие, в связи с чем конкретизация умысла не требуется даже в части базовых характеристик вида террористического объединения (таких как террористическое сообщество)¹.

В ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ цель характеризуется как осуществление террористической деятельности либо подготовка или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. П.В. Агапов справедливо отмечает, что главным критерием, позволяющим отнести преступление к категории террористических, выступает цель его совершения – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. «При отсутствии данной цели становится невозможным признать конкретное общественно опасное деяние террористическим» [4, с. 29].

На наличие такой цели может указывать, в частности, совершение умышленных действий, направленных на создание условий для осуществления террористической деятельности либо указанных преступлений или свидетельствующих о готовности террористического сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники сообщества запланированное преступление. О готовности террористического сообщества к осуществлению террористической деятельности или совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности между его участниками о содействии террористической деятельности, публичном оправдании терроризма и т.д.

Несколько иначе формулируется цель в ст. 210 УК РФ – как совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Вместе с тем в корреспондирующей данной норме и выступающей основой для ее применения ч. 4 ст. 35 УК РФ, кроме того, указывается, что целью совершения преступным сообществом одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений является получение, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды [17, с. 89].

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 10 июня 2010 г. № 12 разъясняет, что под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п. Под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами.

Для обоих рассматриваемых преступлений субъект является общим, однако возраст, с которого наступает ответственность, различается. Так, за организацию террористического сообщества и участие в нем лицо подлежит уголовной ответственности с 14 лет, а за организацию и участие в преступном сообществе – с 16. В этом случае лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами преступного сообщества (преступной организации) конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те из них, ответственность за совершение которых предусмотрена законом (ст. 20 УК РФ) с 14-летнего возраста (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12).

В этой связи интересным представляется проследить эволюцию последовательного снижения возраста уголовной ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем.

---

¹ Боков Д.К. Указ. соч. С. 163.

В 2016 г.¹ ч. 2 ст. 20 УК РФ была дополнена указанием на участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ), т.е. ответственность с 14 лет наступала только за это деяние. И лишь в 2025 г.² возраст был понижен и за организацию террористического сообщества. При этом видится дисбаланс в законодательном подходе к дифференциации ответственности применительно к террористическому и преступному сообществам. Думается, что требуется унифицировать подход, и в вопросе возраста субъекта террористического и преступного сообщества, подняв возраст в обоих случаях до 16 лет.

Таким образом, исследовав оба состава преступления, можно заключить, что они в большей степени совпадают по объективным признакам, а различаются – по субъективным. При полном совпадении объектов различия кроются в объективной стороне: применительно к террористическому сообществу перечень альтернативных действий, ее образующих, заметно уже, чем в отношении преступного сообщества (преступной организации). Более того, само определение одной и другой форм криминальных объединений не совпадает. Если преступное сообщество (преступная организация) представляет собой особую форму соучастия, то относительно террористического сообщества в доктрине отсутствует единое мнение по данному вопросу.

Ключевые различия, как уже было указано, заключаются в возрасте субъектов и различных целях функционирования этих сообществ, поскольку террористические сообщества не обязательно и не всегда преследуют материальную или финансовую выгоду [13, с. 89].

В доктрине поднимается вопрос о возможности вменения по совокупности ст. 210 и ст. 205⁴ УК РФ, при этом большинство исследователей сходятся во мнении, что совокупность здесь исключается, «так как по логике террористическое сообщество может быть только специальной нормой по отношению к сравниваемой с ним норме» [2, с. 495].

При этом в случае совершения в составе сообщества (как преступного, так и террористического) каких-либо иных преступлений, подлежит вменению их совокупность по ч. 2 ст. 210 или ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи УК РФ с учетом квалифицирующего признака «организованная группа». Если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, то действия лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 210 или ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ и соответствующей части (пункту) статьи УК РФ, предусматривающей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц». В случае если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, группой лиц по предварительному сговору или группой лиц, действия лица необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 210 или 205⁴ УК РФ и соответствующей статье УК РФ. На это ориентирует Верховный Суд РФ в постановлениях Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 (п. 16) и от 9 февраля 2012 г. № 1 (п. 22⁵).

Следует отметить, что в ст. 210 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), а в ст. 205⁴ УК РФ законодатель счел возможным выделить в отдельную норму, по его мнению, особую разновидность сообщества – террористическое сообщество. При этом с учетом очевидно повышенной общественной опасности создания террористических сообществ санкция за их организацию существенно строже³, чем за организацию «обычного» преступного сообщества в рамках ст. 210 УК РФ.

За создание преступного сообщества (преступной организации) либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координацию действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработку планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет. Аналогичным образом отвечают участники собрания организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.11.2025 г. 420-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Сравнению будут подлежать только основные виды наказания за неквалифицированные составы преступлений.

преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных в ст. 210 УК РФ преступлений. Участники преступного сообщества (преступной организации) несут ответственность в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет.

В свою очередь, создание террористического сообщества, а равно руководство террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями наказываются лишением свободы на срок от 15 до 20 лет, участие в таком сообществе – лишением свободы на срок от 10 до 15 лет, что существенно превышает санкцию за аналогичные действия в отношении преступного сообщества (преступной организации) в ст. 210 УК РФ.

Как представляется, такой подход к пенализации организации и участия в террористическом сообществе является верным и соответствующим провозглашенным тенденциям усиления борьбы с проявлениями терроризма.

Список использованной литературы:

1. Абдулатипов А.М. Организация террористического сообщества и участие в нем (уголовно-правовые аспекты). *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2016;(2):91–99.
2. Абдулатипов А.М., Магомедов Ш.Р., Урумов А.В. Проблемы разграничения организации террористического сообщества и участия в нем от смежных составов преступлений. *Образование и право*. 2023;(11):492–499.
3. Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения. *Российская юстиция*. 2015;(7):23–25.
4. Агапов П.В. Ответственность за преступления террористической направленности: совершенствование законодательства и практики его применения. *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2018;(2(64)):28–36.
5. Аулов А.Н. О понятии террористического сообщества. *Общество: политика, экономика, право*. 2016;(3):140–143.
6. Боков Д.К. Нормы об ответственности за создание и организацию деятельности террористических объединений (статьи 205.4, 205.5, 208 Уголовного кодекса Российской Федерации): перспективы совершенствования. *Российский журнал правовых исследований*. 2026;(1(13)):15–20.
7. Бурков Н.В. Актуальные проблемы понимания форм соучастия в преступлении и их регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации. *Алтайский юридический вестник*. 2026;(2(54)):141–148.
8. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ. *Российский следователь*. 2014;(5):34–38.
9. Князькина А.К. Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма как основание криминализации «сопутствующих» террористических преступлений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2018;(1):16–18.
10. Князькина А.К. Криминализация «сопутствующих» террористических преступлений в международных актах и УК РФ. *Юридический*

References:

1. Abdulatipov A.M. [Organization of a terrorist community and participation in it (criminal law aspects)]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of Dagestan State University*. 2016;(2):91–99. (In Russ.)]
2. Abdulatipov A.M., Magomedov Sh.R., Urumov A.V. [The problems of distinguishing the organization of a terrorist community and participation in it from related crimes]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2023;(11):492–499. (In Russ.)]
3. Agapov P.V. [Organization of a terrorist community and participation in it: problems of criminalization and law enforcement]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian justice*. 2015;(7):23–25. (In Russ.)]
4. Agapov P.V. [Responsibility for terrorist crimes: improvement of legislation and practice of its application]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury` Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2018;(2(64)):28–36. (In Russ.)]
5. Aulov A.N. [On the concept of a terrorist community]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2016;(3):140–143. (In Russ.)]
6. Bokov D.K. [Norms on responsibility for the creation and organization of terrorist associations (Articles 205.4, 205.5, 208 of the Criminal Code of the Russian Federation): prospects for improvement]. *Rossiyskij zhurnal pravovykh issledovanij = Russian Journal of Legal Research*. 2026;(1(13)):15–20. (In Russ.)]
7. Burkov N.V. [Actual problems of understanding the forms of complicity in crime and their regulation in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Altajskij yuridicheskij vestnik = Altai Law Bulletin*. 2026;(2(54)):141–148. (In Russ.)]
8. Gladkix V.I. [New legal mechanisms for countering terrorism: a critical analysis]. *Rossiyskij sledovatel = The Russian investigator*. 2014;(5):34–38. (In Russ.)]
9. Knyazkina A.K. [Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism as a basis for criminalizing «related» terrorist crimes]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of Kuban State University*. 2018;(1):16–18. (In Russ.)]
10. Knyazkina A.K. [Criminalization of «related» terrorist crimes in international acts and the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo*

вестник Кубанского государственного университета. 2018;(2):89–93.

11. Комиссаров В.С. Кузнецов А.П., Сучков Ю.И. Ответственность за деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной организацией): проблемы и пути разрешения. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011;(1(14)):194–200.

12. Коновалова Е.А., Есина А.С. Сравнительно-правовой анализ категории «организованная преступная группа». *Вестник Московского университета МВД России*. 2021;(6):161–165.

13. Куфлева В.Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений. *Общество и право*. 2015;(1(51)):89–93.

14. Пичугин С.А. Организация террористического сообщества и участие в нем по российскому уголовному законодательству: вопросы нормативной регламентации и практики правоприменения. *Legal Bulletin*. 2022;(3):62–70.

15. Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Признаки преступного сообщества (преступной организации) сквозь призму международного и отечественного уголовного права. *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург; 2025.

16. Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы. *Актуальные проблемы российского права*. 2017;(2):175–182.

17. Скотинина В.Н. Определение преступного сообщества: международный опыт. *Российское правосудие*. 2012;(3(71)):88–91.

18. Скотинина В.Н. Участие в преступном сообществе (преступной организации): отечественный, зарубежный и международный подходы в квалификации. *Российское правосудие*. 2008;(9(29)):82–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куфлева Валентина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0001-6432-9452

Уварова (Князькина) Анастасия Константиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6198-5208

gosudarstvennogo universiteta = *Law Bulletin of Kuban State University*. 2018;(2):89–93. (In Russ.)]

11. Komissarov V.S. Kuznecov A.P., Suchkov Yu.I. [Responsibility for acts committed by a criminal community (criminal organization): problems and solutions]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011;(1(14)):194–200. (In Russ.)]

12. Konovalova E.A., Esina A.S. [Comparative legal analysis of the category «organized criminal group»]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(6):161–165. (In Russ.)]

13. Kufleva V.N. [Issues of distinguishing the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her) with related crimes]. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2015;(1(51)):89–93. (In Russ.)]

14. Pichugin S.A. [Organization of a terrorist community and participation in it under Russian criminal law: issues of regulatory regulation and law enforcement practice]. *Legal Bulletin*. 2022;(3):62–70. (In Russ.)]

15. Prokhorova M.L., Kufleva V.N. [Signs of a criminal community (criminal organization) through the prism of international and domestic criminal law]. *Ugolovnoe zakonodatelstvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Criminal law: yesterday, today, tomorrow. Proceedings of the annual International Scientific and practical Conference*. Sankt-Peterburg; 2025. (In Russ.)]

16. Sipki M.V. [Criminal liability for the creation of a terrorist community and participation in it: disadvantages and prospects]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava = Aktual problems of Russian law*. 2017;(2):175–182. (In Russ.)]

17. Skotinina V.N. [Definition of a criminal community: international experience]. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*. 2012;(3(71)):88–91. (In Russ.)]

18. Skotinina V.N. [Participation in a criminal community (criminal organization): domestic, foreign and international approaches to qualification]. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*. 2008;(9(29)):82–88. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina N. Kufleva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0001-6432-9452

Anastasiya K. Uvarova (Knyazkina)

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-6198-5208

РОЗЫСК ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В РАМКАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одиназода И.А.

Академия МВД Республики Таджикистан
(Мастонгулова ул., д. 3, г. Душанбе, Республика Таджикистан, 734024)
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Одиназода И.А Розыск лиц, пропавших без вести, как основание для ограничения конституционных прав в рамках оперативно-розыскной деятельности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):92–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-92-101>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Одиназода Исфандиер Ахмад, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.08.2026

Статья принята к печати: 31.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: В статье произведен анализ проблематики розыска лиц, пропавших без вести, как самостоятельного основания для ограничения конституционных прав в рамках оперативно-розыскной деятельности. Автор констатирует несоответствие между фактическим содержанием розыскных мероприятий и действующей правовой моделью их судебного санкционирования. В статье продемонстрировано, что розыск без вести пропавших лиц по своему целевому назначению не сводится к раскрытию преступлений, но объективно предполагает применение оперативно-розыскных средств, предполагающих ограничение тайны частной жизни, переписки и коммуникаций. В условиях цифровизации розыскная деятельность все в большей степени опирается на анализ данных геолокации и цифровых следов. Особое внимание уделяется роли судебного разрешения как предварительного механизма легитимации такого вмешательства и условия последующей процессуальной пригодности полученной информации в уголовном судопроизводстве. Обосновывается вывод о непоследовательности норм оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, что выражается в ограниченном признании отдельных форм вмешательства, но без пересмотра исходной конструкции оснований оперативно-розыскной деятельности. Формулируется предложение о включении сведений о пропаже без вести лица в перечень обстоятельств, при наличии которых допускается ограничение конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на основании судебного решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск без вести пропавших лиц, ограничение конституционных прав, судебное разрешение, тайна частной жизни, цифровые следы.

THE SEARCH FOR MISSING PERSONS AS A BASIS FOR THE RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS IN THE FRAMEWORK OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Isfandiyor A. Odinzoda

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan
(Mastongulov str., 3, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024)
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Odinzoda I.A. The search for missing persons as a basis for the restriction of constitutional rights in the framework of operational search activities. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):92–101. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-92-101>

CONTACT INFORMATION:

Isfandiyor A. Odinzoda, Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.08.2026

The article has been accepted for publication: 31.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The article analyzes the issues of searching for missing persons as an independent basis for restricting constitutional rights in the framework of operational search activities. The author notes the discrepancy between the actual content of the search activities and the current legal model of their judicial authorization. The article demonstrates that the search for missing persons for its intended purpose is not limited to the detection of crimes, but objectively involves the use of operational investigative means involving the restriction of privacy, correspondence and communications. In the context of digitalization, investigative activities increasingly rely on the analysis of geolocation data and digital footprints. Special attention is paid to the role of judicial authorization as a preliminary mechanism for legitimizing such interference and as a condition for the subsequent procedural suitability of the information obtained in criminal proceedings. The conclusion is substantiated about the inconsistency of the norms of the operational investigative legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, which is expressed in the limited recognition of certain forms of interference without revising the initial design of the grounds for operational investigative activities. The article formulates a proposal to include information about a missing person in the list of circumstances in which constitutional rights may be restricted in the implementation of operational search measures based on a court decision.

Keywords: operational search activity, search for missing persons, restriction of constitutional rights, judicial permission, privacy, digital traces.

Введение

Традиционная модель получения судебного разрешения на производство оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права личности, формировалась в логике, тесно связанной с уголовно-правовым представлением о целях и задачах вмешательства государства в сферу частной жизни. В ее основе лежит допущение о том, что ограничение конституционных прав оправдано, прежде всего, необходимостью противодействия преступлению, уже совершенному либо подготавливаемому, а также защитой интересов государственной и общественной безопасности.

Поэтому в оперативно-розыском законодательстве формализован закрытый перечень обстоятельств, при наличии которых допустимо проведение мероприятий, затрагивающих тайну частной жизни, переписки и коммуникаций. Триада обстоятельств, информация о наличии которых выступает условием для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права, представлена информацией о противоправном деянии, лице (лицах) его готовящем или совершающем, а также о событии и деяниях, угрожающих национальной безопасности (ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹; ст. 8 Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»²).

Однако уже на уровне внутренней логики правового регулирования обнаруживается, что данная модель изначально носит редукционистский характер и исходит из презумпции уголовно-правовой релевантности любой информации, получаемой в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), тем самым подменяя многообразие фактических задач ОРД единым уголовно-ориентированным вектором. Между тем сама структура оперативно-розыскной деятельности допускает более широкий спектр целей, не сводимых к обеспечению уголовного преследования. Как указывают А.В. Шахматов и Р.В. Глубоковских, «речь идет о розыске известного установленного лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления либо лица, пропавшего без вести, тогда как розыск в широком смысле рассматривается как комплекс мероприятий, первым из которых является установление личности, подлежащей розыску» [17, с. 119]. В.А. Семенцов считает, что розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, служит самостоятельным направлением использования результатов оперативно-розыскной деятельности [15, с. 85].

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости включения розыска без вести пропавших лиц в перечень оснований для ограничения конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на основании судебного решения.

Методы исследования

Исследование основано на анализе действующего оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации (Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») и Республики Таджикистан (Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности»), а также научной литературы по вопросам оперативно-розыскной деятельности, розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел, конституционного и уголовно-процессуального права.

Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ нормативных конструкций оснований для ограничения конституционных прав при проведении ОРМ), сравнительно-правовой метод (сопоставление законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан), системно-структурный метод (исследование места розыска без вести пропавших лиц в системе задач ОРД), а также метод телеологического толкования (анализ целевого назначения судебного санкционирования в контексте розыскной деятельности).

Результаты исследования

Проведенный анализ с использованием вышеуказанных методов позволил получить основные результаты, раскрывающие суть исследуемой проблемы. В ходе исследования выявлено фундаментальное противоречие, лежащее в основе правового регулирования розыска пропавших без вести лиц: несоответствие гуманитарной цели этой деятельности и оперативно-розыскного инструментария, применяемого для ее достижения. Сравнительный анализ целевых установок демонстрирует, что если уголовно-процессуальная деятельность направлена на ретроспективную реконструкцию события преступления, установление причинно-следственных связей и изобличение виновных, то розыск ориентирован на установление актуального местонахождения лица в настоящем времени. Это качественно иной целевой порядок, преследующий по своей сути гуманитарную цель – спасение человека. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, розыск без вести пропавших лиц фактически осуществляется с использованием того же арсенала оперативно-розыскных средств, что и расследование преступлений. Сбор сведений о круге общения, перемещениях, образе жизни, особенностях поведения и цифровой активности разыскиваемого объективно предполагает обращение к информации, составляющей охраняемую законом тайну

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 г. № 687 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

частной жизни, переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений и иных сообщений. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: деятельность, преследующая не уголовно-правовую, а гуманитарную цель, по своему инструментарию и степени вмешательства в частную жизнь оказывается сопоставимой с уголовным преследованием, но при этом осуществляется без тех же правовых оснований и процессуальных гарантий.

Научная дискуссия

Действующая модель получения судебного разрешения ориентирована на проверку формального соответствия заявленных оперативным подразделением целей установленному законом перечню. Судебное решение фактически выполняет роль процедурного допуска, не предполагающего анализа того, насколько конкретное оперативно-розыскное мероприятие по своему содержанию и последствиям сопоставимо с иными формами ограничения прав, уже подлежащих обязательному судебному контролю.

При этом сама идея судебного санкционирования в оперативно-розыскной деятельности изначально была призвана обеспечить баланс между интересами публичной безопасности и защитой конституционных прав личности. Такой баланс предполагает, что решающим фактором является не целевая направленность деятельности как таковой, а характер ограничений, которым подвергается конкретное лицо. Если вмешательство затрагивает сферу частной жизни в сопоставимом объеме, правовая форма его легитимации не может зависеть исключительно от того, включено ли соответствующее основание в уголовно-правовую триаду.

В условиях, когда оперативно-розыскная деятельность все чаще реализуется в пространстве, предшествующем уголовному судопроизводству и не совпадающем с ним по своим задачам, традиционная модель судебного санкционирования демонстрирует ограниченную применимость. Она не учитывает переходный характер значительной части оперативной информации, которая может не иметь уголовно-правового значения на момент получения, но приобрести его впоследствии.

Именно в этой точке проявляется необходимость пересмотра исходных предпосылок модели судебного санкционирования. Как отмечает П.И. Иванов, «успешное решение задач розыскной и идентификационной деятельности немислимо без предварительного научного осмысления ее сущности, содержания, места и роли в системе оперативно-розыскной деятельности» [5, с. 86]. Речь идет не о расширении полномочий оперативных подразделений и не о снижении уровня конституционных гарантий, а о смещении фокуса с формального основания вмешательства на его фактическое содержание. Такой сдвиг позволяет рассматривать судебное разрешение как универсальный механизм предварительной легитимации ограничений прав, независимо от того, вписывается ли конкретная ситуация в традиционную уголовно-правовую конструкцию.

В противном случае оперативно-розыскная деятельность продолжит развиваться в условиях нормативного несоответствия, при котором интенсивность вмешательства в частную сферу опережает возможности его правового осмысления.

Розыск без вести пропавших лиц в системе оперативно-розыскной деятельности занимает положение, которое с трудом описывается средствами традиционной уголовно-процессуальной науки. Его целевая направленность изначально не связана с установлением события преступления, формированием доказательственной базы либо изобличением виновных. По мнению П.И. Иванова, «установление местонахождения пропавших без вести граждан, идентификация неопознанных трупов и розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, образуют единую системную совокупность» [6, с. 155]. В центре розыскной активности находится иная задача – установление местонахождения конкретного лица при утрате с ним связи и отсутствии достоверных сведений о причинах такого исчезновения. Уже это обстоятельство позволяет говорить о качественно ином целевом порядке розыскной деятельности по сравнению с деятельностью, ориентированной на раскрытие преступлений.

Сложность правовой оценки розыска без вести пропавших лиц обусловлена тем, что он разворачивается в зоне неопределенности. На момент начала розыскных мероприятий отсутствуют данные, позволяющие уверенно квалифицировать ситуацию как уголовно-правовую. Проверка версии о возможном преступлении составляет лишь одну из гипотез, наряду с иными объяснениями исчезновения, которые могут носить непреднамеренный, социальный либо личностный характер. В рамках действующего регулирования розыск без вести пропавших лиц формально включается в сферу оперативно-розыскной деятельности, хотя его функциональная логика остается отличной от логики уголовного преследования.

Раскрытие преступления предполагает ретроспективную реконструкцию события, установление причинно-следственных связей и установление ответственности виновных лиц. Розыск, напротив, ориентирован на актуальное состояние объекта и направлен на локализацию его местонахождения в настоящем времени. Как указывают А.Ф. Майдыков, А.А. Майдыков и А.В. Парфенов, «задачи оперативно-розыскной деятельности выходят за границы уголовного судопроизводства, включая розыск без вести пропавших лиц, что при этом не получает надлежащего нормативного отражения» [11, с. 353].

Несмотря на различие целей, розыск без вести пропавших лиц фактически осуществляется с использованием тех же оперативно-розыскных инструментов, что и деятельность по выявлению и раскрытию преступлений. Сбор сведений о контактах, перемещениях, образе жизни, цифровой активности разыскиваемого лица объективно предполагает обращение к информации, затрагивающей сферу частной жизни.

Такое совпадение инструментов при расхождении целей порождает методологическое напряжение внутри правового регулирования. Законодательная модель, ориентированная на уголовно-правовую триаду, оказывается неспособной адекватно описать ситуацию, в которой ограничение прав осуществляется не ради противодействия преступлению, а в интересах установления местонахождения лица и предотвращения возможных негативных последствий его исчезновения.

Дополнительное усложнение вносит то обстоятельство, что розыск без вести пропавших лиц нередко выполняет функцию предварения уголовного судопроизводства. По мере накопления информации версия о преступлении может получить подтверждение, после чего розыскная деятельность трансформируется в расследование. Вместе с тем на начальном этапе эта перспектива остается лишь вероятностной. Тем не менее, именно на этой стадии закладывается информационный массив, который в дальнейшем может приобрести процессуальное значение. Отсюда следует, что автономия розыска не устраняет его связи с уголовным процессом.

Рассмотрение розыска без вести пропавших лиц как деятельности иного целевого порядка позволяет по-новому поставить вопрос о правовых основаниях оперативного вмешательства. Если исходить из того, что решающим является не формальная направленность деятельности, а характер ограничений, которым подвергается лицо, то розыск не может рассматриваться как второстепенное или вспомогательное направление ОРД. Розыск представляет собой самостоятельный сегмент оперативной активности, требующий собственной нормативной логики и сопоставимого уровня правовых гарантий. Именно это обстоятельство обеспечивает переход к анализу ограничения конституционных прав, которое сопровождает розыск без вести пропавших лиц независимо от его исходной цели.

Фактическое ограничение конституционных прав при розыске без вести пропавших лиц проявляется не как побочный эффект оперативной деятельности, а как ее структурное свойство. Уже на первоначальном этапе розыска формируется потребность в получении сведений, которые по своему содержанию затрагивают сферу частной жизни разыскиваемого лица, его коммуникации, перемещения и социальные связи [1; 10]. Эта потребность не обусловлена произвольным выбором оперативных подразделений, а вытекает из самой логики поиска, ориентированного на восстановление утраченной связи с конкретным человеком.

Сбор информации при розыске неизбежно выходит за пределы формально нейтральных данных. Установление круга контактов, анализ маршрутов передвижения, выявление устойчивых моделей поведения предполагают обращение к сведениям, которые в обычных условиях остаются недоступными третьим лицам. В этом смысле розыскная деятельность не ограничивается фиксацией внешних обстоятельств исчезновения, а затрагивает внутреннее пространство частной жизни, включая особенности повседневной активности, неочевидные социальные взаимодействия и индивидуальные практики использования средств связи и цифровых сервисов [12].

Особенность данной ситуации состоит в том, что вмешательство в сферу конституционных прав осуществляется вне четко очерченного уголовно-правового конфликта. На момент начала розыска отсутствует процессуальное решение, способное задать рамки допустимости вмешательства, а само лицо не обладает статусом участника уголовного судопроизводства. Тем не менее, объем собираемой информации и способы ее получения сопоставимы с теми, которые применяются при расследовании преступлений. Е.В. Буряков акцентирует внимание на том, что «первичная проверка поступивших материалов о розыске начинается со сбора сведений о разыскиваемом лице в сети Интернет, что фактически становится исходной точкой розыскной работы» [2, с. 15]. В практическом

измерении фактическое ограничение прав проявляется через обращение к данным операторов связи, поставщиков цифровых услуг, транспортных и навигационных сервисов. Даже при отсутствии доступа к содержательной стороне коммуникаций анализ метаданных позволяет реконструировать модель поведения лица с высокой степенью детализации. Такая информация способна раскрывать не только маршруты и временные параметры перемещений, но и социальные предпочтения, интенсивность общения, характер взаимодействия с отдельными лицами. С.А. Закаев подчеркивает, что «розыск лиц, пропавших без вести, является одной из главных функций розыскной работы органов внутренних дел и относится к числу приоритетных направлений оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 189].

Принципиальным является и то обстоятельство, что получаемые сведения нередко затрагивают права неопределенного круга лиц. В процессе розыска анализируются коммуникации и контакты, в которые включены третьи лица, не имеющие отношения ни к исчезновению, ни к возможному преступлению. Их частная жизнь оказывается вовлеченной в сферу оперативного интереса опосредованно, без гарантий, сопоставимых с гарантиями в рамках уголовного судопроизводства.

Следовательно, при розыске без вести пропавших лиц ограничение конституционных прав носит не эпизодический, а системный характер и обусловлено не исключительными обстоятельствами, а самой природой розыскной деятельности в условиях цифровой среды. Игнорирование этого факта в нормативной модели приводит к ситуации, при которой интенсивное вмешательство в частную сферу осуществляется без адекватного правового основания и предварительной оценки его допустимости. Именно это обстоятельство выводит проблему розыска за рамки технических вопросов организации оперативно-розыскной деятельности [13; 16].

Современный розыск практически невозможен без обращения к цифровым следам, формируемым в процессе повседневной активности человека. В литературе справедливо указывается, что «современное развитие цифровых технологий происходит революционным путем. С каждым днем множатся их виды, способы и направления правового применения» [15, с. 89].

Использование мобильной связи, сетевых сервисов, навигационных приложений, платформ электронной коммуникации привело к тому, что значительная часть социального поведения фиксируется в форме данных, доступ к которым становится ключевым условием результативности поиска. Переход к цифровой среде изменил не только объем доступных сведений, но и характер вмешательства. Получение информации о местоположении, активности и коммуникациях человека сегодня осуществляется через использование средств информационной инфраструктуры государства, не вписывающихся в традиционные представления об оперативно-розыскных инструментах.

А.М. Карякин пишет: «мероприятия по розыску при поступлении заявления об исчезновении человека не могут полноценно проводиться без взаимодействия с оператором связи для получения сведений по абонентским номерам мобильной связи, что предусматривает получение решения суда» [8, с. 161].

Особенно показательным является ограниченность нормативной категории «абонентское устройство», предполагающая связь между конкретным физическим носителем и лицом, тогда как современная коммуникация носит распределенный характер. Использование нескольких устройств, виртуальных идентификаторов, облачных сервисов размывает границы между средством связи и цифровой средой в целом. В результате законодательство продолжает оперировать категориями, которые не отражают реальную совокупность информационных инструментов, используемых при розыске. Д.М. Кудра по этому поводу отмечает, что «действующее оперативно-розыскное законодательство не позволяет использовать снятие информации с технических каналов связи во всех случаях розыска лиц, пропавших без вести» [9, с. 132].

Законодатель фиксирует лишь отдельные технологически очевидные формы доступа к информации, оставляя за пределами правового регулирования значительный массив данных, фактически используемых в розыскной практике. Технологическая трансформация усиливает и временной аспект вмешательства. Розыск в цифровой среде предполагает непрерывный анализ обновляющихся данных, а не разовое обращение к источнику информации, и в этой части может помочь искусственный интеллект, возможность внедрения которого особенно остро дискутируется учеными [3, с. 89]. Вмешательство приобретает процессуальный характер, растянутый во времени, что плохо согласуется с моделью разового разрешения на проведение конкретного мероприятия. Технологические изменения не просто усложняют розыск без вести пропавших лиц, но выявляют структурную несостоятельность действующих правовых моделей.

Судебное разрешение в системе оперативно-розыскной деятельности традиционно рассматривается как гарантия соблюдения конституционных прав при осуществлении мероприятий, затрагивающих частную сферу. Между тем, в условиях розыска без вести пропавших лиц, его значение выходит за рамки абстрактной защитной функции. Речь идет о предварительной оценке допустимости той информации, которая может быть получена в ходе розыскных действий и в дальнейшем использована в уголовном судопроизводстве.

О.В. Гладышева и В.А. Семенцов считают, что «судебная деятельность, в большей своей части соответствующая указанному смыслу категории «контроль», будет иметь место в тех случаях, когда суду следует установить соответствие каких-либо процессуальных действий или решений требованиям уголовно-процессуального закона» [14, с. 64].

Особенность розыскной информации состоит в ее переходном характере. На момент получения она не ориентирована на доказывание по конкретному уголовному делу и не включена в процессуальную форму. Вместе с тем именно эта информация часто становится отправной точкой для возбуждения уголовного дела, определения направлений расследования и принятия ключевых процессуальных решений. Судебное разрешение выполняет функцию предварительного фильтра, позволяющего соотнести характер вмешательства с конституционными ограничениями еще до того, как информация будет встроена в «ткань» уголовного судопроизводства.

Отказ от судебного санкционирования на розыском этапе фактически переносит оценку допустимости информации на более поздний этап, когда вмешательство уже состоялось, а его последствия необратимы. В этих условиях суд, рассматривающий уголовное дело, оказывается поставленным перед фактом использования информации, полученной вне четко обозначенных правовых рамок. Судебное разрешение при розыске без вести пропавших лиц не направлено на придание деятельности уголовно-репрессивного характера, поскольку его назначение заключается в ином – в обеспечении процессуальной устойчивости информации, получаемой в условиях неопределенности. Судебная оценка на ранней стадии позволяет задать правовые пределы вмешательства и тем самым сохранить возможность последующей трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства по уголовному делу.

Законодатель, признавая фактическую необходимость обращения к сведениям, затрагивающим сферу частной жизни, вводит точечные разрешительные конструкции, не перестраивая при этом общую модель оснований для ограничения конституционных прав. Показательна эволюция российского законодательства. Введение специальных правил доступа к информации о соединениях абонентского устройства при розыске без вести пропавших лиц стало реакцией на практическую потребность, уже давно оформившуюся на уровне правоприменения. Однако выбранное решение не затронуло исходную конструкцию перечня оснований, при наличии которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права.

Новелла российского законодательства предоставила правоприменителю лишь доступ к информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства.

Такой подход порождает несколько следствий. Во-первых, он искусственно сужает объем допустимого вмешательства, связывая его с конкретным видом информации и игнорируя иные источники данных, без которых современный розыск утрачивает результативность. Во-вторых, формирует впечатление исчерпывающего правового решения, тогда как на практике остается значительный массив розыскных действий. В-третьих, усиливает зависимость правового режима вмешательства от технического способа получения сведений.

Непоследовательность проявляется и в том, что точечные новеллы не сопровождаются переосмыслением роли судебного разрешения. Судебная санкция оказывается привязанной к отдельным технологическим операциям, а не к розыскной деятельности как таковой. Как подчеркивает П.И. Иванов, «научно-теоретическое осмысление всех структурных элементов системы розыскной и идентификационной деятельности является необходимой предпосылкой для разработки современной модели, соответствующей реалиям сегодняшнего дня» [7, с. 348].

Переход к расширению перечня оснований ограничения конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности логически вытекает из выявленного несоответствия между фактическим содержанием розыскных мероприятий и их нормативной квалификацией. Речь идет не о добавлении нового «исключения» к уже существующим, а о

корректировке исходной конструкции. В этом смысле включение розыска без вести пропавших лиц в перечень таких оснований представляет собой шаг к восстановлению системной связности механизма правового регулирования. Оно позволяет нормативно зафиксировать ее автономный целевой характер при одновременном признании того факта, что используемые при розыске средства по своей интенсивности сопоставимы с иными формами вмешательства, уже подлежащими судебной легитимации.

Существенным является и то обстоятельство, что предлагаемое расширение устраняет необходимость прибегать к расширительному толкованию действующих оснований. Включение розыска без вести пропавших лиц в перечень условий проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права, позволяет отказаться от искусственного подведения розыскной активности под категории, не отражающие ее фактического содержания. Одновременно такое расширение создает правовые предпосылки для единообразного судебного подхода к оценке допустимости вмешательства.

Проведенный анализ позволяет выявить более глубокий разрыв между фактической практикой оперативно-розыскной деятельности и ее нормативным оформлением. Предлагаемая редакция нормы устраняет искусственное разграничение между розыскной и уголовно-ориентированной оперативной активностью, не стирая при этом различий между ними, с фиксацией розыска без вести пропавших лиц как самостоятельной ситуации, в которой допустимо ограничение конституционных прав, но при соблюдении судебной процедуры.

Рассмотрение розыска лиц, пропавших без вести, через призму ограничения конституционных прав позволит выявить более глубокий разрыв между фактической практикой оперативно-розыскной деятельности и ее нормативным оформлением. Предлагаемая редакция нормы устраняет искусственное разграничение между розыскной и уголовно-ориентированной оперативной активностью, не стирая при этом различий между ними, с фиксацией розыска без вести пропавших лиц как самостоятельной ситуации, в которой допустимо ограничение конституционных прав, но при соблюдении судебной процедуры.

В результате включения розыска без вести пропавших лиц в перечень оснований ограничения конституционных прав при осуществлении ОРМ позволит связать фактическое содержание розыскных мероприятий с механизмами их предварительной правовой легитимации.

Указание сведений о лицах, пропавших без вести, в перечне информации, наличие которой допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права, позволяет восстановить логическую последовательность регулирования. Основание вмешательства в этом случае соотносится с задачами оперативно-розыскной деятельности.

Для этого предлагается изложить п. 2 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 2 ч. 2 ст. 8 Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» в следующем виде: «о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а равно о лицах, пропавших без вести».

Список использованной литературы:

1. Артюхов А.В., Корнаухова Н.Г. Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести (по материалам Главного управления МВД России по Волгоградской области). *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2023;(1):101–107.
2. Буряков Е.В. Розыск в сети Интернет. *Оперативно-розыскное право*. 2020;(1):14–17.
3. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(1(16)):89–99.

References:

1. Artyukhov A.V., Kornaukhova N.G. [Organizational and legal framework for citizen participation in the search for missing persons (based on materials from the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region)]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):101–107. (In Russ.)]
2. Buryakov E.V. [Search on the Internet]. *Operativno-rozysknoe pravo = Operational-search law*. 2020;(1):14–17. (In Russ.)]
3. Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Loshkobanova Ya.V. Artificial Intelligence and Digital (Electronic) Evidence in Criminal Proceedings. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(1(16)):89–99. (In Russ.)]

4. Закаев С.А. Понятие и сущность организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по розыску лиц, пропавших без вести, в условиях контртеррористической операции и вооруженных конфликтов. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023;(2):188–192.
5. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел. *Философия права*. 2021;(3):86–90.
6. Иванов П.И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;(3):154–158.
7. Иванов П.И. Существенно-содержательная характеристика системы «розыскная и идентификационная деятельность», ее структура. *Аграрное и земельное право*. 2024;(10):347–350.
8. Карякин А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020;(2):158–164.
9. Кудра Д.М. Оперативно-розыскное мероприятие «снятие информации с технических каналов связи при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести». *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2020;(2):131–137.
10. Ложис З.З., Чупахин Р.В. Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести. *Российский следователь*. 2022;(4):23–27.
11. Майдыков А.Ф., Майдыков А.А., Парфенов А.В. Основные проблемы определенности норм права, регулирующих оперативно-розыскную деятельность в Российской Федерации. *Пробелы в российском законодательстве*. 2022;(5):349–358.
12. Николук В.В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий. *Российская юстиция*. 2024;(4):10–18.
13. Пупынин С.С., Парфенов А.В. Особенности розыска лиц, пропавших без вести. *Закон и право*. 2021;(4):156–158.
14. Семенов В.А., Гладышева О.В. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2012;(7):61–66.
15. Семенов В.А. Допрос оперативного сотрудника по законодательству России и Таджикистана. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(3(16)):79–88.
16. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Объективные оценки нравственности содействия оперативно-розыскным органам. *Труды Академии управления МВД России*. 2021;(3):139–147.
4. Zakayev S.A. [Concept and Essence of the Organization of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies to Search for Missing Persons in the Context of Counter-Terrorism Operations and Armed Conflicts]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*. 2023;(2):188–192. (In Russ.)]
5. Ivanov P.I. [Operational-Investigative Science of Search and Identification Activities of Internal Affairs Bodies]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2021;(3):86–90. (In Russ.)]
6. Ivanov P.I. [Search and Identification Activities as a Unified System: Point of View]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(3):154–158. (In Russ.)]
7. Ivanov P.I. [Substantial characteristics of the «search and identification activities» system, its structure]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;(10):347–350. (In Russ.)]
8. Karyakin A.M. [Features of conducting operational-search measures to find missing persons]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):158–164. (In Russ.)]
9. Kudra D.M. [Operational-search measure «removing information from technical communication channels during the search for missing persons»]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensic science: yesterday, today, tomorrow*. 2020;(2):131–137. (In Russ.)]
10. Lozhis Z.Z., [Chupakhin R.V. Actual problems of using geolocation data in the search for missing minors]. *Rossiiskij sledovatel' = Russian investigator*. 2022;(4):23–27. (In Russ.)]
11. Maidikov A.F., Maidikov A.A., Parfenov A.V. [Main problems of clarity of legal norms governing operational-investigative activities in the Russian Federation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2022;(5):349–358. (In Russ.)]
12. Nikolyuk V.V. [On judicial sanctioning of operational-investigative measures]. *Rossiiskaya yusticiya = Russian Justice*. 2024;(4):10–18. (In Russ.)]
13. Pupynin S.S., Parfenov A.V. [Specific Features of the search for missing persons]. *Zakon i parvo = Law and Order*. 2021;(4):156–158. (In Russ.)]
14. Semenov V.A., Gladysheva O.V. [The essence and directions of judicial activity in pre-trial criminal proceedings]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2012;(7):61–66. (In Russ.)]
15. Sementsov V.A. [Interrogation of an operational officer under the legislation of Russia and Tajikistan]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(3(16)):79–88. (In Russ.)]
16. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. [Objective assessments of the morality of assistance to operational-search agencies]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):139–

17. Шахматов А.В., Глубоковских Р.В. Понятие и содержание розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021;(2):118–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одиназода Исфандиер Ахмад

кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0009-0003-5406-3090

Author ID: 4528–7955

147. (In Russ.)]

17. Shakhmatov A.V., Glubokovskikh R.V. [Concept and content of investigative work of operational units of internal affairs bodies]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):118–125. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isfandiyor A. Odinzoda

Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0009-0003-5406-3090

Author ID: 4528–7955

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ (ОСОБЕННЫЙ) ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Улитин И.Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Улитин И.Н. Специальный субъект как факультативный (особенный) признак состава преступления: понятие, классификация и уголовно-правовое значение. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):102–111. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-102-111>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Улитин Илья Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (967) 306-41-05

E-mail: iliaylitin1994@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.07.2026

Статья принята к печати: 28.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: В статье рассматривается специальный субъект преступления как факультативный признак состава общественно опасного посягательства. Автором дается анализ доктринальных подходов к определению понятия специального субъекта, его этимологического и лексического значения. Поддерживая сложившиеся в науке подходы, автор систематизирует факультативные признаки субъекта по трем блокам: правовой статус и социальная роль, личные свойства и демографический статус, ролевой статус по отношению к потерпевшему. Исследуется соотношение категорий «факультативные признаки субъекта» и «специальный субъект», а также их роль в квалификации преступлений и назначении наказания. Обосновывается, что понятие «факультативные признаки» шире по объему, они могут учитываться как составообразующие, дифференцирующие признаки, а также выступать смягчающими или отягчающими обстоятельствами. Отмечается использование законодателем отсылочных и бланкетных диспозиций при конструировании признаков специального субъекта.

Цель исследования – на основе анализа доктринальных подходов, этимологического и лексического значения термина «специальный», а также положений действующего уголовного законодательства сформулировать авторское определение специального субъекта преступления, систематизировать его факультативные признаки и определить их уголовно-правовое значение в квалификации преступлений и назначении наказания.

Задачи исследования – провести анализ существующих в доктрине уголовного права подходов к определению понятия «специальный субъект преступления»; исследовать этимологическое и лексическое значение слова «специальный»; систематизировать факультативные признаки субъекта преступления; разграничить понятия «факультативные признаки субъекта» и «специальный субъект»; установить место и роль факультативных признаков субъекта в структуре состава преступления.

Методы исследования: диалектический метод как общенаучная основа познания; формально-логический; системно-структурный; формально-юридический; сравнительно-правовой; лингвистический; метод анализа и синтеза, а также метод толкования правовых норм.

Результаты проведенного исследования – аргументировано, что понятие «факультативные признаки субъекта преступления» является более широким по объему, чем понятие «специальный субъект», поскольку первые могут учитываться судом при назначении наказания и не будучи составообразующими, тогда как второй имеет место только тогда, когда факультативный признак выступает конститутивным элементом конкретного состава. Обосновано авторское определение факультативных признаков субъекта преступления. Доказана целесообразность классификации факультативных признаков субъекта, используемых при конструировании состава, на три группы: признаки, отражающие правовой статус или социальную роль; признаки, характеризующие личные свойства и демографический статус; признаки, описывающие ролевой статус виновного во взаимоотношениях с потерпевшим. Установлено, что при конструировании признаков специального субъекта законодатель активно применяет отсылочные и бланкетные диспозиции, в силу чего такие признаки могут определяться как непосредственно в УК РФ, так и посредством обращения к иным нормативным правовым актам.

Ключевые слова: специальный субъект, факультативные признаки, состав преступления, классификация признаков субъекта, правовой статус, социальная роль, демографические признаки, ролевой статус, составообразующие признаки, назначение наказания, бланкетные диспозиции.

SPECIAL SUBJECT AS AN OPTIONAL (SPECIAL) FEATURE OF A CRIME: CONCEPT, CLASSIFICATION AND CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE

Ilya N. Ulitin

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Ulitin I.N. Special subject as an optional (special) feature of a crime: concept, classification and criminal-legal significance. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):102–111. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-102-111>

CONTACT INFORMATION:

Ilya N. Ulitin, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (967) 306-41-05

E-mail: iliaylitin1994@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.07.2026

The article has been accepted for publication: 28.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: This article examines the concept of a special subject of a crime as an optional element of a socially dangerous offense. The author analyzes doctrinal approaches to defining the concept of a special subject, its etymological and lexical meaning. Supporting established scholarly approaches, the author systematizes the optional characteristics of a subject into three blocks: legal status and social role, personal characteristics and demographic status, and role status in relation to the victim. The relationship between the categories of «optional characteristics of a subject» and «special subject» is examined, as well as their role in the classification of crimes and sentencing. It is argued that the concept of «optional characteristics» is broader in scope; they can be considered as constituent and differentiating features, and also act as mitigating or aggravating circumstances. The author notes the legislator's use of referral and blanket dispositions when constructing the characteristics of a special subject.

The *purpose* of this study is to formulate a unique definition of a special subject of a crime, systematize its optional characteristics, and determine their criminal-legal significance in classifying crimes

and sentencing based on an analysis of doctrinal approaches, the etymological and lexical meaning of the term «special,» and the provisions of current criminal legislation.

The *objectives* of this study are to analyze existing approaches to defining the concept of a «special subject of a crime» in criminal law doctrine; explore the etymological and lexical meaning of the word «special»; systematize the optional characteristics of a subject of a crime; distinguish between the concepts of «optional characteristics of a subject» and «special subject»; and establish the place and role of optional characteristics of a subject in the structure of a crime.

Research *methods*: dialectical method as a general scientific basis for cognition; formal-logical; systemic-structural; formal-legal; comparative-legal; linguistic; method of analysis and synthesis; and method of interpretation of legal norms.

The *results* of the conducted research substantiate the view that the concept of «optional characteristics of the subject of a crime» is broader in scope than the concept of a «special subject,» since the former may be taken into account by the court when sentencing without being a constituent element of the crime, whereas the latter only occurs when the optional characteristic serves as a constitutive element of a specific crime. The author's definition of optional characteristics of the subject of a crime is substantiated. The advisability of classifying the optional characteristics of the subject used in constructing the crime into three groups is demonstrated: characteristics reflecting legal status or social role; characteristics characterizing personal qualities and demographic status; characteristics describing the role status of the perpetrator in relations with the victim. It is established that, when constructing the characteristics of a special subject, the legislator actively uses referral and blanket dispositions, due to which such characteristics can be defined both directly in the Criminal Code of the Russian Federation and by referring to other regulatory legal acts.

Keywords: special subject of a crime, optional elements of a crime, classification of elements of a subject, legal status, social role, demographic characteristics, role status, elements that form the crime, sentencing, blanket dispositions.

Введение

Ни одно преступное посягательство не совершается при отсутствии субъекта, поэтому в уголовно-правовой науке учение о субъекте преступления занимает ключевое место. В доктрине справедливо отмечается, что данная категория является сложной и многогранной, требующей дальнейшего осмысления и уточнения. Данный феномен исследуется под разными «углами»: как конструктивный элемент состава общественно опасного посягательства; как личность виновного; как участник уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, а также отношений, связанных с уголовной ответственностью. Помимо этого, имеются исследования, связанные с рассмотрением искусственного интеллекта в качестве субъекта общественно опасного посягательства [2]. Безусловно, центральное место в уголовно-правовом «пространстве» занимает лицо, совершившее преступление, поскольку все усилия как доктрины, так и законодательной и правоприменительной практики направлены на противодействие преступности.

Как известно, в рамках изучения института преступления внимание сосредоточено на исследовании субъекта общественно опасного посягательства. В данном контексте особого внимания заслуживают его признаки, тесно связанные с основаниями привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении противоправных посягательств¹. Указанному правовому феномену посвящено множество исследований. В рамках таковых рассматривались общие вопросы учения о субъекте преступления², анализировалась специфика специального субъекта³ и т.д. Важно подчеркнуть, что большинство подобных научных трудов, особенно фундаментальных, датируются началом XXI века. Причем основное внимание в них уделяется, как правило, обязательным

¹ Павлов В.Г. Субъект преступления: история, теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000 С. 21.

² Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002; Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

³ Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005; Кольцов Е.Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

признакам, тогда как индивидуальные черты субъекта часто остаются без должного анализа. Тем не менее обозначенная категория остается одной из самых дискутируемых в уголовно-правовой науке, о чем свидетельствует обилие публикаций как общего, так и узкоспециального характера.

В процессе квалификации преступлений и определении меры наказания зачастую значительную роль играют факультативные признаки элементов состава общественно опасного посягательства, в том числе относящиеся к субъекту. Такие признаки могут выступать в роли конститутивных (обязательных) или дифференцирующих применительно к составу, а также учитываться судом при назначении наказания как обстоятельства, смягчающие либо отягчающие наказание¹.

Под субъектом преступления в доктрине принято понимать признак модели общественно опасного посягательства, который аккумулирует свойства лица, совершившего запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние². Примечательно, что сам Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не дает определения термину «субъект преступления», хотя упоминает его в ч. 4 ст. 34 УК РФ³. В ст. 19 кодекса используется слово «лицо», в связи с чем многие авторы полагают, что понятие «субъект преступления» – это категория, выработанная наукой и практикой, которую законодатель сознательно избегает⁴ [10, с. 63].

В уголовно-правовой теории устоялась позиция, согласно которой признаки субъекта преступления делятся на обязательные (присущие любому лицу, совершившему преступление) и факультативные, характерные только для специального [5, с. 185]. Анализ текста Особенной части УК РФ показывает, что около 40% ее статей содержат указания на признаки специального субъекта [9, с. 242]. Хотя затрагиваемый термин напрямую не используется в тексте уголовного закона, он встречается в актах толкования. Например, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС) от 7 июля 2015 г. № 32⁵; п. 28 ППВС от 30 ноября 2017 г. № 48⁶ и др., а также в иных правоприменительных актах.

Актуальность рассмотрения специального субъекта как факультативного признака состава преступления заключается в следующем: законодатель при конструировании моделей общественно опасных посягательств зачастую использует признаки такого субъекта преступления; появление новых видов преступлений порождает вопросы о появлении новых характеристик субъектов общественно опасных посягательств; в настоящее время в науке до сих пор существуют дискуссионные вопросы относительно ряда признаков специального субъекта и т.д.

Методы исследования

Исследование проблематики определяет методологию исследования, включающую в себя использование диалектического метода как общенаучной основы познания, наряду с формально-логическим, системно-структурным, формально-юридическим, сравнительно-правовым и лингвистическим методами, а также методами анализа, синтеза и толкования правовых норм в контексте избранной темы.

Результаты исследования

1. В структуре субъекта преступления выделяются обязательные и факультативные признаки. Последние присущи только специальному субъекту. При этом факультативные признаки субъекта и специальный субъект не тождественны, поскольку первые могут учитываться и при назначении наказания, не будучи составообразующими, тогда как второй имеет место только тогда, когда факультативный признак является конститутивным элементом состава.

¹ Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 152.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. С. 55.

³ Долгих Т.Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Бойко. Ростов-на-Дону, 1996. С. 19.

⁵ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 г. № 32 (ред. от 09.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Проведенное исследование позволяет определить факультативные признаки субъекта преступления как юридически значимые характеристики лица, совершившего преступление (как закрепленные в законе, так и нет), которые могут выступать в различных ролях: как обязательный признак состава, как дифференцирующее обстоятельство (квалифицирующее или привилегирующее), а также как признак, смягчающий или отягчающий наказание.

3. Соглашаясь с рядом ученых, полагаем, что факультативные признаки субъекта, используемые при конструировании состава и являющиеся составообразующими, можно классифицировать на три группы: а) признаки, отражающие правовой статус или социальную роль; б) признаки, характеризующие личные свойства и демографический статус; в) признаки, описывающие ролевой статус виновного во взаимоотношениях с потерпевшим.

4. При конструировании признаков специального субъекта законодатель активно применяет отсылочные и бланкетные диспозиции, в силу чего эти признаки могут определяться как непосредственно в УК РФ, так и посредством обращения к иным нормативным правовым актам.

Научная дискуссия

Поскольку категория «специальный субъект преступления» является сугубо доктринальной, обратимся к различным точкам зрения ученых на ее содержание.

Например, С.С. Аветисян понимает под специальным субъектом лицо, которое, обладая общими признаками, дополнительно наделено особыми свойствами, закрепленными в диспозиции или вытекающими из нее, а также, при необходимости, из иных нормативных актов, и способное в силу этого совершить преступление и понести ответственность [1, с. 193]. Э.А. Бачурин акцентирует внимание на том, что специальные признаки детерминированы объектом посягательства либо обстоятельствами, относящимися к личности, и закреплены в гипотезе нормы Особенной части¹. Л.Д. Гаухман указывает на наличие у такого субъекта наряду с общими признаками дополнительных особенностей, прямо перечисленных в законе или из него вытекающих². Н.Ю. Зограбян подчеркивает, что это вменяемое лицо, достигшее установленного возраста и обладающее дополнительными признаками на момент совершения деяния [4, с. 52]. Ю.С. Караваева связывает свойства специального субъекта с использованием своего социального статуса (роли) [6, с. 178]. Н.С. Лейкина и Н.П. Грабовская определяют его как субъекта с конкретными особенностями, указанными в диспозиции³. Р. Орымбаев делает акцент на дополнительных признаках, ограничивающих круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности [11, с. 46]. С.А. Семенов выводит специальные признаки из качеств объекта преступления⁴. Ю.В. Тарасова говорит о дополнительных признаках, позволяющих отграничить ответственность виновного по конкретной статье⁵. В.В. Устименко, в свою очередь, подчеркивает, что дополнительные юридические признаки прямо предусмотрены уголовным законом или из него вытекают и сужают круг потенциально ответственных лиц [14, с. 11]. Имеются и другие мнения, связанные с интерпретацией анализируемого термина.

Анализ представленных выше мнений позволяет выделить как общие, так и отличительные особенности. В частности, большинство авторов едины во мнении, что специальный субъект характеризуется признаками, выходящими за рамки обязательных. Различия позиций сводятся к указаниям на то, что такие признаки могут быть как прямо закреплены в диспозиции уголовно-правовой нормы, так и «вытекать» из ее содержания либо смысла. Помимо этого, ряд мнений отличаются следующими аспектами: детерминацией субъекта общественно опасного посягательства объектом преступления; определением целевого значения искомого термина; временным моментом обладания специальными признаками и др.

В целом отсутствие единого, общепринятого определения свидетельствует о сложности и дискуссионности исследуемой категории, однако очевидно, что большинство ученых признают

¹ Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 11.

² Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 129.

³ Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Субъект преступления // Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1968. С. 389.

⁴ Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

⁵ Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

необходимость наличия у лица, совершившего преступление, дополнительных (факультативных) признаков [7, с. 54].

Для более объективного представления о понятии анализируемого термина следует определить его этимологию, лексему, установить «первозданное» значение.

В науке общепризнано, что субъектом преступления признается лицо, которое совершило противоправное деяние и подлежит уголовной ответственности¹. К таковому относится вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности [15, с. 194]. В связи с этим остановимся только на определении термина «специальный».

Этимологическое свойство анализируемого слова происходит от латинского «speciālis», что переводится как «особый» или «индивидуальный»².

В лексическом значении данный термин определяется как «особый», «исключительно для чего-либо или кого-либо предназначенный»³.

Антонимами к слову «специальный» выступают термины «общий» и «универсальный».

В связи с этим в рамках учения о составе преступления представляется обоснованным выделение категории «специальный субъект преступления». Исходя из этимологического и лексического значения слова «специальный», можно определить, что специальный субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности и обладающее особыми (дополнительными) признаками, которые отличают его от иных лиц, совершивших преступление.

Анализ научной литературы показывает, что большинство ученых при определении специального субъекта преступления выделяют его виды либо предлагают различные классификации его признаков. В данном случае необходимо акцентировать, что в науке разграничивают как виды специальных субъектов преступления, так и специальных признаков данного элемента состава общественно опасного посягательства.

Думается, что правильнее вести речь именно о признаках специального субъекта преступления, а не о его видах, потому что именно совокупность специальных «условий» или определенное «условие» определяет правовую сущность специального субъекта как признака состава преступления. Помимо этого, виды субъектов производны от его признаков. В связи с этим ниже представлены суждения, выработанные в науке относительно классификации признаков специального субъекта преступления.

Например, Р. Орымбаев предлагает различные основания классификации этих признаков, выделяя таковые конкретно в каждой главе Особенной части уголовного закона [11, с. 48].

А.С. Рузина называет следующие категории признаков: правовое положение, социальная роль и гражданство; должностное положение; профессиональная деятельность и характер работы; демографические и физические данные; воинская служба как особый вид государственной службы; взаимоотношения с потерпевшим; а также особый правовой статус некоторых категорий лиц [12, с. 107–116].

А.В. Наумов предлагает группировать признаки по следующим основаниям: гражданство, пол, возраст, семейно-родственные связи, должностное и профессиональное положение, отношение к воинской обязанности, а также иные критерии⁴.

Л.Д. Ермакова, в свою очередь, насчитывает одиннадцать групп, включая в их число государственно-правовое положение, демографические признаки, семейно-родственные отношения, отношение к воинской обязанности, должностное положение, профессиональные обязанности, характер работы, занимаемую должность, обязанности перед государством, особое положение по отношению к потерпевшему и иные⁵.

¹ Общая часть российского уголовного права, в таблицах и схемах: учеб. пособие / В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова, Т.Ю. Батютина, И.Н. Улитин. М.: Проспект, 2025. С. 38.

² Специальный [сайт]. Викисловарь; 2024 [обновлено 1 марта 2024; процитировано 14 января 2026]. Доступно: <https://ru.wiktionary.org/>.

³ Специальный [сайт]. Толковый словарь Ожегова онлайн; 2024 [обновлено 19 декабря 2024; процитировано 14 января 2026]. Доступно: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30204>.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. 3-е изд. М.: юридическая Литература, 2004. С. 223.

⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1999. С. 217.

Ю.В. Тарасова систематизирует специальные признаки по таким основаниям, как физические свойства, родственные связи, должностное положение, профессия, род деятельности, характер обязанностей, гражданство, участие в судопроизводстве, отношение к военной службе¹.

Имеются и другие подходы к классификации рассматриваемых признаков. Как можно заметить, в доктрине существует множество различных подходов к их систематизации.

На наш взгляд, наиболее удобной является классификация, объединяющая все разнообразие признаков в три крупных блока:

- признаки, характеризующие правовой статус и социальную роль²;
- признаки, характеризующие личные свойства и демографический статус [8, с. 44];
- признаки, характеризующие ролевой статус субъекта преступления с позиции его взаимоотношений с потерпевшим лицом [3, с. 15].

Предлагаемая трехчленная структура, как представляется, охватывает все группы, выделенные А.В. Наумовым, Л.Д. Ермаковой и другими исследователями.

Следует отметить, что иные доктринальные подходы, при всей их теоретической ценности, порой излишне детализируют признаки, что ведет к появлению пересекающихся и дублирующих категорий. Например, отдельное выделение «должностного положения», «профессиональных обязанностей», «характера работы» и «занимаемой должности» создает видимость различий там, где, по сути, речь идет о различных аспектах одного явления – правового и социального статуса. Предложенный нами трехблочный подход устраняет излишнее дробление. Он базируется не на механическом перечислении частных случаев, а на фундаментальных категориях, отражающих природу признаков: правовой статус и социальная роль (включая должность, профессию, гражданство, отношение к военной службе, участие в судопроизводстве); лично-демографические свойства (пол, возраст, состояние здоровья, семейное положение); ролевой статус по отношению к потерпевшему (родитель, опекун, педагог, иное лицо, обязанное заботиться о потерпевшем). Такая структура позволяет охватить все специальные признаки УК РФ без избыточности и пересечений.

Кроме того, выработанный подход позволяет четко разграничивать признаки, производные от нормативно закреплённого статуса лица, и признаки, обусловленные естественными свойствами личности либо конкретной ситуационной связью с потерпевшим.

Представленная классификация не отрицает другие позиции ученых, но интегрирует их в более стройную и логичную систему, избегая неоправданного усложнения и сохраняя практическую ориентированность. Такой подход представляется оптимальным как для дальнейших теоретических исследований, так и для целей правоприменения.

Изложенное позволяет определить, что факультативные признаки субъекта преступления представляют собой определенные уголовным законодательством характеристики лица, совершившего преступное посягательство, которые возможно классифицировать по групповой принадлежности на следующие признаки: характеризующие правовой статус или социальную роль; характеризующие личные свойства и демографический статус; характеризующие ролевой статус виновного с позиции его взаимоотношений с потерпевшим.

Для понимания соотношения понятий «факультативные признаки субъекта» и «специальный субъект» важно различать их объем и юридическую функцию.

В доктринальном аспекте содержание понятия «специальный субъект» всегда базируется на определенных факультативных признаках, однако далеко не каждый такой признак превращает субъекта в специального. Ключевое различие – роль признака в процессе квалификации. Если факультативный признак прямо закреплён в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, он становится составообразующим, а его носитель – специальным субъектом. Если же признак не входит в конструкцию состава общественно опасного посягательства, но учитывается судом при назначении наказания, он остается просто факультативным, не порождая специального статуса субъекта. Таким образом, специальный субъект – это всегда результат законодательного решения о включении факультативного признака в рамки конкретного состава. Следовательно, понятие «факультативные признаки субъекта» является более широким, чем понятие «специальный субъект преступления».

Говоря о конструировании субъекта преступления, следует понимать под этим процесс реализации законодательного запрета на общественно опасное поведение, который включает

¹ Тарасова Ю.В. Указ. соч. С. 10.

² Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: учебник. М.: Юрист, 1999. С. 78.

разработку и закрепление в УК определенной совокупности признаков¹. Таким образом, именно законодатель при разработке нормы Особенной части УК РФ определяет, каким будет являться субъект преступления – общим или специальным. Отсутствие признаков специального субъекта, предусмотренных конкретной статьей Особенной части УК РФ, исключает уголовную ответственность по ней. В одних случаях это может повлечь квалификацию по другой статье, в других – свидетельствовать об отсутствии состава преступления в целом². Пример подобного приведен в определении Верховного Суда РФ от 19 января 2016 г. № 5-УД15-82³.

Важно отметить, что при конструировании специального субъекта законодатель часто прибегает к использованию отсылочных или бланкетных диспозиций. В силу этого специальный субъект может определяться как непосредственно в УК РФ, так и путем обращения к другим нормативным правовым актам [9, с. 242]. Классическими примерами служат такие понятия, как «индивидуальный предприниматель», «руководитель организации» и др. [13, с. 110].

Немаловажным является то, что специальный субъект в процессе конструирования состава преступного посягательства может выступать как в качестве квалифицирующего признака, так и в роли привилегирующего. Относительно второй роли можно указать на ст. 106 УК РФ, где субъектом посягательства названа мать новорожденного ребенка.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику специального субъекта преступления, необходимо обратить внимание, что данный признак не существует изолированно, он имеет прочную связь с другими его элементами и признаками состава общественно опасного посягательства. Понимание этой связи необходимо для правильной квалификации и отграничения смежных составов друг от друга.

В частности, специальный субъект позволяет установить дополнительный объект преступления либо уточнить основной. Например, субъектом злоупотребления должностными полномочиями является должностное лицо. В связи с этим сам факт обладания властными полномочиями, которыми злоупотребляет виновный, означает, что преступление посягает не только на охраняемые законом интересы граждан или организаций, но и на общественные отношения в сфере реализации установленного порядка осуществления должностными лицами государственных и муниципальных органов и учреждений полномочий, входящих в их служебную компетенцию в определенных сферах (звене) государственного и муниципального управления.

Помимо этого, признаки специального субъекта общественно опасного посягательства конкретизируют объективные признаки. Для многих преступных посягательств именно наличие специального статуса у лица позволяет ему выполнить объективную сторону. Например, при даче взятки действие может быть совершено любым физическим вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, а при получении – только должностным лицом либо иностранным должностным лицом или должностным лицом публичной международной организации.

Факультативные признаки субъекта могут не участвовать в квалификации, но влиять на назначение наказания как отягчающие или смягчающие обстоятельства.

К обстоятельствам, отягчающим наказание, которые характеризуют субъекта преступления, можно отнести следующее: рецидив (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ); активная роль в совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ); состояние опьянения (ч. 1¹ ст. 63 УК РФ). Другие же обстоятельства, относящиеся к иным факультативным признакам состава преступления, напрямую взаимосвязаны с субъектом преступления. Это объясняется тем, что непосредственным участником любого общественно опасного посягательства является именно субъект преступления.

К обстоятельствам, смягчающим наказание, которые характеризуют субъекта преступления, можно отнести следующее: несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ); беременность (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ); наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Помимо этого, с учетом того, что перечень смягчающих обстоятельств является открытым, к таковым могут относиться и иные случаи, описывающие признаки субъекта преступления. Например, к смягчающим

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 25.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 559.

³ Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 5-УД15-82 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельствам могут быть отнесены неудовлетворительное физическое состояние здоровья виновного; наличие почетных грамот, благодарностей и т.д.

Список использованной литературы:

1. Аветисян С.С. Актуальные проблемы понятия специального субъекта преступления. *Прокурорская и следственная практика: Журнал Координационного совета генеральных прокуроров стран СНГ*. 2003;(1–2):187–193.
2. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(1):31–39.
3. Грабовская Н.П. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; 1961.
4. Зограбян Н.Ю. Понятие и юридическая природа специального субъекта преступления. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2009;(4(7)):50–53.
5. Зурабова Д.М., Фаргиев И.А. Родитель как специальный субъект преступления. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;(5–1):185–188.
6. Караева Ю.С. Понятие специального субъекта преступления и классификация его признаков в рамках социально ролевого подхода. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2013;(4(37)):177–178.
7. Кольцов Е.Г. Специальный субъект преступления в уголовном праве России и Франции. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2007;(534):52–66.
8. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; 1968.
9. Лукьянчикова Е.Ф., Лифинцев И.А. Специальный субъект преступления. *Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: двадцать третья международная научно-практическая конференция (г. Белгород, 30 сентября 2019 г.)*. Белгород; 2019.
10. Назаренко Г.В. Субъект преступления как понятие, концепт и действующее лицо. *Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права*. 2016;(12):63–67.
11. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: Наука; 1977.
12. Рузина А.С. Классификация специальных признаков субъекта преступления. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2007;(527):107–116.
13. Улитин И.Н. Факультативные признаки субъекта

References:

1. Avetisyan S.S. [Actual problems of the concept of a special subject of crime]. *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika: Zhurnal Koordinatsionnogo soveta general'nykh prokurorov stran SNG = Prosecutorial and investigative practice: Journal of the Coordinating Council of Prosecutors General of the CIS Countries*. 2003;(1–2):187–193. (In Russ.)]
2. Antonova E.Yu. [Artificial intelligence technologies – a subject of crime or an instrument / means of committing a crime?]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University*. 2022;(1):31–39. (In Russ.)]
3. Grabovskaya N.P. [Criminal law fight against juvenile crimes in the USSR]. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1961. (In Russ.)]
4. Zograbyan N.Yu. [Concept and legal nature of the special subject of crime]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*. 2009;(4(7)):50–53. (In Russ.)]
5. Zurabova D.M., Fargiev I.A. [Parent as a special subject of crime]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(5–1):185–188. (In Russ.)]
6. Karavaeva Yu.S. [Concept of a special subject of crime and classification of its features within the framework of the socio-role approach]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*. 2013;(4(37)):177–178. (In Russ.)]
7. Koltsov E.G. [Special subject of crime in the criminal law of Russia and France]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2007;(534):52–66. (In Russ.)]
8. Leykina N.S. [Personality of the criminal and criminal liability]. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1968. (In Russ.)]
9. Lukyanchikova E.F., Lifintsev I.A. [Special subject of crime]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: dvadtsat' tret'ya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya = Science and education: domestic and foreign experience: the twenty-third international scientific and practical conference (Belgorod, September 30, 2019)*. Belgorod; 2019. (In Russ.)]
10. Nazarenko G.V. [Subject of crime as a concept, notion and actor]. *Vestnik Essentukского instituta upravleniya, biznesa i prava = Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law*. 2016;(12):63–67. (In Russ.)]
11. Orymbaev R. [Special subject of crime]. Alma-Ata: Nauka; 1977. (In Russ.)]
12. Ruzina A.S. [Classification of special features of the subject of crime]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2007;(527):107–116. (In Russ.)]
13. Ulitin I.N. [Optional features of the subject of crime:

преступления: законодательные подходы к конструированию. *Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 23 ноября 2023 г.).* Краснодар; 2024.

14. Устименко В.И. Специальный субъект преступления. Харьков: Вища шк.; 1989.

15. Шкунов А.Д. Понятие и классификация специальных субъектов преступлений в сфере экономической деятельности. *Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники).* 2019;(8):192–201.

legislative approaches to construction]. *Ugolovno-pravovye, ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu: sbornik statey po materialam VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Criminal law, criminal procedure and forensic issues of combating crime: collection of articles based on the materials of the VII All-Russian scientific and practical conference (Krasnodar, November 23, 2023).* Krasnodar; 2024. (In Russ.)]

14. Ustimenko V.I. [Special subject of crime]. Kharkov: Vyshcha shkola; 1989. (In Russ.)]

15. Shkunov A.D. [Concept and classification of special subjects of crimes in the sphere of economic activity]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki) = Actual problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique).* 2019;(8):192–201. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Улитин Илья Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya N. Ulitin

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

**КОНФЕРЕНЦИИ; СИМПОЗИУМЫ;
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ**

**CONFERENCES; SYMPOSIUMS;
SCIENTIFIC SEMINARS**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-112-119>

**О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.
ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА КУБАНИ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 120-ЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)»**

Лупарев Е.Б.* , Курячая М.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б., Курячая М.М. О прошлом и будущем парламентаризма. Обзор научно-практической конференции «Развитие парламентаризма на Кубани: история и современность (к 120-летию Государственной Думы)». *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):112–119. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-112-119>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович*, доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2026

Статья принята к печати: 18.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: В статье дается обзор выступлений участников научно-практической конференции «Развитие парламентаризма на Кубани: история и современность (К 120-летию Государственной Думы)», проведенной 2 июня 2026 года кафедрой конституционного и административного права Кубанского государственного университета совместно с Межрегиональной ассоциацией конституционалистов России в Краснодарском крае. Излагаются основные положения докладов, прозвучавших в ходе выступлений и сообщений ученых и практических работников, а также общие выводы по результатам работы конференции. В ходе дискуссий были обозначены основные теоретические проблемы и практические аспекты историко-правового развития, тенденции дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего порядок формирования представительных органов как на уровне субъекта, так и в муниципальных образованиях Краснодарского края. Участники конференции в рамках обсуждения развития парламентаризма на Кубани остановились на особенностях современного российского представительства, его исторических и теоретических аспектах; вопросах национальной безопасности, общественной активности и гражданского активизма, расширения конституционных основ гражданского общества; значении регулирующего воздействия правотворчества; проблемах парламентаризма в условиях цифровизации; обновления и трансформации всей системы правового регулирования; усиления понятийной составляющей; укрепления единства публичной власти; защиты прав человека и основных свобод в условиях становления и развития законодательства о народной медицине;

вопросах соотношения норм федерального и регионального законодательства, регулирующего административно-территориальное деление и муниципально-территориальное устройство.

Ключевые слова: парламентаризм, представительные (законодательные) органы, региональное избирательное законодательство, муниципальный парламентаризм, публичная власть, права человека, демократия, гражданское общество, общественная активность, Городская дума Краснодара, устав муниципального образования.

ON THE PAST AND FUTURE OF PARLIAMENTARISM. REVIEW OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “THE DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARISM IN KUBAN: HISTORY AND MODERNITY (TOWARDS THE 120TH ANNIVERSARY OF THE STATE DUMA)”

Evgeny B. Luparev*, Marina M. Kuryachaya
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B., Kuryachaya M.M. On the past and future of parliamentarism. Review of the scientific and practical conference "The Development of Parliamentarism in the Kuban: History and Modernity (on the 120th Anniversary of the State Duma)". *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):112–119. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-112-119>

CONTACT INFORMATION:

Evgeny B. Luparev*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.07.2026

The article has been accepted for publication: 18.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The article provides an overview of the presentations made by the participants of the scientific and practical conference “The Development of Parliamentarism in the Kuban: History and Modernity (On the 120th Anniversary of the State Duma),” held on June 2, 2026, by the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kuban State University in cooperation with the Interregional Association of Constitutionnalists of Russia in the Krasnodar Territory. The main points of the reports delivered during the presentations and presentations by scholars and practitioners are presented, as well as the general conclusions based on the results of the conference. During the discussions, the main theoretical problems and practical aspects of the historical and legal development, as well as the trends for further improvement of the legislation regulating the procedure for the formation of representative bodies both at the regional level and in the municipal entities of the Krasnodar Territory, were identified. During the discussion of the development of parliamentarism in the Kuban region, the conference participants focused on the specific features of modern Russian representation, its historical and theoretical aspects; issues of national security, public engagement and civic activism, and the expansion of the constitutional foundations of civil society; the significance of the regulatory impact of law-making; the problems of parliamentarism in the context of digitalization; the renewal and transformation of the entire system of legal regulation; strengthening the conceptual component; strengthening the unity of public authority; protecting human rights and fundamental freedoms in the context of the formation and development of legislation on traditional medicine; and issues related to the relationship between federal and regional legislation governing administrative-territorial division and municipal-territorial structure.

Keywords: Parliamentarism, representative (legislative) bodies, regional electoral legislation, municipal parliamentarism, public authority, human rights, democracy, civil society, public engagement, the Krasnodar City Duma, the charter of the municipal entity.

В 2026 году российское юридическое и историческое сообщество отмечает значимую дату – 120-летие со дня созыва первой Государственной Думы Российской империи. Юбилейный год ознаменован особым вниманием к истории представительной власти в России.

В рамках всероссийских мероприятий, посвященных парламентскому юбилею, на юридическом факультете имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета состоялась научно-практическая конференция «Развитие парламентаризма на Кубани: история и современность (К 120-летию Государственной Думы)». Как отмечают организаторы всероссийских мероприятий, цель этих встреч позволит осмыслить эволюцию законодательных традиций от работы Государственной думы Российской империи I созыва (1906 года) до современных реалий парламентской деятельности, включая предстоящие выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации IX созыва, которые пройдут в сентябре 2026 года и станут важным этапом в развитии представительной власти в стране.

Организатором конференции «Развитие парламентаризма на Кубани: история и современность (К 120-летию Государственной Думы)» выступила кафедра конституционного и административного права юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета совместно с Межрегиональной ассоциацией конституционалистов России в Краснодарском крае.

Краснодарский край не случайно стал одной из площадок для серьезного научного диалога. Регион обладает богатой историей законотворчества – от традиций Кубанской законодательной рады начала XX века до активной работы современного парламента – Законодательного Собрания Краснодарского края.

2 июня 2026 года в зале заседаний Ученого совета юридического факультета мероприятие объединило ведущих ученых-правоведов, историков, практикующих юристов, представителей органов публичной власти и общественных объединений, а также студентов и аспирантов. Участники конференции обсудили широкий круг вопросов: историко-правовые аспекты зарождения парламентаризма на юге России; преемственность поколений в законотворческой деятельности (от Рады 1917 года до сегодняшнего дня); актуальные проблемы современного конституционного права и совершенствования законодательного процесса в субъектах РФ; роль молодых юристов в развитии гражданского общества. Особый интерес вызвали доклады, посвященные региональной специфике формирования представительных органов власти на Кубани, а также сравнительному анализу эффективности парламентских институтов в разные исторические эпохи.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Председатель Организационного комитета конференции, заместитель декана юридического факультета КубГУ, заведующий кафедрой конституционного и административного права, доктор юридических наук, профессор **Е.Б. Лупарев**, который в своем выступлении акцентировал внимание на том, что исторический опыт парламентаризма представляет собой не только предмет научного исследования, но и методологическую основу для понимания современных процессов государственного строительства. Изучение истории парламентаризма – не простая дань уважения прошлому, это фундамент для построения правового государства в настоящем, способного гарантировать права и свободы граждан, обеспечивать верховенство закона и реальное народовластие. Обращаясь к прошлому, мы выявляем закономерности становления представительных институтов, анализируем динамику их взаимоотношений с исполнительной властью, изучаем механизмы общественного контроля и обратной связи. Его доклад на тему «Парламентаризм и административная реформа» был посвящен анализу конституционных преобразований в системе публичной власти в рамках конституционной реформы 2020 года.

Депутат городской Думы Краснодара, заместитель председателя комитета по строительству, градостроительной и архитектурной деятельности городской Думы Краснодара **К.А. Перцев** в своем выступлении подчеркнул личную вовлеченность и значимость события для него, как для действующего депутата, он отметил, что юбилей Государственной Думы – это повод для осмысления пройденного пути развития представительной демократии в России и на Кубани. Основная часть его выступления была посвящена современному этапу развития парламентаризма на муниципальном уровне. Кирилл Анатольевич охарактеризовал работу городской Думы Краснодара. Особый акцент

был сделан на ежедневной работе с наказами избирателей, решении конкретных проблем дворов, школ, больниц. Такой подход переводит разговор о парламентаризме из абстрактно-правовой плоскости в плоскость реальной муниципальной практики. В конце выступления была подчеркнута мысль о необходимости опираться на историю, чтобы строить будущее осознанно и ответственно. Депутат выразил благодарность организаторам конференции и пожелал участникам плодотворных дискуссий.

В своем докладе на тему «Некоторые проблемы правового регулирования вопросов парламентаризма в условиях цифровизации» **Л.В. Бутько** (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КубГУ) подняла проблему *концептуального переосмысления традиционных институтов парламентаризма под влиянием цифровых технологий. Также докладчик обратила внимание на риски, связанные с непрозрачностью цифровых систем, в частности, дистанционного электронного голосования (ДЭГ), и их влияния на легитимность принимаемых решений.*

В выступлении на тему «Национальная безопасность в условиях развития парламентаризма» доцент кафедры конституционного и административного права КубГУ **О.А. Ковтун** рассказала о том, что одним из направлений деятельности органов публичной власти является осуществление мероприятий по обеспечению национальной безопасности. Утвержденная Президентом РФ 25 ноября 2025 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года является документом стратегического планирования, определяющим цели, принципы, приоритетные направления государственной национальной политики, инструменты и механизмы ее реализации.

Стратегия направлена на обеспечение национальных интересов Российской Федерации, укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности России, сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, а также на координацию деятельности органов публичной власти, обеспечение их взаимодействия с институтами гражданского общества.

Проблемам применения оценки регулирующего воздействия как необходимого условия для формирования сбалансированной и предсказуемой регуляторной среды был посвящен доклад заведующего кафедрой теории и истории государства и права КубГУ, доктора юридических наук, доцента **Г.Э. Адыгезаловой** на тему «Регуляторная политика и правотворчество: значение оценки регулирующего воздействия», которая указала на *необходимость совершенствования методик оценки и повышения ответственности разработчиков нормативных актов.*

В своем выступлении на тему «Становление и развитие законодательства о народной медицине в целях защиты прав и свобод граждан (на примере Краснодарского края)» профессор кафедры теории и истории государства и права КубГУ, доктор юридических наук, доцент **Е.В. Елифанова** осветила проблематику терминологической неопределенности в законодательстве о народной медицине в свете конституционного принципа приоритета прав и свобод человека применительно к праву на охрану здоровья. Обращено внимание на то, что требуется унификация государственного контроля за всеми субъектами, осуществляющими медицинскую и иную деятельность по охране здоровья населения.

Доцент кафедры конституционного и административного права КубГУ, член Общественной палаты города Краснодара, кандидат юридических наук, доцент **М.М. Курячая** в докладе «Устав муниципального образования город Краснодар: об эволюции содержания» проследила более чем двадцатилетнюю историю становления и трансформации этого документа, начиная с его принятия городской Думой 19 июля 2003 года и заканчивая изменениями, внесенными в 2026 году. Особый акцент был сделан на том, что Устав Краснодара является не статичным сводом правил, а динамично развивающимся правовым актом, реагирующим как на изменения федерального и регионального законодательства, так и на внутренние потребности растущего мегаполиса.

В ходе анализа были выделены несколько ключевых этапов и направлений эволюции содержания Устава. Основной массив поправок в Устав был обусловлен систематическими изменениями в российском праве. Докладчик подробно остановилась на нескольких знаковых новеллах.

Противодействие коррупции (2017 год). В ст. 31 Устава была внесена норма, наделяющая губернатора Краснодарского края правом обращаться в городскую Думу или суд с заявлением о досрочном прекращении полномочий депутата в случае нарушения им антикоррупционных запретов

и ограничений. Автор привела конкретный пример реализации этой нормы: в марте 2023 года полномочия депутата городской Думы были прекращены на основании представленных губернатором материалов о нарушении требований федерального закона о запрете иметь счета в иностранных банках и о предоставлении недостоверных деклараций [1, с. 150].

Дисциплина депутатов (2023 год). Статья 33 Устава была дополнена частью 1.3, согласно которой полномочия депутата прекращаются досрочно в случае его отсутствия без уважительных причин на всех заседаниях Думы в течение шести месяцев подряд.

Развитие внешнеэкономических связей (2023 год). Устав был дополнен ст. 6.1, которая определила порядок осуществления международных и внешнеэкономических связей органами местного самоуправления, что важно для укрепления позиций города на международной арене.

Приведение в соответствие с федеральной реформой (2024 год). В Устав были внесены изменения, дополнившие официальное наименование города указанием на его статус «городской округ». Это изменение, как было отмечено в докладе, является частью общей унификации статуса муниципальных образований в стране.

Интеграция в единую систему публичной власти. Докладчик обратила внимание на поправки, усиливающие надзор за кадрами, в частности, дополнение ч. 2 ст. 94 Устава положением о том, что проверка кандидатов на должность руководителя финансового органа проводится с участием финансового органа Краснодарского края. Это наглядно демонстрирует процесс интеграции муниципалитета в единую систему публичной власти.

В заключение доклада был сделан вывод о том, что эволюция Устава Краснодара является наглядной иллюстрацией процесса реализации конституционных норм о местном самоуправлении на практике. Докладчик отметила, что перспективы развития Устава видятся в его дальнейшем совершенствовании как гибкого правового акта, который, сохраняя свою базовую роль, позволяет муниципальным парламентам оперативно реагировать на новые вызовы (от цифровизации до вопросов безопасности), тем самым укрепляя конституционные основы публичной власти на муниципальном уровне.

В докладе «Развитие регионального избирательного законодательства: перспективы и направления в условиях цифровизации» доцента кафедры гражданского процесса и международного права КубГУ, кандидата юридических наук **И.Ю. Пащенко** были освещены проблемы цифровизации избирательного законодательства. В частности, обращено внимание на следующие обстоятельства. Отмечено, что цифровая трансформация оказывает системное влияние на избирательный процесс, охватывая стадии регистрации кандидатов, финансового контроля, голосования и установления его итогов. Анализ законодательных изменений позволил выделить несколько ключевых тенденций. Первая связана с внедрением электронного документооборота, развитием дистанционных сервисов и использованием государственных информационных систем для формирования сведений об избирателях. Вторая направлена на повышение прозрачности избирательных кампаний посредством цифровизации финансового контроля и расширения механизмов публикации сведений о финансировании выборов. Третья тенденция выражается в создании правовых основ для использования информационных технологий при подведении итогов голосования и развитии электронного голосования при сохранении возможности применения традиционных бумажных бюллетеней.

Особое внимание в докладе было уделено новым вызовам, связанным с развитием технологий искусственного интеллекта. В законодательстве Краснодарского края уже закреплены ограничения на использование созданных с применением цифровых технологий изображений и голосов граждан в агитационных материалах, что формирует первые механизмы противодействия технологиям дипфейков. Кроме того, предлагается расширение цифровой открытости избирательного процесса за счет размещения предвыборных программ кандидатов и политических партий на интернет-ресурсах с открытым доступом.

В завершение выступления Пащенко И.Ю. сделал вывод о том, что цифровизация становится системообразующим фактором развития регионального избирательного законодательства. При этом ее успешность определяется не только внедрением новых технологий, но и способностью законодателя обеспечить баланс между эффективностью цифровых решений, прозрачностью избирательных процедур, защитой избирательных прав граждан и сохранением общественного доверия к институту выборов.

В тезисах научного доклада **Балаян Э.Ю.**, доцента кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», к.ю.н., доцента

анализируется трансформация конституционных прав человека под воздействием глобальной цифровизации. Прежде чем перейти к сути темы исследования, обратимся к категории «трансформация». Она происходит от латинского слова *transformatio*, что в переводе означает «превращение». В самом широком общенаучном смысле трансформация есть глубокое преобразование, видоизменение или переход от одного состояния в другое. Данное понятие описывает процесс, при котором объект, система или явление претерпевают значительные структурные изменения, в результате которых появляется нечто новое по сравнению с исходным состоянием. В наши дни такому преобразованию подвержены многие права и свободы человека, поскольку изменились их формы и механизмы их реализации, соблюдения и защиты.

Автором рассматривается диалектическое противоречие между безусловным императивом защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина и обязанностью государства в охране общественного порядка и обеспечении национальной безопасности посредством использования новых технологических решений. Особое внимание уделяется использованию парламентских институтов как ключевого субъекта законодательного процесса в адаптации правовой системы к вызовам цифрового развития.

Цифровизация является не простой технологической новеллой, охватывающей абсолютно все стороны и сферы жизни общества, а ключевым фактором преобразования правового регулирования и публичного управления. Применение цифровых технологий (биометрия, Big Data, искусственный интеллект, интернет вещей) коренным образом меняет характер общественных отношений, что неизбежно влечет за собой необходимость переосмысления и адаптации существующей нормативной правовой базы. Центральным вопросом данного процесса становится обеспечение баланса между инновационным развитием и неукоснительным соблюдением конституционных прав личности.

Нормы Основного закона России, регулирующие правовой статус личности, в условиях цифровой трансформации звучат по-особенному. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 23), а также запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица (ст. 24) встречаются с беспрецедентными вызовами. Технологии анализа больших данных позволяют делать выводы о предпочтениях, состоянии здоровья и социальном поведении индивида на основе косвенных признаков.

Системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и повсеместное использование геолокации создают условия для тотального контроля перемещений граждан. Алгоритмы искусственного интеллекта, применяемые при принятии юридически значимых решений, могут содержать скрытые предубеждения и домыслы, ведущие к дискриминации.

Представляется, что возникает острая необходимость в формировании нового поколения правовых норм, способных эффективно регулировать цифровые отношения и платформы. Стержневая роль в этом процессе отводится парламенту – высшему представительному и законодательному органу государственной власти. Его функции в контексте правового регулирования новых технологий многогранны и выходят за рамки простого законодательства.

Парламент выполняет функцию стратегического нормотворчества. Именно на уровне законодательной власти должны приниматься основополагающие акты, формирующие скелет цифрового законодательства. К ним относятся законы, регламентирующие оборот данных, применение систем искусственного интеллекта, функционирование цифровых платформ и электронной идентификации. Парламент призван сформулировать базовые принципы: приоритет прав человека над технологическими возможностями, недопустимость произвольного вмешательства в частную жизнь, прозрачность алгоритмов и подотчетность их применения.

Реализация функции контроля и интегратора экспертных (профессиональных) знаний также является ключевой задачей парламента. Законодательный орган должен гарантировать полное соответствие закону деятельности органов исполнительной власти по использованию новых цифровых технологий, соблюдение баланса публичного и частного интереса, свободы и безопасности. Указанная функция претворяется в жизнь через такие парламентские механизмы, как парламентские слушания, депутатские запросы, активную и целенаправленную деятельность специализированных комитетов. От эффективности такого контроля, оценки потенциальных рисков и последствий принимаемых решений зависят обеспечение учета мнения общественности при выработке государственной политики в сфере цифровизации, принятие важнейших законов.

В совершенствовании нуждается также процесс законотворчества. Установленная этапность разработки, обсуждения и принятия законов не всегда подходит для быстрого правового

регулирования стремительно меняющейся технологической действительности. Необходимы разработка и внедрение гибких правовых инструментов для актуализации содержания действующих и принятия новых нормативных актов в сфере информационных технологий.

Для современного государства одним из актуальных и сложных вызовов является адаптация конституционного правопорядка к условиям цифровой трансформации. Бесспорно, парламент играет ключевую и определяющую роль в этом процессе. От качества деятельности парламента по принятию справедливых и сбалансированных законов и результативного осуществления других своих полномочий зависит «судьба» цифровизации: инструмент всеобщего контроля или удобный (надежный) помощник пользователя.

Помимо состоявшихся и опытных исследователей в конференции приняли участие аспиранты. Все участники отметили высокий уровень докладов молодых исследователей, которые по актуальности соответствовали высоким требованиям академической дискуссии.

Тему цифровизации процедур, реализуемых в краевом парламенте, продолжил аспирант кафедры конституционного и административного права КубГУ **А.С. Анушян** с докладом «Влияние цифровизации на открытость деятельности представительных органов власти (на примере Краснодарского края)». Автором был сделан акцент на том, что цифровизация публичного управления создала среду, в которой информация о деятельности представительных органов среди жителей муниципальных образований Краснодарского края стала более доступной. Докладчик раскрыл современные инструменты, используемые законодателями, такие как внедрение онлайн-трансляций заседаний и ведение официальных каналов в социальных сетях. В завершение им сделан вывод о том, что ключевым индикатором открытости остается именно уровень доверия граждан, который может быть достигнут лишь при сочетании цифровых и традиционных форм взаимодействия.

С докладом «Парламентское обсуждение вопросов веротерпимости в Российской Империи» выступила юрист МРО православный Приход Свято-Пантелеймоновского храма г. Краснодара Краснодарского края Екатеринодарской и Кубанской Епархии РПЦ **Ю.С. Балайц**.

Аспирант кафедры конституционного и административного права КубГУ **С.О. Куц** предложил вниманию участников конференции доклад на тему «Роль парламентских комитетов по вопросам здравоохранения в формировании региональной политики развития персонализированной медицины и биобанкирования на Кубани».

Подводя итоги научно-практической дискуссии, председатель оргкомитета, доктор юридических наук, профессор **Е.Б. Лупарев** выразил уверенность в том, что конференция, посвященная развитию краевого парламентаризма, станет основой для укрепления сотрудничества, развития совместных исследований и непрерывному обмену знаниями и профессиональными взглядами в области народного представительства между научным сообществом и представителями публичной власти, что особенно актуально в преддверии выборов депутатов Государственной Думы IX созыва. Также он указал на то, что сегодняшние реалии и вызовы, с которыми сталкивается Россия, требуют высокого уровня экспертного сопровождения электоральных процессов.

Участники и организаторы отметили, что подобные мероприятия способствуют не только сохранению исторической памяти, но и формированию у будущих юристов глубокого понимания ценности представительной демократии и законотворческого процесса, подчеркнув актуальность обсуждаемых тем и ценность проведенных дискуссий.

Конференция стала не только теоретической, но и практической площадкой. В рамках пленарного заседания были выработаны рекомендации по совершенствованию правового просвещения молодежи. Отметим, что юридический факультет им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета последовательно развивает это направление: на протяжении нескольких лет студенты в рамках совместного проекта Кубанского государственного университета и Общественной палаты города Краснодара «ОП-стажировка» имеют возможность знакомиться с работой городского парламента, где изучают нормотворческую деятельность изнутри¹.

---

¹ См., напр.: Студенты КубГУ – участники расширенного заседания городской Думы Краснодара [сайт]. Кубанский государственный университет; 2024 [обновлено 28 февраля 2024; процитировано 20 июня 2026]. Доступно: <https://www.kubsu.ru/ru/node/41908>; 4 марта 2024 года студенты юридического факультета приняли участие в еженедельном совещании депутатов городской Думы VII созыва, которое прошло в зале заседаний, где проходят все основные мероприятия гордумы [сайт]. Юридический факультет им. А.А. Хмырова КубГУ; 2024 [обновлено 4 марта 2024; процитировано 21 июня 2026]. Доступно: <https://law.kubsu.ru/4-марта->

Также новый виток внимания к работе законодателей был усилен и парламентскими инициативами кубанских делегатов на апрельской конференции Южно-Российской Парламентской Ассоциации в Севастополе, где поддержали 8 инициатив Кубани¹.

Проведение конференции на юридическом факультете подчеркивает высокий статус Кубанского государственного университета как одного из центров правовой науки на юге страны. Конференция наглядно демонстрирует, что профессиональное юридическое сообщество Краснодарского края остается важным участником российского научного сообщества и вносит свой вклад в развитие российского парламентского права.

Мероприятия, посвященные 120-летию первой Госдумы, продолжатся в вузах России в течение всего 2026 года, подтверждая неизменный интерес научного сообщества к истокам российской государственности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Курячая Марина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», член Общественной палаты города Краснодара, член территориальной избирательной комиссии Центральная муниципального образования город Краснодар

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57224864032

ResearcherID: AAY-9983-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny B. Luparev

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Marina M. Kuryachaya

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University, Member of the Public Chamber of the City of Krasnodar, Member of the Central Territorial Election Commission of the Municipality of the City of Krasnodar

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57224864032

ResearcherID: AAY-9983-2021

2024-года-студенты-юридического-фа/; Студенты КубГУ – участники заседания гордумы Краснодара [сайт]. Кубанский государственный университет; 2025 [обновлено 27 марта 2025; процитировано 21 июня 2026]. Доступно: <https://www.kubsu.ru/ru/node/43931>; Погружение в профессию: будущие юристы посетили заседание городской Думы Краснодара [сайт]. Юридический факультет им. А.А. Хмырова КубГУ; 2025 [обновлено 27 марта 2025; процитировано 21 июня 2026]. Доступно: <https://law.kubsu.ru/%F0%9F%93%83%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8E-%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B5-%D1%8E%D1%80%D0%B8/>.

¹ Ливанов С. Парламентарии Юга России поддержали восемь инициатив Кубани на конференции в Севастополе [сайт]. PrimaMedia; 2026 [обновлено 16 мая 2026; процитировано 23 июня 2026]. Доступно: <https://krasnodarmedia.su/news/2495281/>.